

Голос Кавказа

Литература
Искусство
Публицистика

5' 2012

Ж

К.В. Петров. Портрет Ксении. 2007, холст, масло

*Обложка: стр. 1 — Ю.А. Максимов «Утро в верховьях Тютю-Су»;
стр. 4 — К.В. Петров «Мужской портрет».
Вкладыш — работы К.В. Петрова и С.С. Говорухина*

Основан 7 октября 2005 года, в день 225-летия Пятигорска.
Учрежден коллективом Северо-Кавказского института по проектированию
водохозяйственного и мелиоративного строительства

Голос Кавказа

Северо-Кавказский
некоммерческий
литературно-
публицистический
и художественный
альманах

№ 5/2012

ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
ПУБЛИЦИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий КОРКИН. Гений России. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова.	3
Георгий ПРЯХИН. Допрос. Пьеса для чтения	7
Виктор ВАСИЛЕВСКИЙ. И потому мой путь был светел. Стихи	32
Владимир ВОРОКОВ. Сафари. Повесть. Продолжение романа «Прощающие да простят. Амышев Аул»	35
Умар ЯРИЧЕВ. Между прошлым и будущим. Стихи	80
Валерий ХОТЛИН. Спецпереселенцы. Избранные главы из повести «Осколки»	87
Елена ГОНЧАРОВА. Дан человеку человек – не разлучаться. Лирика	112
Александр МОСИЕНКО. Надеюшка. Рассказ	118
ПУБЛИЦИСТИКА	
Владимир ОЛЬХОВ. Живая музыка проекта. К 85-летию нашего учредителя – коллектива проектно-изыскательского института ОАО «Севкавгипроводхоз»	125
Судьба языка и язык судьбы. Разговор о наболевшем продолжают: М.-А. Г.-А. САФАРОВ. В.А. АЛЕКСЮТИНА. Х.М. АКИЕВА. Н.Ф. БЛОХИН. М.П. ЖИГАЛОВА. А.М. КАЗИЕВА. Н.П. КЛИМЕНКО. Г.А. КОЗЛОВА. А.М. КРАСНИКОВ. В.Н. ОЛЬХОВ. О.М. ПАВЛЮК. Т.Д. САВЧЕНКО. Ж.Ж. ТОЛЫСБАЕВА. И.Х. ХОЗИЕВА. Марзие ЯХЪЯПУР. Джанолах КАРУМИ-МОТАХХАР. Самира ЭСМАИЛИ	136

НАСЛЕДИЕ

- Вячеслав НАСУНОВ. Борис РЯБУХИН.** К 90-летию великого калмыцкого поэта Давида Кугультинова 145
Владимир ГНЕУШЕВ. Кресты и пьедесталы. Поэма. Главы из первой части 153
Александра БАЖЕНОВА. «Тишиной твоей надмирной я дышал, Кавказ». Поэзия и судьба Анатолия Передреева 164
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ. Три страших брата было у меня. Стихи, написанные на Кавказе 175
Анатолий КРАСНИКОВ. «Совсем немного тех, кто сердцем не устал». Эссе к юбилею поэта 184
Геннадий КОЛЕСНИКОВ. К 75-летию поэта. Стихи из сборника «Автопортрет» 188

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАВКАЗА

- Владислав БУДАРИН. Лула КУНИ. Леча ЯСАЕВ. Леча АБДУЛАЕВ. Шарип ЦУРУЕВ. Адиз КУСАЕВ. Мадина ЯСАЕВА. Адам АХМАТУКАЕВ. Бувайсар ШАМСУДИНОВ,** перевод Л. Куни.
Алвади ШАЙХИЕВ. Наталья ОКЕНЧИЦ. Марина НОВИКОВСКАЯ. Елена КРИВЕЦКАЯ. Хизир АБИТОВ, перевод Д. Долинского.
Лариса ШЕБЗУХОВА. Билял АППАЕВ, перевод В. Шлёнского.
Фатима ЛАЙПАНОВА. Роза МЕЖИЕВА. Светлана БОРЩЕНКО. Анатолий ДУГИН. Марина КОРНИЛОВА. 196

ИСКУССТВО

- Тамара КУЛИКОВА.** Берегите актеров... Штрихи к портрету поколения 209
Энергия цвета и пластики Константина Петрова. Коллеги о художнике: **Татьяна КОЧЕМАСОВА. Эдуард ДРОБИЦКИЙ. Ефрем ЗВЕРЬКОВ. Иван ПОРТО** 219
Станислав ГОВОРУХИН. Увлечение 222

ЭПИСТОЛЯР

- Людмила СЫПИНА.** «Какая вы сегодня счастливая». Мир без границ 226

ЗАДОРИНКИ

- Лёва КЛЁВЫЙ.** Хрен и редька. Басня. Романы XXI века 230

СТРАНИЧКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Марьям ЛЬЯНОВА.** «Ох, уж эти «почемучки». 231
Елена КРЫЛОВА. Веселые стихи 232

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Сулиета КУСОВА-ЧУХО.** Диалогия для киноэпопеи 233
Александр ЗОЛКИН. «А.А. Зиновьев о вкладе Советского Союза в социальную эволюцию человечества» 236

НАШИ КОНКУРСЫ

239

АНАТОЛИЙ КОРКИН

ГЕНИЙ РОССИИ

*Ломоносову по необъятности интересов
принадлежит одно из самых видных мест
в культурной истории человечества.*

С.И. Вавилов

19 ноября 2011 года страна торжественно отметила 300-летие со дня рождения одного из самых замечательных соотечественников – Михаила Васильевича Ломоносова, великого русского ученого-энциклопедиста мирового масштаба, самобытного мыслителя и талантливейшего поэта. Вся его жизнь – яркий пример бескорыстного служения Родине, своему народу.

Блестящие успехи Ломоносова в науках и искусстве не перестают удивлять и по сей день. А.С. Пушкин писал о нем: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения... Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и во все проник... Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Велика заслуга Ломоносова в развитии русского языка и отечественной литературы. В 1748 году он публикует «Риторику, или краткое руководство к красноречию», которая предназначалась для рядовых русских читателей и поэтому была написана не на латинском, а на русском языке. Именно ломоносовская «Риторика» положила начало разработке лексико-стилистических и синтаксических норм русского литературного языка. В 1757 году он печатает «Российскую грамматику». Это было первое научное руководство по изучению родного языка, обращенное опять-таки к широким демократическим кругам населения России.

Ломоносов первый заговорил о «природной» красоте и силе русского языка, который не только не уступает, но и превосходит по своим достоинствам европейские языки. «Карл Пятый, римский император, говаривал, – писал Ломоносов, – что гишпанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично, но если бы он российскому языку был искусен, то к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка».

Значение «Грамматики» Ломоносова трудно переоценить. Она написана ясным и четким языком, что открыло доступ к грамоте самым широким слоям русского общества. Ее основные нормы и правила сохраняют свое значение и в наше время.

Создание гибкого и точного литературного языка невозможно было без чистки

и классификации его словарного состава. К решению этой задачи Ломоносов приступил в работе «О пользе книг церковных в российском языке» (1757). Основная трудность состояла в том, чтобы найти правильное соотношение церковнославянского языка и исконно русского, «природного».

Ломоносов не мог не видеть, как чрезмерная перегрузка славянизмами, несмотря на их важную роль в русской речи, делает ее непонятной даже образованным россиянам. И он нашел меру их использования в учении о «трех штилях» – «высоком, среднем и низком». Для каждого стиля Ломоносов предложил свой род «речений». Высокий стиль предназначался для героических поэм, од и ораторских речей; средний – для трагедий, сатир и научных произведений; низкий – для комедий, эпиграмм, песен и дружеских посланий. В качестве основы русского литературного языка он выдвинул общенациональную речь, в том числе язык простого народа, что сыграло важную роль в сближении литературного языка с жизнью и имело положительные последствия.

Преобразования Ломоносова способствовали также очищению родного языка от непонятных для рядового читателя иностранных слов. Ему принадлежит несомненная заслуга и в упорядочении русской научной терминологии. Это он впервые введет в русскую речь такие научные термины и понятия, как «атмосфера», «барометр», «рудник», «градус», «термометр», «маятник», «земная ось», «магнитная стрелка», «преломление лучей», «удельный вес», «наблюдение» и др.

Нельзя не согласиться с А.Н. Радищевым, который называл Ломоносова «насадителем русского слова», который, добавим, начал то, что завершил потом Пушкин.

В.Г. Белинский подчеркивал: «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим».

В поэтической деятельности М.В. Ломоносова нашли яркое отражение его просветительские взгляды и демократические убеждения. Подобно северному сиянию, вспыхнул талант Ломоносова на тусклом фоне виршевого стихотворства. «Ослепительно и прекрасно, – по словам Белинского, – было это явление!» В стихах Ломоносова российские читатели впервые ощутили богатство и красоту родного слова.

Как поэт Ломоносов выступал в самых различных жанрах. Он писал торжественные и духовные оды, стихи научного содержания, работал над поэмой о Петре Первом, создал две трагедии, несколько острых сатирических стихотворений и эпиграмм, направленных против церковников. При этом следует подчеркнуть, что, обращаясь к принятым в классицизме жанрам, он на практике рвал с поэтикой и стилистикой этого направления и выводил русскую поэзию за его узкие и тесные рамки. Выросшая на народной основе, поэзия Ломоносова была подчинена заботам о духовных нуждах народа. Он не уставал восторженно петь о могуществе и величии России, обширности ее территорий, богатстве ее ресурсов, трудолюбии ее народа:

*Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы...
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли локтем на Кавказ.*

А чтобы Россия процветала, необходимо, постоянно подчеркивал поэт-патриот, развитие отечественной науки, просвещение народа. Поэтому совершенно естественно выглядит его обращение к российской молодежи с призывом посвятить себя служению этому важному делу:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Чем бы Ломоносов не занимался, какие бы великие открытия не совершал, он все делал на благо своего народа, содействовал, как он сам говорил, «приращению общей пользы». Прав был Н.Г. Чернышевский, когда заметил: «Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины».

Ломоносов ушел из жизни 4 апреля 1765 года. Незадолго до кончины он сказал: «Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети Отечества пожалеют». Обратим внимание на последнее его слово. Ведь так говорили раньше в России деревенские люди, когда хотели выразить свою любовь и заботу: «Я тебя жалею» значило: «Я тебя люблю». И, конечно, Ломоносов не случайно употребил народную лексему «пожалеют», подчеркнув еще раз свое крестьянское происхождение и пророчески предсказав свою славную посмертную судьбу.

Ломоносов не только прославлял науки, но сделал научное мышление предметом поэзии, создав новый жанр так называемой «научной поэзии», образцами которого стали его «Утреннее» и «Вечернее размышление о Божием величестве», «Письмо о пользе стекла» и др. Они до сих пор остаются непревзойденными по широте философских обобщений, наглядности «космических» зарисовок:

*Открылась бездна, звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

А также по глубине научного прозрения. Вот как представлял себе поэт-ученый процессы, происходящие на Солнце:

*Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющихся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.*

По существу, здесь Ломоносовым нарисована поэтическая картина природы Солнца, которая только спустя полтора столетия будет в учёном мире названа плазмой, т.е. четвертым видом существования материи.

Незаурядный талант Ломоносова проявился и в как будто несвойственном ему жанре сатиры. Выступая с пропагандой передовых общественно-научных идей, поэт, естественно, наталкивался на сильное противодействие консервативного духовенства и защитников патриархальной старины. Это заставляло его братья за бич сатирика, который громко звучит в «Гимне бороде», в «Суде бородам», «К Пахомию», «Случились два астронома в пиру».

Вот, например, как остроумно и ярко, используя приёмы иронии и ложного панегирика, Ломоносов заклеил носителей бороды – ревнителей «древнего благочестия»:

*О прикраса дорогая,
О прикраса золотая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!*

Хотя Ломоносов нередко прибегал к сатире, однако, по самой природе его созидательной деятельности учёного, ближе ему была торжественно-лирическая форма повествования. Именно он стал родоначальником героико-патриотического направления в русской поэзии. Можно с уверенностью сказать, что поэзия Ломоносова была гениальным прорывом в будущее.

Прошло уже 300 лет со дня его рождения, а «дети Отечества» не только помнят своего великого соотечественника, но с любовью и гордостью славят его бессмертное имя – имя гения России, поборника мира, прогресса и гуманизма.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- *Четыре сборника с материалами VI Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». ПГЛУ, Пятигорск, 2010.*
- *Говорухин Станислав. Повести и рассказы. Издательская группа АСТ Зебра, Москва, 2009.*

ДОПРОС

ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Поэт

Генеральный прокурор

Ольга, любовница поэта

Зинаида, жена поэта

Анна Ивановна, стенографистка генерального прокурора

Кузьмич, домовладелец

Секретарша генпрокурора

Сопровождающий

Евдокия, домработница в семье поэта

Буфетчица генпрокурора

Место действия: Подмосковье, Москва

I

Деревянный мостик, изгибающийся над перемычкой пруда, как изгибаются, наверное, рельсы, переходя из одного полушария в другое. По мостику идёт худощавый, прихрамывающий человек среднего роста, лет шестидесяти. В руке у него металлический посох с красиво изогнутой головкой, который в южных русских селениях называют почему-то «бадиком». Человек на ходу, по-мальчишески проводит бадиком по деревянным стойкам моста, и получается звук, отдалённо похожий на перестук вагонных колёс. Он резонирует в тишине зрительного зала. Человек в хорошем, тоже мальчишеском настроении. Тёмное демисезонное пальто распахнуто, из-под сбитого на затылок каракулевого «пирожка» выбивается крепко просоленная чёлка.

Старик спешит на свидание.

У противоположного конца моста становится видна фигура в тёмном. Тёмное, драповое, длиннополое пальто от «Большевички». Чёрная суконная фуражка надвинута на самые брови. Незнакомцу лет тридцать. Стоит полусогнувшись, облокотившись на перила, но что-то неуловимо выдаёт в нём военного, переодетого в штатское, причём тоже казённое. Курит и внимательно смотрит в сторону приближающегося к нему старика. Тот, наконец, замечает его, и стук, на какое-

то время сбившись с такта, приобретает характер затухающей аритмии. Но старик продолжает свой путь, теперь уже не так беспечно.

Когда поравнялся с незнакомцем, тот негромко спрашивает:

– Не хотите закурить?

Старик как будто бы спотыкается, но отвечает спокойно и вполне доброжелательно:

– Спасибо. Два дня, как бросил.

– Борис Леонидович? – спрашивает переодетый военный, не разгибаясь и осторожно выпуская дым в сторону.

– Да.

– Нам надо пройти в машину.

Разогнувшись, военный, как опытный карманник, неуловимым движением достаёт из нагрудного кармана какую-то красную книжечку и, не развёртывая, быстро показывает её старику.

– Хорошо, – упавшим голосом отвечает тот.

По всему видно, что приглашение «пройти» для него не такая уж неожиданность.

Они уходят, и на сцене сразу же гаснет свет. В кромешной темноте возникает переключка движущихся светящихся точек. Не то перемигивание автомобильных фар, не то промельк ночных полустанков. Звук очнувшегося автомобильного мотора. Явственный перестук: не то старик опять ведёт бадиком по балаясинам моста, не то затухает вдали чечётка вагонных колёс.

– Вы везёте меня к Генеральному секретарю? – раздаётся в темноте голос поэта.

С надеждой.

– Да нет, – с плохо скрываемым сарказмом отвечают ему. – Мы везём вас пока к Генеральному прокурору.

– Ясно, – после длительной паузы роняет старик.

II

К этому же мостику с противоположного конца торопливо подходит женщина. На вид ей лет тридцать пять. Миловидная, с формами – сама о себе она как-то сказала, что у неё пропорции Венеры Милосской. Из-под яркого шерстяного берета выбивается сильная волна русых волос. Видно, что женщина выскочила из дома наспех. На ногах у неё замшевые ботинки, а на плечах – торопливо накинутый, незастегнутый импортный плащ тоже яркой, ненашенской расцветки. Она придерживает его рукой, и плащ красиво развеивается на ходу.

Женщина почти взбегает на мостик, но, сделав несколько шагов, останавливается. И недоумённо оглядывается вокруг. У неё полное, округлое русское лицо – в общем-то, не Венера. Не Милосская. Она явно кого-то ждала и, не дождавшись, пытается высмотреть, отыскать теперь затерявшегося или опоздавшего.

Какое-то время стоит на мостике приподнятая над сценой, потом поворачивается и пристально, долго вглядывается в зал. Свет выхватывает её ладную, вкусную, как французская булка, фигурку, глаза. Эти же её немигающие, внимательные и встревоженные, серые, как два гнёздышка, в которых подводно голубеют по крапчатому яичку, глаза повторяет, увеличив, возникающий в вышине над сценой плазменный экран.

– Родной! – произносит она в тишине. Произносит тревожным и громким шёпотом, скорее про себя, без надежды, что её услышат.

Луч света падает в зрительный зал, в проход между креслами. По нему медленно движется грузная, простоволосая женщина – Андрей Синявский как-то грубо сказал о ней: «кубометр мяса». Она в вязаной домашней кофте, в шерстяных носках, обута в резиновые, глубокие, с острыми носами, галоши, которые в простонародье называют «голландскими» – тоже, видимо, первое, что попало под ногу.

Женщина на мостике замечает её, и глаза на экране меняются. Покошачьи суживаются. Это уже не два беззащитно раскрытых гнезда. Смесь ненависти и ужаса закипает в них. Женщина замирает, вытянувшись в струну, а затем порывисто разворачивается – и наутёк.

– Стой! – раздаётся из прохода властный и низкий голос.

– Ольга, стой! – повторяет, не ускоряя тяжёлый шаг.

Ольга останавливается и начинает судорожно застёгивать на полной груди плащ.

– Стой! – ещё раз повторяет преследовательница и с одышкой поднимается где-то сбоку на сцену.

– Не укушу.

Шлёпает в галошах по сцене. Ей предстоит второй подъём – теперь на этот чёртов выгнутый мостик. Поднимается, перехватываясь за поручни. При этом нагибается сама и нагибает, как будто намереваясь бодаться, свою крупную, широколобую голову с короткой завивкой, в которой некогда непроявленная чернота уже взята тенётами изморози.

Подходит вплотную к Ольге и останавливается, стараясь отдышаться.

– Где он?

– Не знаю, – растерянно отвечает Ольга. Видно, что она сбита обескуражена, встревожена пуще прежнего, и потому ответ звучит неожиданно простодушно. Ненависть и страх уступили место тревоге.

– Врёшь!

Ольга растерянно качает головой.

– Пойдём к тебе! – властно командует соперница.

– Зачем?

– Сама хочу убедиться. Его нет уже три часа. Наверняка, сучка, прятешь где-нибудь под кроватью!

Ольга, закусив губу, не отвечает, но и не отводит глаза: женщины уставились одна в другую.

Экран, увеличивая, повторяет их глаза: тёмно-серые и тёмно-карие, почти чёрные, цыганские. Теперь-то в них – только ненависть.

– Как хочешь, – первой не выдерживает Ольга и зябко передёргивает плечами.

Поворачивается в сторону, откуда пришла, прибежала, и споро стучит каблучками по щелястому дощатому настилу.

Галоши, не поспевая, по-медвежьи, – белая медведица – топчут за нею.

– С-с-с-терва, – шипящим шепотом выхлёстывают они: в этой женщине и вправду течёт итальянская кровь.

III

Приёмная Генерального прокурора. Времена новые, оттепельные, но мебель ещё старая, сталинская. Дубовая – во всех отношениях. Скупой ряд стульев с чёрными дерматиновыми сиденьями. Стол с батареей телефонов – тоже тяжёлых, чёрных, дубовых. Низ двухтумбового стола также заделан дубовой доской – чтоб, значит, посетитель не отвлекался на секретаршины ножки: видны только изящные носочки лакированных туфель. Углом к нему приставлен ещё один стол, поменьше. На него водружена пишущая машинка. За нею сидит пожилая женщина с ухоженной седой головой. Видимо, в работе у неё образовалась пауза, и она, подперев щеку ладонью, что-то украдкой читает. Судя по характерной обложке – «Новый мир». Обладательница же изящных туфелек – боты стоят в углу под вешалкой – егозлива. Носки её лодочек то и дело меняют положение. То становятся кокетливым утюжком девственницы, то начинают отбивать такт разговору, который наплоенная красotka бесконечно ведёт то по одному, то по другому телефону, а то и по всем разом.

Вдоль дубовой панели на стульях сидят двое. Уже знакомый нам провожающий – он в тёмном костюме из тех, которые тоже выдают на определённой службе под роспись, в тяжёлых ботинках с кокемитовыми подошвами. Стрижен под полубокс. Весь сосредоточен на стрекотне секретарши, точнее – на артикуляции её пухленьких губ. Чуть отстранившись от него, сидит поэт. Он в светлой пиджачной паре, голова красиво откинута назад. Видно – старается держать марку. Напряжён и задумчив. Переводит взгляд то на обложку «Нового мира», то на высывающиеся – так дразнят кончиком языка – мысочки девичьих туфель. Красивые руки, на которых ещё нет старческой «гречки», сложены на головке бадика между колен. Он тоже еле слышно постукивает им о дубовый, вощёный паркет – в такт оболъстительным лодочкам и пустой болтовне? Собственным тревожным мыслям?

Приёмные больших начальников давно привыкли не обращать внимания на посетителей и жить своей жизнью даже перед чужими глазами.

– Послушай, Валя, – говорит старшая из женщин, отрывая глаза от «Нового мира», – как красиво сказано:

*Как будто бы железом,
Обмакнутым в сурьму,
Тебя ведут нарезом
По сердцу моему...*

Младшая на миг прекращает свой телефонный стрёкот и, выпятив губы, как будто для того, чтобы подкрасить, хмыкает:

– Цыганщина! Современные женщины давно не пользуются сурьмой.

Видимо, у неё свое понимание, где и как использовать сурьму.

– Это в промышленности, – вдруг глухо откликается старик.

– А-а-а, – равнодушно бросает молодая: видимо, всё, что в промышленности, её не интересует.

Пожилая же внимательно взглядывает на старика и замечает, что тот в данный момент сидит с высоко запрокинутой головой, но – с закрытыми глазами.

Сопровождающий, поворачиваясь, тоже внимательно смотрит на старика, а

непомерный живот у хрупкой беременной девочки. Кровать тщательно и пышно, тоже по-деревенски, взбита и застелена. Горкою выстроены подушки в крахмальных наволочках, одетых в кружевные чепцы. На такой кровати можно блаженно расположиться и вдвоём, и даже втроём.

Обеденный стол у окна. По сравнению с кроватью выглядит просто игрушечным. Застелен опрятной кремовой скатертью, в крошечной вазе – несколько поздних весенних цветов.

Женщина постарше уже сидит за столом. Она выглядит за ним, как переросток за школьной партой. Видно, что на какое-то время она осталась в комнате одна и сейчас с любопытством озирается по сторонам. Она тут впервые. Взгляд её то и дело натывается на постель. В одно из мгновений, пользуясь тем, что никто не видит, она даже маленько приподымается с венского стула, честно говоря, хлипковатого для её комплекции, и пытается зыркнуть-таки украдкой под низко застеленную узорчатым покрывалом кровать.

Но как раз в это время в комнату с веранды, служащей одновременно и кухней, входит Ольга. В руках у неё небольшой жостовский поднос, сервированный к чаю: фаянсовый дачный чайник с отбитым носиком, две чашечки с блюдцами, ваза с вишнёвым вареньем. Ольга замечает украдчивый взгляд своей неожиданной гостьи и, не опуская подноса, спрашивает:

– Неужели ты и впрямь думаешь, что я его прячу?

Гостья ничего не отвечает, но видно, что она смущена, на лице её появляется слабая краска.

Ольга, напротив, справилась с собой и начинает разливать чай.

– Где же он может быть? – гостья крепко сдавливает ладонями виски. – Я всю округу обошла, все его тропки, все закоулки.

Ольга пока не садится и смотрит в окно, за которым мельтешат уже набухающие почками ветви.

– В магазине была? – негромко, но деловито спрашивает она.

– Была, – не отнимая ладоней от висков, отзывается гостья. – Машка сказала, что не заходил.

А потом вдруг вскидывает, как на мосту, голову и шёпотом, в упор, спрашивает:

– Кто у него тут ещё, кроме тебя, есть?

Теперь приходит черёд краснеть Ольге.

– Не говори глупостей, Зинаида. Кроме меня у него вообще никого нету!

С вызовом. И тут же садится за стол, подвигая женщине чай и вазу с вареньем.

– Эх, Ольга, Ольга, не клевал тебя жареный петух в задницу, – насмешливо отвечает на вызов собеседница. – Да и его ты не знаешь: никогда в жизни не ездил он на одной кобылке.

– Напрасно оскорбляешь меня в моём же доме. Забыла, что я четыре года в ватных штанах сахарницу парила? Поэтому она у меня и целее, чем у тебя! При желании могу просто взять тебя за шкирман!

– Тво-о-о-й д о-о-о-м? Да тут всё, до последней твоей подстилки, – опять бросает взгляд на кровать, – куплено моими слезами! – Зинаида отталкивает чай, расплескивая его по подносу. – Я знаю, куда идут его гонорары – он, дурень, всегда разбазаривал их на шалашовок – по всем лагерям рассылает. Знаю, кто и как устроил тебя в «Худлит»! Он же обменял тебя на Нобелевскую премию! Может, ты считаешь это равноценным обменом?

– Да! – твёрдо говорит Ольга. – Хотя я, в отличие от тебя, убеждала его получить её. А ты – струхнула.

– Тоже мне целка, – на удивление беззлобно констатирует Зинаида и подвигает к себе чай. – Давай, а то остынет. Куда же он запропастился? Чует моё сердце – тут что-то нечисто...

Ольга напрягается – можно подумать, что только у Зинаиды «чувствительное» сердце – но вовремя сдерживается.

– А не могли его похитить?

– Похитить? – переспрашивает ошарашенная Зинаида. – Да у него и денег при себе нету...

Как будто похищают исключительно с деньгами или из-за денег.

– Я не о тех похитителях веду речь...

– Тебе виднее, – выразительно произносит Зинаида.

Но Ольга, замкнувшись, пропускает колкость мимо ушей.

– Позвони в милицию? – просительно предлагает Зинаида. Сама она явно побаивается любого общения с милицией.

– Дай подумать... Может, по моргам?

– Нет, – отрезает Зинаида. – По моргам звонить не будем. Такие в канавах не умирают.

V

Кабинет Генерального прокурора СССР. В принципе, та же самая приёмная, только увеличенная до размеров если не футбольного, то хоккейного поля точно. Ничего личного. Два тэобразно составленных тяжелых стола, зелёное сукно, чернильный прибор, очертаниями и весом напоминающий Мавзолей. Портрет Хрущева в раме под стеклом – на том самом месте, где ещё не так давно висел Сталин. Да, в углу – напольные часы с боем: такая компактная крепость, стреляющая холостыми.

Генпрокурор вводит своего гостя под локоток, и какое-то время они идут по красной ковровой дорожке прямо на зрителя: элегантно-вяляжный медведь в маршальской форме и в доблеска надраенных хромовых сапогах и седой набедокуривший мальчик.

Прокурор подводит его к приставному столу, обеими руками отодвигает массивный стул:

– Прошу.

Да, вдоль стены стоит ещё длинный – сороконожка – стол для совещаний.

Поэт присаживается и берётся пальцами за край столешницы – чтоб не дрожали.

– Что предпочитаете, Борис Леонидович, чай или кофе? – спрашивает прокурор, прежде чем сесть самому.

– Лучше чай.

Хозяин грузно подходит к своему массивному письменному столу, снимает одну из трубок:

– Анна Ивановна, будьте добры: один чай и один кофе...

Возвращается к приставному столу, опускается напротив собеседника, ставит на стол тяжёлые локти, подпирает ладонями – в золочёных обшлагах – крупный, массивный – тоже дубовый – подбородок.

– Дорогой!

– Да, слушаю Вас.

Это сказано таким сухим тоном, что прокурор морщится.

– Вы следили за Нюрнбергским процессом?

– Да, конечно, – несколько удивлён таким началом задержанный.

– Тогда Вам будет понятно то, что я вам скажу.

Теперь и поэт поднимает взгляд от сукна и тоже с интересом взирает на визави.

Какое-то время молчат.

– Вы были блистательным главным обвинителем, – не выдержав паузы, первым заговаривает поэт. – Куда убедительнее американца Уитни Харриса.

– Так вот, – прерывает его прокурор. – Я не хотел бы войти в историю ещё и как Ваш обвинитель. Как человек, посадивший Вас... в тюрьму...

Взгляд медвежий: умный, но жёсткий и цепкий.

При слове «тюрьма» поэт заметно передёргивается.

– ... Потому что это не сочетается. «Две вещи несовместимые», – так, кажется, писал Ваш предшественник?

Насчёт предшественника поэту явно нравится, льстит, но надо быть насто-роже. Пальцы ещё сильнее сжимают края столешницы.

Он по-мальчишески пожимает плечами.

– А Вы уж очень старательно подбиваете меня к этому, – продолжает прокурор.

В дверь стучат.

– Да! – коротко бросает в ту сторону прокурор.

Входит секретарша, придерживает после себя двери, и в неё вливается пава с подносом, который держит на одной руке, как брюлловская сборщица винограда. В белоснежной наколке, в таком же кружевном переднике, с грудью, на которой совершенно свободно, без рук, поместился бы, удержался – в строго горизонтальном положении – внушительный серебряный поднос, что двигается сейчас перед её кружевным нимбом.

Прокурор, прервав разговор, с нежным интересом оглядывает персональную паву.

Буфетчица здоровается. Генпрокурор отвечает ей кивком, поэт учтиво наклоняет голову:

– Здравствуйте.

Она устанавливает поднос на приставном столике. Её полные руки нечаянно касаются золотого маршалского шитья. Маршал с интересом следит за её холёными руками. Поэт исподволь подсматривает за ними обоими, и на его доселе испуганном, напряжённом лице мелькает лукавство.

Сервировав приставной столик, дама величественно удаляется.

Оба невольно и дружно поворачиваются ей вслед.

Чёрт возьми: на обоих лицах почти одинаковое плотоядное выражение!

– Продолжим, – с явной неохотой поворачивает прокурор голову к своему визави.

И тот вновь тускнеет.

– Продолжим. Зачем Вы напечатали это глупое стихотворение?

– Какое? – старик задет за живое. За свои стихи он, пожалуй, оскорбляется больше, чем за самого себя. И боится за них – тоже больше.

- Какое, позвольте спросить?
 - Не валяйте дурака, – простецки отвечает Генпрокурор.
- И начинает читать по памяти:

*– Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.*

*Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.*

– Надо же: «будь что будет». Какой фаталист – при таком-то, понимаешь, количестве сырых и убогих вокруг него, – делает паузу прокурор, задирая кустистую бровь.

Поэт угрюмо молчит. Прокурор продолжает чтение:

*–Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.*

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.*

Прочитал. Оба молчат. Старик постукивает пальцами по столешнице, как будто всё ещё отбивает стихам ритм.

Прокурор подвигает ему чашку и говорит почти примирительно:

– Ну, стихи, положим, так себе. Если бы не ваша подпись на оригинале, переданном иностранцу, я бы, например, и не поверил.

Старик оскорблённо передёргивает плечами.

– ...И вообще – печатать стихи в политической газете, даже если она зарубежная, английская, даже если она «Дейли мэйл» – дурной тон.

– «Клеветникам России» тоже впервые было опубликовано в газете, – глухо роняет старик.

– И тоже – не лучшее, – твёрдо парирует прокурор.

Настолько твёрдо, что поэт изумлённо вскидывает на него глаза:

– В принципе, Вы правы...

Их глаза вновь встречаются.

На главном столе резко верещит «в/ч». На аппарате, украшенном позолоченным гербом, даже начинает панически мигать красная лампочка.

– Извините, – бросает прокурор и с необычайным для его комплекции проворством поднимается, и – тут уже почти по-стариковски – семенит к аппарату.

– Мне выйти? – воспитанно и вместе с тем с некоей мистической надеждой спрашивает вполголоса поэт.

– Нет, – отрицательно машет на ходу головой прокурор. – Сидите!

Странно звучит это слово: «с и д и т е».

Поэт опять низко склоняет голову.

Прокурор почти по-военному вытягивается перед грозным аппаратом и трубку берёт, как берут за горло судьбу:

– Слушаю, Никита Сергеевич!

Старик по-прежнему сидит, но и у него спина напрягается – тоже почти по-военному.

VI

Всё та же комната в домике Ольги. Но теперь дислокация поменялась. Зинаида устроилась в кресле, в углу. Кресло заполнено ею, как заполняется дежа подошедшим тестом. Ольга же ходит перед нею взад-вперёд, время от времени останавливается то в одном месте комнаты, то в другом.

В комнату наползают сумерки.

Зинаида складывает на груди крупные и всё ещё красивые руки.

– Ну, хорошо. Давай подождём ещё минут пятнадцать, – говорит она. – Мог пойти на станцию за газетами.

Ольга на ходу качает завитой головой.

– Ты права, – горько усмехается – впервые за всё это время – Зинаида. – Газеты сейчас ему лучше не читать. Наши газеты, – делает ударение на слове «наши».

– А ты не находишь, что он мог сбежать от нас обеих? – в упор спрашивает Ольга, остановившись прямо напротив Зинаиды.

– Не такой уж он смельчак, – отвечает та, не теряя ни грана своей монументальности.

И продолжает:

– У тебя есть чего-нибудь?

Ольга разве что не споткнулась от неожиданности:

– Валерьянки?

– Дура!

– Вас понял.

Подходит к старенькому ореховому серванту и откуда-то из-за стопок тарелок осторожно, как заначку, вынимает бутылку грузинского коньяка «Энисели». Из того же серванта достает два бокала, ставит всё это на стол, откупоривает: бутылка оказывается початой.

– Развлекаетесь? – вновь усмехается Зинаида, и глаза её вспыхивают нехорошим блеском.

Ольга молчит.

– Самый лучший перевод с грузинского на русский, – откликается позже миролюбиво и плещет из бутылки в бокалы богемского стекла.

– Узнаю. У нас дома такой же.

Ольга приносит вазу с домашним печеньем, режет лимон. Зинаида рассеяно следит за её движениями. Видно, что Ольга уже не чаёт, как от неё избавиться. Но тем не менее ещё и зажигает настольную лампу с голубым стеклянным абажуром

наподобие «кольца Сатурна», и на его сиреновом фоне начинают причудливо светиться обнаженные женские фигурки в весьма фривольных позах.

– Надо же, – недобро усмехается Зинаида. – Форменный бордель!

Ольга опять пропускает колкость мимо ушей.

– Твоё здоровье! – поднимает свой бокал, заглядывая в глаза собеседнице.

– Да уж кого больше всего и заботит моё здоровье, так это, конечно, тебя, – вяло огрызается Зинаида, но бокал свой всё же поднимает и даже чокается с Ольгой. Тонкий стеклянный звон задерживается на замершей сцене дольше обычного.

Выпивают. Ольга тянется за печеньем, Зинаида берёт двумя пальцами тонкий кружочек лимона.

– Завидую тебе, Ольга, – вздыхает Зинаида. – Беспечная ты, потому и вьются, липнут к тебе мужики... Детей не потеряла, – продолжила, помолчав. – Потому и беспечная...

Ольга зло сводит брови, но опять сдерживается. Тянется за бутылкой, медленно наливает по второй. Рука у неё мелко подрагивает и богемское стекло вновь издаёт жалобный звон.

– Да забирай ты его с потрохами! Тоже мне – кобель подворотный! Да я с ним с сорок пятого года не сплю – сразу после смерти сына. Потому и рыщет по всей Москве в поисках какой-нибудь давалки. Голодный! Может, не уйди я в своё время к нему, то и не потеряла бы своего сынишку. Не было бы того ужасного случая на его чёртовой даче, когда мальчик мой свалился зимою с крыши и подхватил туберкулёз позвоночника, – слёзы блеснули в Зинаидиных глазах. – Забирай! – выпаливает, берясь за бокал.

– Теряла, – глухо отвечает Ольга. – И ты это знаешь. Мой ребёнок так и остался там – на цементном полу Лубянки. Комочком...

Она не договаривает, комочком чего остался на цементном полу Лубянки её ребёнок.

– ...Это наверняка была девочка. Долгожданная.

Зинаида не реагирует. Но и слёз тоже не вытирает.

Выпивают, не чокаясь.

Молчат – каждая о своем.

– Всё равно я тебя посажу! – вдруг трезво и жёстко заявляет Зинаида.

Ольга вздрагивает и недоуменно смотрит на неё:

– Ты что? В своём уме?

– В своём.

VII

– Да, Никита Сергеевич, мы вызвали его в прокуратуру... Да, конечно, совершенно добровольно... – прокурор, плотно прижимая державную телефонную трубку к заросшему густым седым волосом уху, скашивает глаза на своего посетителя. Гость задирает тоже кустистую густую бровь: надо же! – оказывается, сюда его не волоком приволокли, а вызвали, и он, понимаете ли, явился прилежно и совершенно добровольно. Не верь глазам своим, а верь ушам своим!..

– Да-да, я как раз веду допрос...

И тут дотоле уважительный, но неподобострастный бас прокурора превращается прямо-таки в дискант зарапортовавшегося школяра:

– ... Нет-нет, его в кабинете нету... Он там, в приёмной. Его вывели на время нашего с Вами разговора, – прокурор, похоже, справился с ситуацией.

Поэт, стараясь не скрипнуть, выжидательно приподнимается со своего стула и вопрошающе смотрит на вседержителя с трубкой. Почти вседержителя – натуральный где-то там, за пределами зрительной досягаемости. Прокурор совсем уже не только трубку отворачивает от него, но всем корпусом поворачивается в другую сторону, спиной к своему недавнему собеседнику – перед незримым лицом нового, куда более серьёзного, – но за своей сановной спиной, на уровне поясницы, делает поэту нетерпеливый и властный жест крупной и мягкой ладонью: сиди!

Не мельтеши!

Не суетись под клиентом!

Поэт «приземляется», опускает плечи и – тоже крупными, твёрдыми ладонями страстного садовода и огородника зажимает уши: интеллигент в четвёртом поколении. По одной из последних версий – прямой потомок канувшей в Лету хазарской аристократии.

Голос прокурора становится глуше – как будто всему зрительному залу тоже заложило уши.

– Да, Никита Сергеевич, да, допрос проведу по всей строгости. Если будет отпираться, препроводим прямо в камеру предварительного заключения... Конечно, есть. Прямо в этом здании... Странно, как это Вы не знали...

Поэт зажимает уши вполне добросовестно. Но все же перемену в тональности – зала – улавливает, и седая голова его робко уходит в плечи.

– ...Да-да, конечно, есть вещи, которые лучше не знать, – прорывается у прокурора угодливый, но всё-таки – хохоток. А потом сразу же, почти без перехода – почти рапорт:

– Нет-нет, что Вы! Никакой интермедии – Запад тоже почувствует: шутковать мы не намерены.

«Шутковать» – и прокурор, и Никита Сергеевич в известной мере земляки. Выходцы с Украины – один там был Генеральным, а другой – Первым.

– Спасибо! Есть! Спасибо! Есть!..

Прокурор аккуратно, с учтивой задержкой, кладёт трубку на тяжёлый рычаг, вынимает из кармана синих галифе обширный батистовый платок и молча промокает лоб и загривок.

И плотно, со скрипом, вновь усаживается напротив поэта.

И только тут замечает, что поэт закрыл не только уши, но и глаза. Они у него действительно плотно-плотно зажмурены.

– Дорогой! – негромко зовёт прокурор, дотронувшись до впавшего добровольно в летаргию.

– Да, – неохотно открывает тот сперва уши, а потом и глаза.

– Вы поняли, как всё серьёзно?

Поэт молчит. А потом вместо ответа сам задает вопрос:

– А Вы знаете, что хоть в какой-то мере примиряет меня с Вами?

– Вообще-то здесь вопросы задаю я.

– И всё-таки?

– А Вы считаете, что мы так уж непримиримы?

Поэт опять выжидательно молчит.

– Не знаю, – чистосердечно отвечает прокурор.

– На Нюрнбергском процессе Вы сказали о своих подсудимых, если не ошибаюсь, примерно так: «Это – преступники, сделавшие орудием своего преступления само государство».

– Да, что-то в этом роде, – польщёно соглашается прокурор.

– Великолепное определение! – тихо говорит, не обращая внимания на реплику собеседника поэт. – Даже само государство может стать инструментом преступлений в чьих-то недобросовестных руках. Это очень верно.

Прокурор мрачнеет.

– К чему Вы клоните?

– Интересно, ту блестящую речь – остальные обвинители судили фашистов и только Вы – фашизм – Вы тоже составляли по подсказкам из ЦК?

– Не забывайте! – с глухим внутренним негодованием произносит прокурор.

– Мне кажется, что нет: вряд ли там нашлись бы такие талантливые суфлёры. Бюрократы – они и есть бюрократы.

Налившись было кровью прокурорские глаза теплеют. Но он заметно сбит с толку, не знает, как вести себя с этим языкатым старцем. Насколько искренен он и насколько можно быть искренним с ним?

– Не консультировался, – буркает. – Но речь потом показывал. Одному человеку. Он сказал, что краткость – сестра таланта. Она действительно была самой короткой из всех тамошних речей, – всё-таки слышится в голосе некоторое простительное самодовольство.

– Неужели самому Чехову показывали? – улыбается поэт: он понял, почувствовал, что всё-таки поймал, подцепил прокурора на крохотный, но всё-таки – крючок.

– Не юродствуйте. Этот человек, – прокурор с опаской оглядывается на портрет Хрущёва в простенке кабинета, как будто речь идёт именно об этом человеке, – когда-то спас Вас.

Поэт умолкает, потом серьёзно произносит:

– И спас, и погубил. Всю жизнь теперь отмываюсь...

– Чёрного кобеля не отмоешь добела, – усмехается прокурор, вновь перехватывая инициативу. – Не казнитесь – не Вы один. Нечто подобное могу сказать и о себе.

– Ну да, был культ личности, а теперь культ – безличности.

– Вы хорошо когда-то писали о нём. Особенно – в переводах с грузинского, – продолжает подначивать монстр.

– Напишешь, – задумчиво бросает поэт, потом вскидывается: – Кто действительно хорошо написал о нём, так это тот же Мандельштам!

– Нас с Вами запишут в ретрограды.

– Не думаю. Вас – не запишут. Сегодняшнему Вы нужны больше, чем вчерашнему. А вот я, похоже, – нет.

– Нельзя ставить знак равенства между двумя такими разными государствами.

Поэт, взглянув в глаза собеседнику, скептически покачивает головой:

– Государство – это прежде всего инструмент насилия. Заметьте, это не я сказал, а Ваш главный теоретик и он же практик, попрактичнее самого

Сталина. Не забывайте: я ведь тоже когда-то учился на юридическом...

– Большинство над меньшинством, – уточняет формулу прокурор.

– Как бы не так! – опять покачивает головой поэт. – Да даже если бы и над меньшинством: человечество никогда не умнеет скопом, поголовно, а только, в лучшем случае, по одному... Вообще-то, если судить по этой Вашей знаменитой речи, я бы сказал, что в вас погиб философ.

– Почему же погиб? – бурчит прокурор.

– Да, Вы правы: Вы загубили в себе философа сами. Добровольно.

– А Вы думаете, прокурор не может быть философом?

Поэт опять пожимает плечами.

– ... Он просто обязан им быть. «Философское отношение к смерти», – слышали такое выражение? Оно и нас напрямую касается. Философское отношение не только к своей, но и к чужой смерти тоже. В конечном счёте, все мы смертны, и надо воспринимать смерть не как физическое, мучительное явление, а как философское. То есть – избавление от преходящей земной юдоли...

Не то, что слова, но даже голос у прокурора таков, что поэт тарашится на него во все глаза.

– Давайте ближе к делу, – резко меняет тональность прокурор. – Вы признаёте свое стихотворение ошибочным?

В голосе – привычный металл.

– Это не художественная категория, – поэт понимает, что начинается серьёзный разговор и пытается выкроить время, – я ни одного своего стихотворения не могу назвать ошибочным. Я все их писал совершенно искренне. Все, – замечает ироничный взгляд прокурорских серо-стальных глаз. – Все... Переводы не в счёт – это другой разговор.

Один ноль в пользу человека в золотых погонах.

– Я могу сказать только, что некоторые из них... ну, – мнётся, – если не графоманские, то не шибко художественные... Но я же Вам не строчевышивальная машина! – завершает опять с вызовом.

– Это уже что-то. Скажите, что Вы отзываете его как малохудожественное.

– Нет. Хватит с меня отказной телеграммы в Нобелевский комитет.

– Вы что, упорствуете? – со скрипом поднимается прокурор и начинает тяжело расхаживать по кабинету. – Чего добиваетесь? В самом деле – в кутузку?! Может, сидеть при Сталине и было делом чести, доблести и геройства, а при этом, – с неуверенной опаскою вновь взглядывает на простенок. Но мысль не заканчивает, перескакивает:

– Вы действительно помните этот разговор? О Мандельштаме... Ведь он Вас и в самом деле, как и в случае с Булгаковым, предупредил. Не только уел, но и – предупредил. От написания стихов, подобных «кремлёвскому горцу».

Поэт молчит.

– ... Вот и я Вас – предупреждаю. Не надо! Не заставляйте брать грех на душу... Да в конце-то концов, чёрт подери, неужели Вы не понимаете, что в той же Вашей «Рождественской звезде» крамолы куда больше, чем в этом... гм ... пасквиле?!

Чудак этот поэт: поднимает голову, а глаза у него блестят почти что счастьем.

– Не понимаете?!

Поэт мотаает головой так истово, что как дважды два: всё, зараза, контра понимает.

– Ну и что же тогда? Не от ребёнка же отказываетесь.

– В ребёнке мне уже отказывали, – зло и глухо гудит тот. – И даже дважды. У вас же, на Лубянке: мол, не может быть у такого старого...

– Это не у нас, – останавливается и выставляет ладони вперёд – чур! чур! – прокурор. – Это – у них!

– Ну да, я и забыл: Вы же были обвинителем Берии.

Прокурор мрачнеет: Берию расстреляли сразу же после его обвинительной речи. Даже не дав ему дежурного занюханного адвокатишку.

– А теперь вот Вы и мой обвинитель. Универсал...

– Но-но!

– Неужели Вы думаете, что моя работа менее благородна, чем Ваша? ●
Ведь люди звереют именно тогда, когда перестают понимать стихи. А перестают их понимать в первую очередь тогда, когда талантливые стихи перестают рождаться как таковые. Не тогда даже, когда их не печатают, а когда не рождаются, – кричит, приподнимаясь со стула. – Вы этого добиваетесь? Так тогда шлёпните меня сразу. Это у Вас хорошо получается, – опять, зараза, о Берии напомнил, – и грузно, по-стариковски опускается на стул. ●

– Так я же и говорю: талантливые, а не на злобу дня, – довольный своею уловкою, усмехается прокурор. – Договорились?

Поэт опять зажимает уши ладонями.

– Договорились, – отвечает за него прокурор.

Идёт к дверям и вместо того, чтобы воспользоваться кнопкою на торце стола, распахивает двери и кричит в приёмную – там даже охранник вскакивает.

– Анна Ивановна!

Возвращается, садится теперь уже в своё кресло.

– Для Вас же стараюсь. Вдруг ещё напишете что-нибудь путное.

Поэт нехотя убирает ладони – век бы не слышать:

– Могли бы и понять: моя работа тоже не менее благородна, но при этом ещё более опасна, чем Ваша...

– Как Вы думаете, долго наверху продержится этот «человек без свойств»?

Прокурор закашливается.

– Кто-кто?

– Ну, этот Ваш – звонарь, – поэт тоже смотрит в сторону простенка.

Прокурор поперхнулся, собираясь что-то рявкнуть.

Но в то же время входит Анна Ивановна – та самая, пожилая, что сидела с «Новым миром» в приёмной. Теперь уже у неё в руках большая, разлинованная стенографическая тетрадь, с десятком остро отточенных карандашей в цветном стакане.

– А я думаю: недолго, – усмехается поэт.

Прокурор грозит ему пальцем.

– Вы читали Музиля? – улыбается поэт: как-никак размен уже состоялся.

– А что, его перевели?

– Да нет. В подлиннике.

– В подлинниках я немцев не читаю.
– Вообще-то, австрияков...
– Я знаю переводчика Апта, который сейчас переводит его, – робко встречается, заминая неловкость, Анна Ивановна.
Прокурор смотрит на неё так, что пожилая сжимается в шерстяной комочек.
Прокурор опять грозит пальцем – теперь уже всем на свете.

VIII

Всё та же комната Ольги. В Подмоскowie темнеет рано. Две женщины так и сидят друг против дружки. Несмотря на коньяк – ни мира, ни войны.

В дверь стучат.

– Это кто ещё? – встрепенулась Зинаида.

Ольга тоже вздрагивает и поправляет на плечах платок.

Обе подумали, что это Борис, и обе приготовились к бурной сцене: была не была – когда-то же это должно случиться!

Но поэт недаром не любит в жизни бурных сцен, оставляя их только для стихов и прозы: это оказался не он.

В комнату, смущённо побряхтывая, вваливается Кузьмич, поношенный мужичонка в круглых стальных очках, делающих его похожим сразу и на поэта Заболоцкого, и на члена политбюро Суслова, в ватной безрукавке, в каких обычно управляют по хозяйству, и в толстых шерстяных носках с высоко заправленными в них штанинами – голландские галоши, видать, оставил в сенях.

– Вечер добрый! – здоровается, сдёргивая с лысины капелюху.

– Это ещё кто? – повторяет вопрос Зинаида.

– Кузьмич. Наш хозяин. Здравствуйте, Кузьмич, – поднимается ему навстречу Ольга. – С чем пожаловали?

Зинаида с интересом оглядывает «хозяина»: вид у него явно не хозяйский. Она давно догадывается, кто платит за этот домишко вместо Ольги.

Дед сразу схватывает ситуацию.

– Да вот, понял, что гостя у Вас. Думал, может надо чего: яичек там, молока?..

Явно импровизирует на ходу.

– Не подоили ещё быка, – отзывается из своего угла Зинаида.

Мужик топчется на пороге: наверняка думал, что тут не гостя, а гость, и заглянул по привычке на огонёк, то есть – на сто граммов. На дежурную чекушку.

– Если не надо, я пойду, Ольга Ивановна?

Ольга готова уже выпроводить завсегдатя, но Зинаида неожиданно ломает её планы.

– Да чего уж там! Заходи, третьим будешь.

Кузьмич вынимает из карманов своей душегрейки два роскошных, с осени сохранившихся в соломе, антоновских яблока и несёт их к столу, как несут пасхальные куличи:

– Угощайтесь, милые дамочки.

Зинаида криво усмехается, а Ольга подвигает ему откуда-то из-за угла кровати солдатский табурет, помогает снять телогрейку и ставит на стол ещё один бокал.

– Благодарствую. Вот не ожидал, – лукавит Кузьмич, крепко потирая холодные ладони.

Усаживается. С удовольствием разглядывает бутылку – можно подумать, что впервые видит её. А Зинаида, порозовевшая после первой, с любопытством рассматривает эту парочку: она давно догадалась, кто тут регулярно является третьим.

– Зинаида, – протягивает ему руку Зинаида.

– Кузьмич, – осторожно берёт в обе ладони её холёную руку Кузьмич и, уже мал-мал освоившись, замечает, оглядывая обеих:

– Как-то вы очень уж сурьезно сидите...

– А ты наливай! – приказывает Зинаида.

– С удовольствием.

Наливает действительно не только с удовольствием, но и с большой, неожиданной сноровкой. Насобачился, – думает про него Зинаида.

– Здоровеньки булы! – голосом Тарапуньки оповещает Кузьмич.

– Будь здоров и не кашляй!

– Где он может быть? – говорит Зинаида, твёрдо ставя бокал на шаткий столик и требовательно, в упор глядя на Кузьмича. – Где вы ещё выпиваете с ним?.. Ну, за исключением этого дома, – добавляет. – В фадеевском шалмане?..

Кузьмич, конечно, смущён, но уже первая рюмка добавляет ему смелости.

– Мы не выпиваем, – он же у Вас непьющий... Малопьющий, – поправляется. – Мы с ним беседуем...

– О чём же это Вы с ним беседуете? О бабах, что ли?

– О всяком-разном. Бывает, что и об вас. Но чаще – о жизни.

– Ну да, если о бабах, то это и есть – о жизни. Жизнь происходит от трения. И всё-таки, Кузьмич, – меняет тон на просительный, человечный, а не дамский. – Ты наверняка знаешь больше, чем говоришь. Где искать его?

Кузьмич молча наливает ещё по одной, а затем вдруг совершенно трезво, хотя и негромко, произносит:

– В К Э Г Э Б Э ...

Доселе молча сидевшая Ольга вообще каменеет.

Зинаида грузно откидывается на спинку стула. Зрачки её расширены от ужаса.

– Где? – шёпотом переспрашивает.

– Да всё в порядке с ним, – спохватывается, что сболтнул лишнее.

– С чего это Вы взяли? – шёпотом спрашивает очнувшаяся Ольга.

– Примета есть такая, – прищуривается Кузьмич, приноравливаясь к рюмахе, – топтуна нету, значит, всё в порядке.

– Какого топтуна? – ещё больше напрягается Зинаида.

Ольга молчит.

– А Вы что, дамочка, не знаете? Первый раз замужем? Он уже лет пять, как за Вашим хозяином топчется. Вся округа его уже знает. Мы даже пару раз выпивали вместе. На троих, – усмехается Кузьмич. – А нынче он вдруг исчез. Примета есть, – идёт по второму кругу.

При словах «первый раз замужем» Зинаида круто разворачивается к Ольге – на себя поглядела бы, соломенная вдова, двоих мужей отправила

под откос! А потом переводит взгляд на Кузьмича: а не он ли и есть тот самый вездесущий топтун?

– Пропади Ваш муж всерьёз, – Кузьмич ухитряется так произнести это, чтоб не обидеть ни одну из них – ни законную, ни желанную, – они бы тут такой хай подняли!

Женщины переглядываются. До них что-то доходит.

– За Г Э Б Э ! – торжественно, как на вынос, произносит Кузьмич и, не дожидаясь дамочек, ловко опрокидывает бокал – он явно не собирается оставлять в бутылке ни капли.

– Которое нас бережёт и стережёт, – добавляет, занюхивая грузинский коньяк русским, обсмоктанным козюю рукавом.

В дверь снова барабанят. Барабанят, а не скребутся, как только что скрёбся Кузьмич.

Х

У Анны Ивановны в этом начальственном, величественном кабинете есть свой столик в углу. Удивительное дело: вроде и кабинет общий, державный, и столик этот тоже из общего, почти чугунного гарнитура, даже столешница на нём карельской березы, но сразу видно, что он тут – сбоку припека. Не начальник. В весе пера. Так, на побегушках. Не дерзая больше вступать в мужской разговор, Анна Ивановна робко, как уже наказанная, семенит в угол и умашивается за своим дорогим, не по чину, но тоже обречённым на спасительное молчание, столиком со всеми своими прибабасами. Аккуратно, школьницей, раскладывает их перед собой, не смея поднять глаза.

Поэт прихлёбывает давно остывший чай, о котором оба собеседника забыли.

Прокурор круто, опять почти по-военному, разворачивается к углу и, по-прежнему сохраняя суровую мину на крупном, тяжёлом лице, которое от этой суровости кажется ещё массивнее, бросает туда, в угол:

– Да, Анна Иванна, сделайте протокол допроса.

Анна Ивановна, наконец, поднимает глаза. Вопросительно, даже с некоторым укором, смотрит сперва на прокурора, потом на поэта.

– Признание?.. Раскаяние?.. – дрогнувшим голосом спрашивает она. Похоже, ей не впервой самой оформлять за прокурора протоколы высоких допросов.

Поэт молча прихлёбывает чай. Он уловил старушкин интеллигентный взгляд, в котором и мольба, и восхищение, и – сожаление.

Прокурор тоже тяжело смотрит в его сторону.

– Автор признаёт публикацию в «Дейли мэйл» необдуманной...

Чаепитие становится всё громче.

– ...То есть – ошибочной. Ссылается на общую обстановку, сложившуюся вокруг него, в том числе и в семье...

Поэт настороженно поднимает голову.

– ...В общем, нервный срыв. Ну, и ловкость пройдошистых западных щелкопёров, досаждающих ему в последнее время... Просит компетентные органы оградить его...

Поэт приподнимается, что-то хочет возразить.

Но прокурор не даёт ему это сделать. Властным жестом усаживает на место.

– ... Ну, ладно... Не просит.

Поэт послушно садится.

– Всё остальное сами знаете, как. В общем, вопросов нет, инцидент исчерпан, протокол сразу строго засекретить.

Голос прокурора теплеет, и благодарная Анна Ивановна окончательно смелеет:

– Я могу идти?

– Да нет, пишите здесь.

Подходит к своему столу, снимает трубку:

– Пусть никто не входит и, желательнее, не звонит. Ну, кроме ВэЧэ. Идет оформление серьёзного допроса.

Анне Ивановне:

– А записку в ЦэКа я продиктую Вам сам. Позже.

Та понимающе кивает головой, успевая заговорщицки перегляднуться с поэтом.

Поэт с шумом втягивает чай.

– Да бросьте Вы! – уже с раздражением швыряет ему прокурор. – Он же давно остыл! Бурда!

Трогает поэта за плечо и ведёт к дубовой стене, в которой ловко замаскирована дубовая же дверь.

И они вступают в другой мир, который называется «комната отдыха».

Поэт с любопытством озирается в мягком полумраке рая местного значения.

В принципе, эта часть апартаментов столь же тяжеловесна, что и парадная, общественная. Но здесь всё же диван карельской березы, круглый, а не прямоугольный стол, покойные кожаные кресла, торшер над ними, плотно зашторенные, стрельчатые окна.

Прокурор доволен впечатлением, которое произвела его индивидуальная рекреационная зона на поэта.

– Руки помыть не хотите?

– Хочу, – простодушно признается поэт: простатит — не тетка.

– Туда! – почти по-петровски, по-ленински указывает прокурор в глубину апартаментов: даже в раю имеются отхожие места. А может, уровень рая как раз и определяется качеством этих самых мест.

Поэт послушно следует в указанном направлении и нащупывает ещё одну потайную, как в шкатулке с драгоценностями, дверь. Буквально через минуту из-за неё, неплотно прикрытой, на весь зрительный зал слышится мерный, значительный рокот мраморного унитаза.

Прокурор добродушно усмехается: похоже, у него такие же проблемы. Но он сейчас занят делом.

На круглом столике уже расставлены приборы. Прокурор вынимает из громоздкого, как первый советский комбайн, холодильника «Зил» хрустальный вазончик с чёрной икрой, лимон. И сам, не выкликая буфетчицу, с удовольствием, посвистывая что-то из «Цветочницы Марицы», режет его тонюсенькими ломтиками.

Из потайной двери выходит поэт. Он, похоже, успел за это время не только руки вымыть, но и умыться: лицо посвежевшее, помолодевшее. На бровях и упрямых ещё волосах висят капельки воды.

– Хорошо тут у Вас, – говорит, потирая руки. – И там – тоже.

Прокурор насмешливо вздымает бровь.

– Тут, говорю, хорошо. – спохватывается поэт, и прокурор по-свойски пеняет:

– То-то же!

Прокурор предлагает кресло, и поэт славно устраивается в нём.

Прокурор приоткрывает глухой шкаф с напитками: бар.

– Вы, говорят, любите грузинский?

Поэт неопределённо хмыкает.

– Я так и подумал, – улыбается прокурор. – Будем французский!

Ставит на стол непечатую бутылку «Корвуазье» с портретом Наполеона на стекле.

Поэт смотрит и на бутылку, и на императора почти с умилением: давно не виделись!

Прокурор открывает тёмную, пузатую чёрную бутылку. Поднимает свой бокал и, прежде чем выпить, говорит неожиданно серьёзно:

– Давайте договоримся, пока мы оба трезвые.

– О чём? – встревоженно вскидывается поэт: ему-то казалось, что все серьёзное позади.

– О разговоре со Сталиным Вы в своё время много кому рассказывали и рассказываете. Может, Сталин на это и рассчитывал. Но я не Сталин, мне паблисити в Ваших кругах ни к чему. Поэтому давайте договоримся: о нашем разговоре, о его существовании – никому ни слова. А? – вопросительно и твёрдо смотрит на собеседника.

Поднятый было бокал в руке у поэта замирает.

– Никому. – Голос прокурора тоже весьма твёрд. – В том числе и дома, в семье. В обеих Ваших семьях, – чуть улыбается уголками губ. – Так будет лучше не только для Вас, но и для меня. Ну, был вызван... Кое-как отвертелся... Лады?

– Лады, – хмуро кивает поэт.

– И чудненько, – прокурор с чувством чокается с поэтом. Оба выпивают залпом, так коньяк, особенно французский, грамотные люди, вообще-то, не пьют.

– Я в самом деле рад познакомиться с Вами лично. Пусть даже и в столь сомнительных обстоятельствах. Анна Ивановна иногда читает мне Ваши стихи... – говорит прокурор, закусывая лимоном.

Теперь уже поэт удивленно задирает брови.

– ...Она была моей стенографисткой в Нюрнберге.

– За умных стенографисток? – смеется поэт, подвигая свой пустой бокал к бутылке.

– Как скажете... И за них тоже, – плещет коньяку в бокалы прокурор. – Ваши-то, небось, переживают?

Они выпивают теперь уже как положено, вразяжечку.

– Я вот и хотел попросить, – мнётся поэт.

– О ком? – настораживается прокурор: они ещё не настолько выпивши, чтоб

море по колено, чтоб обещать всё, что заблагорассудится этому чудаку.

– Не беспокойтесь. Не о ком, а всего лишь – о чём.

– И о чём же?

– Действительно переживают. Нельзя ли звоночек сделать?

Прокурор хмурится. Повисает пауза.

На тумбочке рядом с диваном поблёскивает ряд телефонов, почти такой же длинный, как и в кабинете.

– Пожалуйста, – говорит, помедлив, прокурор.

Поэт поднимается и направляется к дивану.

– Не звоните по этим, – трогает его за рукав прокурор. – Погодите.

И вынимает из кармана широченных галифе массивную, на брусок динамита похожую «Мотороллу», такую, какой она придёт в начале девяностых.

Протягивает.

Поэт взирает на неё со священным ужасом и берет «Мотороллу», как бомбу.

– Звоните хоть в двадцать первый век. Потомкам, – усмехается прокурор. – А вообще, Вы кого собираетесь предупреждать?

Поэт мнётся.

– Я Вам советую, – говорит прокурор, наливая по третьей, – позвоните домой... Ну, – замечает недовольное движение собутельника, – в первый дом...

Поэт вертит штуку в руках, потом осторожно надавливает на кнопки клавиатуры.

Они попискивают, и это современное попискивание раздаётся по всему зрительному залу.

– Але-о! – отвечают ему тоже на весь зал. – Вас слушают...

Поэт морщится, как от зубной боли.

Прокурор похохатывает, прикрывая рот ладонью: так манерно отвечать могут только домработницы.

– Дуня! – без предисловия шепчет в трубку, как будто это радиопередатчик, поэт. – Передайте нашим, что со мной всё в порядке. Я скоро, – смотрит сперва на бутылку, потом на прокурора, – буду ... дома.

«Нашим» произнесено с явным нажимом.

И бережно, как младенца, укладывает трубку на стол. Клавиатурой вниз.

Прокурор хохочет теперь уже в полный голос:

– Ну, Вы конспиратор даже больше, чем я думал! Не зря писали на революционные темы.

Поэт смущённо улыбается.

– А вообще, прекрасно сказано: «Вас слушают!» Вас слушают! – Вы это запомните, дорогой поэт. И Вас, и нас.

Поднимает бокал и с озорством стучает им о бокал поэта.

Звон раздается тоже на весь зал: как будто хрусталь разлетелся.

– Угощайтесь! – подвигает, видимо, заранее приготовленные буфетчицей деликатесы. – Икру берите ложкой. Не люблю размазную...

– Благодарствую, – как-то по-поповски отвечает хмелеющий поэт.

– Вы куда отсюда поедете?

Поэт пожимает плечами. Вопрос застаёт его врасплох.

– Не обижайтесь ещё на один совет...

Поэт вопросительно вглядывается в собеседника.

– У Вас появляется замечательная возможность: удрать от них обеих сразу! Машину дам в любую сторону. Ну, – спохватывается, – кроме одной. Западной. В Китай же Вы и сами не поедете?

– Не поеду! – убеждённо отвечает поэт и самостоятельно, крепко наливает в бокалы.

– Умираем-то мы, мужики, всё равно в полном одиночестве. Как там у Вас:

*«О господи, как совершенны
Дела твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены.
Ночь смерти и город ночной.*

*Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения слёзы
Мешают мне видеть тебя.*

*Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознать.*

*Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».*

Прокурор неплохо читает – во всяком случае, для прокурора. Поэту нравятся его собственные стихи, даже в прокурорском исполнении. И даже слеза на глаза навёртывается. Но его занимает нечто другое:

– Вы что, религиозны? – почти с ужасом, тихо спрашивает он.

– Настолько, насколько религиозен может быть прокурор, даже родившийся на Украине, – насмешливо отвечает тот. – Люди, да и народы, так дорого платят за свои убеждения, которые потом сплошь и рядом оказываются ошибочными, что иногда подумаешь: а не лучше ли не иметь их совсем?

– Жизнь богаче любых убеждений, – углубляясь в себя, замечает поэт. – Единственным непререкаемым убеждением может быть только человеческая доброта и сострадание. Но, боюсь, что это дело не столько наживное, сколько врождённое. Это как душевное благородство. Или есть, или нету. Вообще-то, добро и зло, видимо, в равной степени спят в каждом человеке. Всё дело в том, кого, что из них мы выкликаем в данный момент. Или что культивируем в данный момент – как в отдельном человеке, так и в обществе в целом.

– Как знать. Может, Вы и правы...

Какое-то время они оба молчат. Потом молча выпивают. Поэт скребёт серебряной чайной ложечкой икру из хрустального вазончика.

– Нет уж, дудки, – произносит задумчиво, намазывая икру на краюху белого хлеба. – Умирать я буду с Зинаидой, на её руках – это и будет единственным моим искуплением перед нею.

Произнесено таким тоном, что прокурор на мгновение оторопевает. Смотрит на поэта, потом говорит – тоже изменившимся голосом:

– Вам виднее. А я вот точно знаю больницу, в которой помру. Мавзолей, чёрт возьми, даже мрамор на облицовке тот же самый, а не больница. А вот вечности всё равно не гарантирует, – усмехается.

И вновь наливает:

– Поехали?

– Поехали.

– А вообще, дорогой, позвольте спросить: какого чёрта вы с нею связались?

– С кем?

– Ну, с этой... Музой вашей...

– А-а... И Вы туда же?

– Ну да. Нашли бы барышню попроще, помоложе. Без прошлого. Да и без будущего, – загадочно улыбается прокурор. – Без компрометирующих связей. А то ещё наплачетесь с ней, да и она наплачется, – опять со странной, авгуровой улыбкой.

– Видите ли, дорогой. Бывает Муза, а бывает Судьба. И они очень редко соединяются в одном лице. А тут – соединилось. Скрестилось. С Музой ещё можно и связаться, и развязаться. А с Судьбой – не связываются. И уж тем более – не развязываются. И это касается всех. Всех. Без исключения, – в упор, хоть и уже нетрезво, смотрит на прокурора. – Вот Вам сколько лет было в Нюрнберге?

– Ну, тридцать восемь, – не сразу отвечает прокурор.

– А ей?

– Кому это ей?

– Не придуряйтесь. Стенографистке Вашей.

– Ну, сорок пять. – мнётся под взглядом поэта прокурор.

– И чего же это Вы до сих пор с нею не развязываетесь?

Прокурор сопит.

– Поехали! – предлагает поэт и наливает ещё по одной.

– Поехали!

Оба ловят себя на том, что одинаково занюхивают коньяк лимоном. И оба строят друг другу мальчишеские гримасы.

– А вообще, товарищ прокурор, Вы столько советов понадавали мне за сегодняшний день, – неожиданно трезвеет поэт, – что пора бы и честь знать. Вы хоть и генеральный, но я, беспартийный большевик, всё-таки старше вас.

– Ну-ну. Не дуйтесь, – вальяжно кладет свою прокурорскую лапищу на нервную, продолговатую поэтову ладонь. И миролюбиво предлагает:

– Поехали? Приятно всё-таки выпить в компании с Нобелевским лауреатом...

– Бывшим...

– Лауреаты бывшими не бывают! – назидательно задирает палец прокурор.

– Будем надеяться. Поехали, – обречённо соглашается поэт.

XI

Всё та же комната Кузьмича.

Всё тот же грохот в дверь.

Всё то же напряжение на лицах.

Кузьмич нерешительно встаёт, но до двери дойти не успевает. Она распаивается, и в её проёме, как курица в скворешниковом летке, появляется дебёлая Евдокия.

Зинаида прижимает руки к груди.

Евдокия грузно проходит в комнатку, но сесть ей негде, и она, едва помещаясь здесь, грозно, как рок, возвышается над всеми.

Она запыхалась.

Кузьмич ласково наливает ей в свою собственную посуду.

Евдокия выпивает и вкусно занюхивает рукавом.

– Ну, и слава Богу, – откидывается на стуле Зинаида, а Ольга, напротив, напрягается ещё больше.

– Живой... Звонили...

– Кто звонил? – резко спрашивает Ольга.

– Сами звонили, – обиженно отвечает домработница.

– И что? – спрашивает Зинаида.

Кузьмич хранит молчание и спокойствие.

– И всё, – просто отвечает Евдокия, отирая тыльной стороной большой, почти прокурорской ладони, пот со лба. – Еле добегла. Думала, выпрыгнет, – показывает куда-то в сторону громадной, колышущейся левой груди.

Такая грудь действительно любые постромки порвёт.

Зинаида плачет, закрыв лицо руками.

– Так откуда звонил-то? – не унимается Ольга.

– А кто ж его знает.

– И что сказал?

– Со мною усё у порядку... Скоро буду.

Дипломатичная Евдокия опускает концовку: где же скоро буду?

Ольга тоже закрывает лицо ладонями и низко склоняется над столом. Их головы, русая, пышная, и тёмная, крашенная, стриженная, такие разные, почти соприкасаются.

Женщины, похоже, плачут на пару: каждая о своём.

Постояв какое-то время, уставясь на них, Евдокия вдруг тоже заливается горячими слезами.

– Тю дурр-ры! – растерянно замечает Кузьмич. – Радоваться надо, а они режут белугами.

И под шумок начисляет себе коньяку.

Первой опоминается Зинаида – Дуняшкин бас приводит её в себя.

– Действительно, чего это мы его отпеваем?

– Да если три русские бабы соберутся вместе, они всегда найдут общий повод поплакать, – смеётся сквозь слёзы Ольга.

– Да уж, русские – глаза узкие, – роняет, как бы про себя, Кузьмич, выливает себе остатки коньяка, хлопает его, а порожнюю бутылку с большими предосторожностями опускает под стол да ещё и ногою запихивает поглубже. Привычка – вторая натура.

Последней, как самая большая, паровозная труба, всхлипывая, успокаивается Евдокия.

За окнами в кромешной темноте возникает свет фар и слышится пронзительный скрежет тормозов.

Женщины опять переглядываются и, все вместе, начинают лихорадочно... охорашиваться.

Кузьмич опрометью вылетает из комнаты.

XII

В темноте у калитки стоит Волга, фары её притушены. Давешний же человек в штатском вежливо распахивает поэту заднюю дверь. Но, впихивая служивого в глубину салона и согнувшись в три погибели, в машину торопливо протискивается Кузьмич.

– Нет! Нет! – заполошно машет руками туда, в глубину. – Оне все там! Съедать с потрохами!

Мгновенная пауза, и вдруг – на весь зрительный зал – из Волги – молодой, сильный, нетрезвый голос поэта:

– Вася! В Москву!

– Есть! – браво отвечает Вася, теперь уже готовый служить быломu подконвойному верою и правдою.

Захлопывается дверь – Кузьмич едва успевает отскочить – прыгает на переднее пассажирское сиденье и лихо командует водиле:

– В Москву!

Машина рвёт с места.

Кузьмич возвращается к дамам. Те дружно срываются ему навстречу:

– Где?

Кузьмич лукаво разводит руками:

– Убыл!..

Убыл.

– Поехали.

Март-июнь 2010 г.

И ПОТОМУ МОЙ ПУТЬ БЫЛ СВЕТЕЛ

* * *

Я весь тогда промок,
Застигнутый грозой,
Но ливень мне помог,
Неистовый, шальной.

Я думал, не придёшь,
Все обещанья – прах.
Но руку подаёшь,
Улыбка на губах.

* * *

Что смерть? – Провал куда-то в бездну сна.
Не смерть сама, а мысль уйти страшна,
И что тебе твой прах и твой погост?..
Расстаться горько с ярким сонмом звёзд
Над тишиной сияющих долин,
Где ты блуждал не раз, грустя, один
И слушал арфу¹ сквозь вечерний звон,
И был опять в то время унесён,
Когда, мечтая, здесь поэт бродил
И о любви, о жизни говорил.
И ты дышал с ним воздухом одним...
Расстаться горько с утром молодым,
С Эльбрусом древним и седым орлом,
Где пил ты радость, где твой отчий дом!

ВАСИЛЕВСКИЙ Виктор Алексеевич, поэт, член Союза писателей России, автор ряда поэтических сборников.

¹ Арфа – Эолова арфа в г. Пятигорске.

* * *

О том, что было раньше,
Зачем нам вспоминать?
Он умер, день вчерашний,
Горит другой опять.

И всё ж горька утрата:
Он был, в лучах блистал
До самого заката,
Себя всего отдал.

С грозой внезапной летней
И с солнцем на крыле...
И был ведь он последний
Для многих на земле.

* * *

И снова за окнами снег,
И лунного света мерцанье.
И ночи глубокой молчанье,
И вечного времени бег.

Мечтаю забыться в ночи.
Хотя б на мгновенье забыться,
Но вновь,
Как бессонная птица,
Тревога мне в сердце стучит.

И нет мне покоя ни в чём –
Одна только боль и тревога...
И мать в спящем доме ночном
Безмолвно стоит у порога.

ПРОСТИ

Ты прости меня, если умру –
Говорила мне мать на прощанье.
Стыла ночь на осеннем ветру
И листвы было слышно шуршанье.

Я ушёл. Ничего не сказал.
Но на сердце осталась тревога.
Тёмный вечер. Притихший вокзал.
Снова в город гранитный дорога.

И ударом в стеснённую грудь –
Роковая в руках телеграмма.
И печальный на кладбище путь...
«Ты прости, ты прости меня, мама!»

* * *

К тебе всегда стремился я,
К тебе, доверчивой и милой.
И эта женственность твоя
И волновала и томила.

Твоя терзала красота,
Но в жизни я тебя не встретил.
Всегда была – одна мечта!
И потому мой путь был светел.

ДВА АНГЕЛА

Прозрачные ночи укрыли
Узоры старинных оград.
Два ангела¹, два легкокрылых
Над городом спящим летят.

Давно его люди страдают,
А время идёт и идёт.
И ангела два всё летают,
И кажется вечным полёт.

ОГЮСТ РЕНУАР, ТЕЛО ЖЕНЩИНЫ

И обнажённое, святое
Оно живёт и вольно дышит.
И кажется, что сердце слышит
Его дыханье молодое.

Всё светом солнечным согрето,
Оно, ликуя, жизнь рождает.
Во власти ты картины этой,
Которая не умирает.

¹ На Петропавловском шпиле и Александрийском столпе.

САФАРИ*

ПОВЕСТЬ

Водин из своих очередных наездов в Париж решил посетить русское кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Эйфелева башня, Елисейские поля, Дом инвалидов, Нотр-Дам де Пари, «Мулен Руж», «Лидо», наконец «Максим»... И в Лувре, и в Версале бывал... Собственно, и на русском кладбище тоже. Но вот так, чтобы спокойно походить среди могил людей известных, если не сказать знаменитых... Нет, такого со мной до того приезда не случилось.

В церкви при кладбище спросил священника:

– Имею ли право постоять в храме?

– Отчего бы нет? – последовал ответ.

– Я исповедую религию магометанскую...

– Что с того? – говорил священник. – Бог един. И наш Иисус – ваш пророк под именем Иса.

– Знаю, – говорил я.

– Что же тогда смущает тебя?

– Теперь ничего.

Выйдя из церкви, долго бродил по аллеям Сент-Женевьев де Буа. Именно аллеям. А иначе как их назвать? Улицы, где вместо домов могилы, площади, где вместо дворцов склепы.

Генерал-лейтенант Улугбек, генерал-майор Хагундоков... Могилы скромные, можно сказать, заброшенные.

Я стоял возле склепа Галины Константиновны Хагундоковой. В свой прошлый приезд меня сопровождал к этому склепу брат Великой мадам Франции – Жорж (Адамей). Мы с ним спустились тогда по крутой лестнице к саркофагу, и я возложил цветы к могиле своей землячки.

Теперь был один. Никто не отворил мне замок металлической двери. Да я не очень-то и хотел повторять тот спуск. Что внутри склепа могло измениться за это время?

Стоял и почему-то вспомнил стихи Кайсына Кулиева, написанные вроде бы о замечательном скакуне, а на самом деле о нас, людях:

ВОРОКОВ Владимир Халидович. Кинорежиссер, публицист, создатель более 160 телефильмов, писатель, автор шестнадцати книг, заслуженный работник культуры России, трижды лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики, академик, профессор.

* Сафари – продолжение романа «Прощающие да простят. Амышев аул». Размышления о романе литературоведа Сулиеты Кусовой-Чухо читайте в разделе «Критика и библиография».

*Смерть пощады не знает,
И, упав на скаку,
Черный конь умирает
На белом снегу...*

«Вот уж точно, – думал тогда. – Смерть пощады не знает».

В это время чья-то легкая рука опустилась мне на плечо. Я вздрогнул. А вы бы что сделали? Не вздрогнули бы? Не испугались? Хотя испуга не было. Был мистический ужас.

Я оглянулся. За моей спиной стоял старичок в европейском костюме, при галстукe, без головного убора. Человек тот был совершенно сед, очень худ, но опрятен. От него исходил тонкий аромат парфюма. Как ни странно, но именно этот аромат успокоил меня.

– Бога ради простите, – говорил он. – Я испугал Вас?

– Нет, нисколько, – солгал я, но то была святая ложь.

– О Вас рассказал настоятель местной церкви. Меня зовут... А впрочем, какое это имеет значение, каково мое имя? Я читал Ваш роман «Прощающие да простят». Это повествование о моем роде.

– Простите, – возразил я, – но мой роман строится на вымысле.

– Не ошибайтесь так, – возразил старичок, – я-то из Амышева рода. И братья мои. Мы – живая история Вашего романа. Хочу передать заметки двух своих сородичей. Их уже нет среди живых. Время не щадит ни храбрых, ни мудрецов.

– А они были храбрыми?

– До отчаяния. Как Паго, Арыкшу, Дабеч... Одного из авторов заметок тоже звали Дабечем.

С этими словами тот, кто назвался человеком из Амышева рода, извлек пачку бумаг, перевязанных шелковой лентой, и протянул мне.

– Думаю, Вы все поймете. Здесь Дабеч и Узермес излагают те события, которые произошли с ними в определенные периоды их жизни.

– Они выступают в соавторстве? – поинтересовался я.

– Не понял?..

– У них общие записи?

– Нет, что Вы... Ничего общего, кроме причастности к одному роду.

Позже, уже в отеле, я развернул пачку бумаг и обнаружил, что она делится на две части. Равные? Пожалуй, нет. Первая была пообъемистее второй.

Но это было позже. А сейчас я стоял перед пришельцем из прошлого и смотрел на него. Я-то знал, что как бы ни был правдив мой роман, герои его были лицами собирательными. И имена я им давал самостоятельно, не спрашивая разрешения у времени и у судьбы. А вот надо же! Совпало как-то. Правда, порой при написании своих «Прощающих...» я замечал, что кто-то свыше водит моей рукой. Даже когда я хотел сделать что-то по-своему, чья-то неведомая воля не позволяла мне сделать этого.

– Не мучьте себя вопросами, – говорил при этом старичок, – не всегда мы решаем за себя. Бывает, что кто-то думает за нас. Думает и направляет. Как я, например, оказался здесь, на Сент-Женевьев де Буа? Еще утром не собирался выходить из дома. Выпил свой чай с топленым молоком, съел омлет и засел за чтение свежих газет. Но кто-то (видите, опять этот кто-то!) постучался в мою душу. «Иди, – сказал Он, – на русское кладбище. Там встретишься с автором книги о вашем роде. Отдай ему записи Дабеча и Узермеса».

Я хотел спросить: «Как же найду того человека? Ведь кладбище-то – целый город!» Хотел спросить, да не спросил. И правильно сделал. Его не следует спрашивать. Ему надобно подчиняться.

Мы вместе вышли за кладбищенскую ограду, минуя церковь. Здесь, у самого входа на погост, старичка дождался шикарный автомобиль, стоящий рядом с микроавтобусом, любезно предоставленным мне парижскими друзьями для поездки «по памятным местам».

– Сейчас мы расстанемся, – говорил таинственный незнакомец. – Вот Вам моя визитная карточка, – он протянул изящно исполненную визитку, явно не из нашего времени. – Прочтете заметки, обязательно позвоните. Мне очень интересно знать Ваше мнение.

Вышколенный водитель распахнул перед старичком дверцу автомобиля. Шикарный роллс-ройс старинного выпуска, имевший оттого еще большую ценность, мягко и бесшумно тронулся с места и растворился на ленте асфальта.

Надо ли говорить, как я спешил в свой гостиничный номер?! Здесь, заказав чай, я развернул первую из пачек.

«Путевые африканские заметки капитана фон Крюге» – так были озаглавлены эти записи. Я углубился в их чтение. Они начинались так...

* * *

После окончания военного училища в Берлине, из которого я был выпущен как один из первых учеников, мне предоставили честь представлять Германские вооруженные силы в Вене. Думаю, это могло произойти только по ходатайству моего отчима – крупнейшего берлинского банкира Отто Крюге. Да отчимом ли он мне был? Отца родного я никогда не видел. О нем мне говорилось как-то таинственно и загадочно. Из обрывков фраз знал, что был он из кабардинских князей Амышева рода. Звали его Дабечем. Оттого и матушка моя, Екатерина Григорьевна Засс, в особые минуты звала меня тем именем, а чаще Абреком. Она выучила меня кабардинскому языку, неписанной, но высоко чтимой всеми адыгами устной конституции Хабзэ и Намыс; многочисленные учителя и репетиторы вложили в меня умение лихо скакать на коне, рубить шашкой лозу, поражать из ружья и револьвера мишени... Там было столько всего, чему учили меня по настоянию Катэ (как прозвали когда-то мою матушку в кабардинском ауле, где она провела значительное время)!

Отец мой, а вернее отчим, почитаемый за отца, не противился всему этому. Напротив, он гордился моими серьезными успехами в адыгском воспитании.

– Родную кровь надо уважать, – часто повторял он.

Отто и сам прекрасно стрелял, фехтовал, носился на лихих лошадях. Но ему было далеко до Катэ, а в дальнейшем (да простит мне читатель нескромность) до меня.

Так я и жил в роскошных владениях немецкого банкира, который (я это точно знал) все свое огромное имущество завещал мне – сыну своему, Альфреду Крюге. Кроме меня у него никого не было. И он горячо любил меня. Да и я отвечал ему взаимностью. Именно он, Отто Крюге, выхлопотал мне теплое местечко в Вене.

Что могу сказать о себе? Никто не думает, что он плох или недостаточно удачлив. Лишь хорошо думает или очень хорошо о себе. В училище я был

заправилой. Да и как не быть им с моим характером и огромными деньгами отчима?! Наверное, пороков во мне было более, чем добродетели. Я не только не стремился исправлять их, напротив, бравировал этими пороками.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, задаюсь вопросом: «А пороком ли было все это?»

Нет, уродливого во мне, пожалуй, ничего не было. Так, шалости: дружеские попойки, ухлестывание за каждой женской юбкой, умение заставлять страдать невинных девиц и радоваться маленьким победам над ними.

– Ах, оставьте! – скажете вы. – Знаем мы эту «золотую» молодежь. С каждого из вас можно писать коллективный портрет порочной молодежи нашего времени.

– Не спешите, – попрошу вас, – не надо обобщений. А если и есть они, эти обобщения, то не спешите укорять молодых. Вспомните себя лет эдак девятнадцать. Разве не такими, как мы, были тогда? У молодежи любого поколения болезнь одинаковая или почти одинаковая. Ее не следует лечить кардинально, вмешиваться в процесс хирургу или терапевту. Я понял, она сама проходит. Как это происходит? Спросите у Господа Бога. Он знает. Только ответит ли?

Итак, я служил в Вене под командованием полковника Н., человека требовательного, волевого и глубоко порядочного. Такого командира и подводить как-то неудобно. И я старался изо всех сил. Был первым офицером части, и эскадрон мой слыл лучшим. За что получал отпуска, премии, даже награды. Однажды полковник Н. вызвал меня и сказал:

– Нас вызывают в Берлин.

– Имею право задать вопрос? – спросил я.

– Конечно.

– Когда мне следует быть готовым к отъезду?

– Завтра утром будьте на Восточном вокзале.

На следующий вечер у меня была назначена многообещающая встреча с прехорошенькой девушкой по имени Марта из соседней с частью кондитерской. Не отменять же поездку в генеральный штаб по этому случаю!

Конечно, если бы решение принимал я, то оно было бы в пользу Марты. Но здесь...

В Берлине жили мои родители, и я, конечно, рад был повидаться с ними, что и сделал с преогромным удовольствием.

В генеральном штабе нас долго держали в разных кабинетах. Разделили и вели беседы тет-а-тет.

Генерал, который принимал меня – а это была высшая инстанция, в которой я удостоивался когда-либо быть принятым, – спросил:

– Значит, барон Альфред фон Крюге?

– Так точно! – отвечал я, вскакивая со стула, на который меня перед заданным вопросом усадил генерал.

– Да сидите Вы! Разговор будет долгим.

– Вашего отца хорошо знают в Берлине. Да и собранная информация говорит о Вас как о весьма положительном офицере.

– Куда он клонит? – думал я. А клонил он вот куда:

– Нам известно, что корни Ваши уходят на Кавказ, в Кабарду.

– Я никогда не скрывал этого.

– А Вам и нечего скрывать такой факт. Быть родным сыном кабардинского князя и великого воина Кавказских гор – честь для любого.

Затем наступила пауза. Я уже стал думать, что разговор окончен, но не смел удалиться, не получив разрешения старшего по званию. Наконец, генерал сказал:

– Полковник Н. направляется нами в Африку, где возглавит Германский экспедиционный корпус. Вы поедете вместе с ним... с особой миссией. Вам следует отыскать на африканском континенте адыгские поселения и сделать все возможное, чтобы черкесы, живущие в зоне нашего влияния, приняли германскую ориентацию. Задача сложная, важная и, не скрою, опасная.

В вопросах, связанных с выполнением задания, Вы получите полную поддержку Германских вооруженных сил в Африке. Кстати, Вам присваивается внеочередное звание «капитан». Командование считает: Ваше появление в этом звании среди земляков произведет на них более благоприятное впечатление.

ГРЕЦИЯ

На афинском вокзале небольшую делегацию, возглавляемую полковником графом К.Н., встречали греческие военные и официальный представитель Германии в Греции.

Этот представитель, действующий по поручению нашей страны, командировавшей их сюда, назвавшийся господином Кларком, сказал:

– После обеда, который устраивают греческие военные, и ознакомительной экскурсии по древним Афинам, вам надлежит отправиться в пригород греческой столицы – военно-морскую базу и порт Пирей. Там делегации отводятся три дня на сборы, медицинский осмотр и другие процедурные мероприятия.

Я сразу отметил для себя: «Причем здесь господин Кларк? Видимо, англичанин, представляющий Германию на Балканском полуострове?»

Тот, кто назвался Кларком, закончив свою мысль, обратился ко мне:

– Я не англичанин. Я немец уже в седьмом поколении.

Его слова ввергли меня в шок.

– Надо быть осторожнее. Не стоит ничего думать об этом типе, особенно плохое.

– Вы можете думать что угодно, молодой человек, это ничего не меняет. И мои слова не снимают с Вас ответственности быть весьма сдержанным и осторожным. Особенно в военном деле. И не смущайтесь. Я из рода немецких предсказателей и телепатов.

Кларк протянул мне руку. Причем перчатку с руки не снял.

– Почему? – подумал я.

– Потому, – отвечал, прочитав и эту мысль, странный немец, – что иначе через руку могут передаваться мне Ваши мысли, а Вам – мои.

Греческие военные устроили для нас обед в самом центре старых Афин. Гости и хозяева расположились под огромным цветным полотняным навесом. Тихо играли музыканты на национальных инструментах.

– Как прекрасно, когда музыка не бьет по мозгам, а помогает познавать окружающий мир, – думал я.

Аслан-бек¹, получивший накануне отъезда из Берлина офицерский чин корнета, озирался по сторонам. Его все восхищало и поражало.

Вблизи, на холме, возвышались развалины афинского Акрополя с Парфеноном.

– Какое великолепное место для дружеского обеда избрали наши хозяева, – восторгался граф Н.

Все греки были в гражданской одежде, словно доказывали кому-то, что им нет никакого дела до предстоящей немецкой военной экспедиции.

– Национальная греческая кухня имеет много общего с кухней всех народов Балкан, – утверждали хозяева.

– Думаю, у греков преобладают рыбные блюда? – поинтересовался полковник Н.

Большее удовольствие хозяевам стола трудно было бы доставить.

– О, рецепт приготовления рыбы – самый древний в мире, – говорили они, – а первые авторы его, конечно, греки.

– Почему «конечно»? – спросил Кларк.

– Объясняется просто, – последовал ответ. – Наша страна с трех сторон омывается морями. Не удивительно, что на греческом столе рыба бывает в самых разных вариантах: свежая, вяленая, копченая, маринованная... Да мы сейчас все это попробуем.

Как образец рыбного шедевра был подан саламис – рыбное филе, сбрызнутое лимонным соком и обжаренное в растительном масле вместе с большим количеством лука и чеснока. Затем все было полито вином, обильно посыпано зеленью и потушено со сладким и горьким перцем и дольками огурца. Это и есть саламис.

– Рыба, надеюсь, морская? – спрашивал лейтенант Манн.

– Конечно, – последовал ответ. – Обычно это морской окунь.

Овощи в горшочках по-гречески, фасоль в горшочках и, конечно, мясо – ризотто и мясной греческий рулет.

Пили водку «Оуго», настоянную на семенах аниса.

Мне запах напитка не понравился, и я попросил для себя белого вина. «Надо ли удивляться тому, – подумал я, – что вино в Греции превосходное?»

– Надо, – сказал Кларк, вновь угадывая мои мысли, – греки любят, когда хвалят их вина. Когда-то они были в этом лучшими в мире. Теперь Франция, Италия и Испания заполонили все европейские и азиатские винные рынки. Греки и не пытаются туда пробиться. Эллина обожают свое вино и не очень-то нуждаются в его экспорте.

Экскурсия по древнему городу произвела на меня ошеломляющее впечатление. Кроме Акрополя с Парфеноном, где властвовал синтез дорического и ионического архитектурных ордеров, гостям показали руины агоры и Башни ветров, храм Зевса Олимпийского, средневековую византийскую церковь – Айос Теодорос.

Дорога в Пирей не была долгой, но и, как нам показалось, не являлась интересной.

Нас разместили в обычной портовой гостинице. Скромные, но чистые номера, уютное кафе при отеле, столики, работающие от этого кафе, на улице.

– Чувствуешь, какой здесь воздух? – спросил меня Гледич.

¹ Воспитатель и ординарец Крюге.

– Рыбой пахнет, морем и старыми кораблями, – отвечал я.

– Рыбой и морем – понятно. Но как можно различить запах старых кораблей? Я пожал плечами.

Позже Манн, Гледич и я ели мороженое за столиком у отеля. Что такое мороженое по-пирейски? Изюм, ванильный сахар, ром и сливки. И все это превращено в лед.

– Очень вкусно, – заметил Манн. Остальные с ним согласились.

– Одного не могу понять: как им удается заморозить ром? – говорил Гледич. Но официанту был задан иной вопрос.

– Скажи, друг, почему все ваши женщины ходят в черных одеждах?

Гарсон не растерялся.

– Видите ли, господа, – отвечал он, – много лет назад Греция была великой страной. Ее похоронили войны и злое время. Вот женщины и надели траур по великой Греции. А так как лучшие времена пока еще не наступили, они и ходят в черном.

– Мне понравился твой ответ, – говорил я, вручая работнику кафе десять марок. Пришел Аслан-бек.

– Взять для тебя мороженого? – спросил Манн.

– Возьми, – отвечал шапсуг.

И уже заканчивая свою порцию, сказал:

– Нас всех вызывает на двадцать один час полковник.

Офицеры, не сговариваясь, взглянули на часы. До назначенного часа оставалось менее двадцати минут. Срочно засобирались.

– Всем быть при парадной форме, – сообщил корнет.

– Ну ты даешь, Аслан, – вскакивая с места, говорил Гледич. Полковник, собравший всех в своем обширном номере, предоставил слово только что прибывшему в Пирей официальному представителю Германии – Кларку.

– Эти бумаги, – говорил немец с английской фамилией, – доставлены в Грецию дипломатической почтой несколько часов назад. Здесь четыре пакета. Тот, что под номером один, приказано вскрыть при вас теперь же, что я и делаю.

Кларк сломал сургучную печать и извлек бумаги. В тех бумагах сообщалось, что полковнику, графу К.Н. присваивается звание генерал-майора.

Такое сообщение не могло не обрадовать всех присутствующих, а особо графа. Все трижды прокричали: «Виват!»

Радость получилась бескрайняя. Новоявленный генерал приказал принести шампанского и фруктов. Но прежде Кларк зачитал еще один приказ, согласно которому через три дня офицерам надлежало прибыть на три военных немецких крейсера, стоящих на рейде Пирея, для следования в Германскую юго-восточную африканскую область. По дороге к пункту назначения разрешалась остановка на острове Крит.

– Эти три пакета предназначены каждому из командиров крейсеров. Еще три пакета должны быть вскрыты в следующем порядке: первый – на острове Крит, второй – по прибытии к месту назначения, время вскрытия третьего пакета указано в предыдущем.

Я не хотел бы предупреждать вас о том, что три дня, отведенные до посадки на корабли, следует потратить на подготовку к трудной и ответственной экспедиции. Особое внимание прошу обратить на медицинский осмотр. Это важно.

– Серьезную жизнь начнем с завтрашнего утра, – говорил генерал Н., – а теперь приглашаю всех на торжественный ужин.

– Разрешите обратиться, господин генерал, – встал я с места.

– Обращайтесь, гауптман, – отвечал тот с улыбкой.

– У меня тоже имеется пакет, – продолжал я. – Его передал мне отец с напутствием вскрыть по моему усмотрению и использовать его содержимое на наше общее дело. В конверте, как я думаю, деньги. И если их следует потратить, то лучший случай, чем сегодняшний, придумать трудно.

– Не согласиться с Вами, капитан, еще труднее.

Затем был вечер греческого вина и жаренных на вертеле ягнят. А какая задорная музыка звучала до утра! Какие танцы танцевались!

«Я не буду судьбу ни о чем просить, раз она сама преподносит мне такие подарки, – думал я. – Пусть моя тропинка, ведущая к удаче, не зарастет травой».

Потом нахлынули воспоминания. Я думал о Катэ, матери своей, об отце, о Катхэн, разумеется.

В какое-то время уронил голову на ладони: «Как много мы берем у родителей и как мало отдаем им, когда приходит пора гасить долги!»

Аслан-бек ткнул меня в бок:

– Капитан, не время спать. Друзья не поймут адыгов, которые не разделяют с ними божественного санэ.

– Адыги вообще не пьют спиртного, – ответил я.

– Это не спиртное, – нашелся шапсуг, – это божественное санэ.

Со стаканом вина тянулся Манн:

– Абрек, а может, к девочкам рванем?

– Только не теперь. Можем опозориться перед гречанками. Слишком тяжелы мы уже.

– А завтра обещаешь составить компанию?

– Обещаю...

– Клянешься?

– Клянусь, только отстань.

И опять я думал о родителях, о матери своей: «Как она там?» В Пирее после обильного обмывания генеральских погон мы спали до обеда. Затем решили выпить кофе, чтобы взбодриться.

– Знаете, – рассказывал своим новым знакомцам Кларк, – здесь особый способ приготовления этого напитка.

– В чем его особенность? – интересовался генерал.

– В том, что готовят его, заливая холодной водой молотые зерна в высоких сосудах, затем сразу добавляют сахар и ставят тот сосуд на огонь. Это турецкий рецепт. Здесь ведь долгие годы господствовали османы.

Все с наслаждением пили божественный напиток. К нему подали всякие засахаренные лакомства с луком, который здесь называют «турецким медом».

От спиртного отказались все. Тем более, нас ждали в медицинском пункте морского порта для различных прививок, без которых в Африку отправляться считалось самоубийством.

– Хочу предостеречь вас, друзья, – напутствовал своих новых приятелей Кларк, – на кораблях, которые теперь на рейде, вы встретитесь с легионерами. Среди них не только немцы, но и представители многих иных народов. Воевать

они умеют. Скажем даже так, что кроме того, как воевать, они ничего иного не умеют. Не подчиняются они и приказам. С ними будет трудно. Но с иными солдатами в Африке делать вообще нечего.

– У них свои командиры? – спросил Манн.

– Да, – последовал ответ. – И командиры свои, и правила тоже.

– Тогда зачем мы? – спросил Альфред.

– Чтобы отвечать за них и не допускать слишком больших безобразий.

Чтобы в бандитские шайки они не превратились. В вашем распоряжении будет взвод отборных стрелков, уже прошедших службу в Африке. Это отчаянные парни. Их побаиваются даже легионеры. Держитесь этих парней. Возможно, кого-то из наемников придется расстреливать. Это сделает тот же взвод.

«Да, – подумал генерал, – званий и наград зазря не дают», – но своим подчиненным сказал:

– Чтобы Господь послал то, что ты просишь, надо заслужить просимое трудом, делом, добром и молитвой. Вы отлично владеете своей профессией. Воспользуйтесь этим.

Затем Кларк сказал:

– Не забывайте, что не всякого врага можно простить, даже если он мертвый.

– Вы имеете в виду легионеров? – поинтересовался Гледич.

– Что Вы! Кто сказал, что легионеры вам враги? Они могут быть не всегда дисциплинированными, – вот и все, что поведал.

«Куда приведет меня эта дорога?» – думал я. Генерал говорил мало, больше размышлял о чем-то.

– О чем Ваши думы? – спросил я его.

– Вроде бы и ни о чем, а в то же время о многом.

Я ждал продолжения разговора, но граф молчал.

– Немного вина, командир?

– Да, пожалуйста. И себе налейте. Знаете, капитан, я Вам доверяю... Даже не так. Я Вам верю.

– Благодарю.

– А думал вот о чем. Вы же о том спросили?

– Если Вам неприятно говорить, не делайте этого.

– Отчего же неприятно? Очень даже приятно. Вот о чем была моя мысль.

Когда с одним человеком что-то случается, нельзя думать, что всем остальным не до того. Это заблуждение. Горькое и опасное заблуждение. И еще вот о чем думал. От чего бежим мы? Может, от добра, а может, от вспышек ненависти.

– Какой смысл убегать, если бежать некуда? – отвечал я.

Мы чокнулись и выпили. Вино было приятным на вкус и пахло каким-то незнакомым, но очень ароматным виноградом, а может, цветком.

– Я велел отправить на борт нашего эсминца десять бочек сухого вина.

Это здесь оно баловство, а там послужит лекарством.

– Думаю, и бочонок-другой хорошей водки не помешал бы.

– Разве водка плохой бывает? – мы рассмеялись.

Весь следующий день прошел в хлопотах. Отправляли на корабли вино, водку, лекарства, табак, необходимую провизию.

Я был послан графом Н., чтобы проследить за погрузкой на катера особого взвода. Словом, дел было много.

Командир того взвода был из немецких датчан и звался Енсем Кристенсеном. Он оказался общительным и любезным человеком.

– Через час начинаем погрузку на катера, а там посадка на один из эсминцев, что ждет нас на рейде.

– С легионерами Вам удалось повстречаться? – поинтересовался я.

– Да, конечно. Они уже с раннего утра грузятся на корабли.

– Каково их настроение?

– Обычное, как у любых наемников, спешащих на работу.

– Это как?

– Вы увидите, как мы будем грузиться. Так это одно и то же.

Мы сидели на улице возле уютного кафе.

– Здесь превосходный кофе, – говорил Енс. – Знаю, что так много пить его нельзя, но ничего поделать с собой не могу.

Родные Кристенсена жили на границе Германии и Дании, занимались виноградарством и даже имели небольшой заводик по производству натуральных виноградных вин.

– Но греческие вина мне больше по душе, – признался он мне, своему новому приятелю.

Позже я провожал Енса и его взвод. Все солдаты и офицеры отряда были без оружия. На вопрос: «Отчего так?» – Кристенсен отвечал:

– Основное наше оружие – пулеметы. Не будешь же таскать их всюду за собой. Они уже на корабле.

– А что это за оружие?

– В основном «максимы». Их уже собирают в Германии.

– Великое изобретение Хайрема Максима?

– Не знаю, великое ли, но пулемет хороший, надежный и уже проверенный в Африке.

Вернувшись в отель, я сразу же повстречался с Манном.

– Мы с Гледичем ждем тебя.

– Что так?

– Девочек без тебя снимать не хотели.

– А это обязательно?

– Мы же уезжаем на год. Проститься бы с белыми дамами...

Мне совсем не хотелось отправляться в бордель или искать портовых шлюх на набережной. Но, чтобы не выглядеть белой вороной, сказал:

– Давайте в нашем кафе или в соседнем ресторане подыщем себе подруг на ночь.

– А что, – сразу согласился Гледич, поспевший к разговору, – я согласен.

В гостиничном кафе я заговорил с официанткой.

– Вы сегодня надолго задержитесь на работе?

– Мы работаем круглосуточно, – последовал ответ.

– И каждый день трудитесь по двадцать четыре часа?

– Что Вы, как можно? – поперхнулась смехом моя избранница.

– Тогда жду Вас в девять вечера у себя в номере. Что Вы пьете? Нет, лучше сами закажите для нас хорошего вина и фруктов.

– Вы так все решили, будто я уже дала согласие.

– Разве нет?

- Хорошо. В Вашем номере. Но не в девять, а в десять часов.
- Думаете, нам хватит времени?
- До завтрашнего утра? Конечно! Вы даже успеете утомиться.

После долгой, но хорошо организованной погрузки на корабли небольшая эскадра вышла в Эгейское море.

На каждом из эсминцев расположилось по пятьсот легионеров. На флагмане, где находился генерал Н., нашел приют и специальный взвод, а также небольшой штаб генерала. Путь, предстоящий немецким войскам, был не столь уж долгим, но в то же время и не очень интересным. В стороне, слева и справа, остались острова, а мы шли заданным курсом.

В ПУТИ

– Я хотел попасть на остров Лесбос, – сказал я генералу, который, стоя на палубе эсминца, всматривался в морскую даль.

Тот с интересом поднял на меня глаза.

– Вас интересует этот остров из-за сапфизма?

– Нет, гер генерал, из-за самой Сапфо.

– Нравятся ее стихи?

– Они нравятся всему цивилизованному миру уже много веков. Я неплохо знаком с поэзией этой эллинской полубогини.

– Стихов ее не читал. Слышал кое-что о лесбийской любви, родоначальницей которой и явилась Ваша богиня... Так, кажется, Вы изволили ее назвать?

– Полубогиня... Она стояла во главе кружка знатных девушек-островитянок, которых обучала песням и танцам, но прежде всего поэзии и музыке. Ее стихи пронизаны темой девичьей красоты, нежности и любви.

У Сапфо в Митилене был свой «Дом муз». Сюда с Ближнего Востока, с островной и материковой Греции собирались девушки, чтобы получить музыкальное образование. Поэтесса была столь популярной на Лесбосе, что была выпущена митиленская монета с изображением Сапфо. Поэзия ее близка к фольклорной эллинской лирике. Женщина, сказавшая: «Мне не кажется трудным до неба дотронуться», – разве не имеет права на уважение?

– Все это прекрасно, – говорил после услышанного генерал П., – но Лесбос расположен в Эгейском море, а наш путь – на Крит. Он, как известно, находится в Средиземном море.

Я, заканчивая тему, прочел строки Сапфо: «Хмуришь брови, на ласку мою не хочешь лаской ответить». Генерал лишь пожал плечами: мол, что здесь выдающегося?

Наши корабли, минуя Милос, оставляя слева от себя архипелаг Киклады, состоящий из двухсот островков и скал, держали путь на Крит.

На эсминце, которым командовал капитан второго ранга Вилли Гризигер, царил идеальная дисциплина и вполне дружеские отношения между экипажем, легионерами, специальным взводом и штабом, возглавляемым генералом Н.

Я спустился однажды, сам не зная для чего, в кают-компанию. Там офицеры-легионеры играли в карты. Меня заметили и пригласили:

– Не составите компанию, капитан?

Играть в азартные игры я не любил, но и отказаться считал невозможным.

– Если только один-единственный раз в «sans voir»¹.

Я достал из нагрудного кармана пачку денег и бросил в банк. Уже собрался уходить, но все же заглянул в карты.

– Что? Что выпало? Новичкам обычно везет, – говорили вокруг.

– Да Вы выиграли, капитан! – закричал рыжий громила-легионер, хлопая меня по плечу. – Черт возьми! Смотрите! Он обыграл всех нас.

– Что делать, – отвечал на этот удивленный возглас ветеран со шрамом через всю левую щеку, – сегодня у нас потерялись ключи от удачи.

Мне придвинули внушительную кипу ассигнаций.

– Берите, это Ваш выигрыш. Игра сделана.

– Имею ли я право попросить всех вас? – спросил я. Легионеры удивленно переглянулись.

– Да, разумеется, – последовал ответ.

– Эти деньги давайте потратим на выпивку на Крите. Пусть они пойдут на доброе дело.

Между наемниками послышался ропот одобрения.

– Мы согласны, – сказал человек со шрамом на щеке. – Но деньги Ваши, заберите их.

– Хочу просить, сэр, чтобы Вы сохранили их для нашей дружеской попойки на острове.

– Вы даже не хотите сосчитать выигрыш?

– Нет, не хочу. Зачем? Это же уже не мои деньги, а наши, общие.

Раздался смех, легионеры жали мне руку, похлопывали по плечам.

Я вышел на палубу. Свежий морской ветерок встретил меня ласково, нежно трепал волосы, проникал под рубашку.

– Как хорошо! – думал я.

Прилетела мысль: «Все равно свои деньги, поставленные на кон, проиграл. Нет, не проиграл, но не забрал же...»

В это время из кают-компании вышел человек со шрамом.

– Хорошо, что сразу нашел Вас, – говорил он. – Вы забыли свои деньги.

– Но я же оставил их на выпивку...

– Выигрыш – да, но это Ваши деньги. Здесь спора не должно быть.

– Все игравшие считают именно так? В таком случае спорить не буду.

Когда легионер ушел, выполнив свой долг, я подумал: «Иногда очень хорошие люди могут совершать очень плохие поступки. Но разве очень плохие люди хоть раз в жизни не совершают очень хорошие дела?»

Море не злилось на наш корабль, он рассекал легкие волны, плавно идя навстречу цели. Игра судна с волнами баюкала, успокаивала. Я вспомнил Катхэн.

– Ты самое лучшее, что случилось со мной в жизни, – сказала она в нашу последнюю ночь.

Тогда ее душевная печаль спустилась и на мои плечи.

– Я буду склоняться к образам, – говорила Катхэн, – чтобы молиться за тебя.

– Разлука без тоски как шампанское без газа, – пробовал пошутить я.

¹ Игра втемную (франц.).

– Как паром без реки, – продолжила она сравнения.

За утренним чаем в кают-компании разговор зашел о начальнике экспедиционного корпуса в юго-восточной Африке, которого должен был теперь сменить Н. Полковник Крон, главный из легионеров на эсминце, сказал:

– Я более года служил под его началом.

– Ну, и как? – поинтересовался капитан Манн.

– Он мнит себя царем, – отвечал легионер.

– А царство у него есть? – задал резонный вопрос Гледич.

– В том-то и дело, что нет. Ни царства, ни княжества, ни графства. Да и в роду своем он вроде бы шут гороховый.

Такое сравнение не могло не вызвать смеха.

– Не хотел бы, чтобы обо мне подобное говорили подчиненные, – заметил генерал. – И прошу о моем коллеге ничего подобного в дальнейшем не произносить.

– Старайтесь не заслужить плохих оценок, – посоветовал полковник Крон. Дежурный матрос по офицерской столовой убрал со стола посуду. Офицеры разложили на нем географические карты. Обсуждался не вопрос стоянки на Крите, а высадка десанта в Африке.

– Корабли причалят в порту Дар-эс-Саламе. Там останутся подразделения, находящиеся на флагмане. Остальные два эсминца после трехдневного отдыха экипажа и пассажиров, – так генерал назвал легионеров, – отправятся далее.

Один из кораблей сделает остановку в юго-западной Африке. Там вся Приморская область находится во владении Германского колониального общества Африки. Они причалят в гавани Сандвич-Харбор. Здесь высадка первого из отрядов и порт стоянки второго нашего эсминца. Конечная цель экспедиции – Тоголанд, где высадутся остатки экспедиции. На эсминце будут погружены воинские части, теперь расквартированные в районе Ломе. Отсюда мы будем контролировать не только наши территории в Тоголанде, но и наши владения в Камеруне. Я по приказу Германского высшего командования высажусь с гостями в Ломе.

Господа офицеры, вы свободны.

Капитан Крюге, прошу задержаться. Вас с полковником Аткинсом я решил оставить в Дар-эс-Саламе. Вы будете контролировать всю нашу юго-восточную африканскую область. Эсmineц уйдет в Пирей, забрав тех, кого вы смените.

– Каковы наши взаимоотношения с легионерами? – спросил я.

– Они выполняют Ваши приказы беспрекословно, эти распоряжения не подлежат никаким сомнениям. Советую спорные вопросы решать через полковника Аткинса. Легионеры – отличные солдаты, но у них свой кодекс чести, и лучше в него свой нос не совать. Это усвойте сразу.

ОСТРОВ КРИТ

После морского плавания любая земля – благо. Остров Крит – не просто остров, это земной рай в Средиземном море.

Оливковые рощи, виноградники, посевы пшеницы и кукурузы, разные виды кустарников, в том числе ягодные...

Наши корабли бросили якоря в порту Ираклион¹.

Попойка с легионерами в счет моего выигрыша в «sans voix» была назначена на вечер первого дня пребывания на острове. Я бродил по улочкам Ираклиона. Мне здесь нравилось все: древние руины, новые белоснежные дома с красными крышами, крестьяне в ярких нарядах, девушки, застегнутые в строгие платья и кофты...

Гид, которого я нанял за несколько драхм, поведал мне критские легенды.

– Геракл жил счастливо в Фивах,– вел свой неторопливый рассказ гид, – но Гера, великая богиня, ненавидела его. Она наслала на сына Зевса ужасную болезнь. Геракл лишился разума и в припадке безумия убил детей своих и детей брата Ификла.

«Сколько раз он вещает эту легенду? – думал я о гиде. – Сто, тысячу раз? Может, больше».

Передо мной стоял человек невысокого роста, чернявый, с чуть кучерявыми волосами.

«Может, дети ждут своего отца в надежде, что тот принесет им овечий сыр, лепешки и соленые маслины? – размышлял я. – Надо бы набавить ему еще несколько драхм».

Критянин продолжал тем временем рассказ:

– Когда же приступ бешенства прошел, то глубокая скорбь пришла к Гераклу. Он очистился от скверны и покинул Фивы, чтобы отправиться в Дельфы.

– Это там, в Дельфах, Аполлон послал его на родину предков?

– Да, господин,– говорил гид в ответ, – бог Аполлон велел Гераклу служить Эврисфею двенадцать лет.

– И тогда, совершив двенадцать подвигов, он станет бессмертным?

– Вы знаете, господин, эту критскую легенду?

– Не сказал бы так однозначно. Лишь что-то из нее. Прошу, продолжайте рассказ. Я не стану Вас больше перебивать.

– Трусливый Эврисфеей очень боялся Геракла и свои приказания передавал ему через своего вестника Копрея.

Критский бык – седьмой подвиг учредителя Олимпийских игр². Для его исполнения легендарный герой покинул материковую Грецию и отправился на остров Крит.

Этого быка царю Миносу послал колебатель земли Посейдон. Минос пожалел приносить в жертву красавца-быка. Он оставил его в своем стаде, а другого быка принес в жертву. Посейдон разгневался на Миноса и наслал на красавца-быка бешенство. Тот носился по острову и уничтожал все на своем пути. Геракл поймал того быка и укротил. Он сел на его широкую спину и переплыл на нем через море с Крита в Пелопоннес. Геракл привел укрощенное животное к Эврисфею, но тот побоялся животного и отпустил его на волю. Бык вновь понесся вперед, добежав до Аттики. Там, на Марафонском поле, его убил великий афинский герой Тесей.

– Интересная и поучительная легенда.

– Чем она поучительна? – спросил гид.

– Выслушав ее, я подумал, что выше обстоятельств только Господь Бог.

Гид кивал курчавой головой.

¹ Ираклион – он же Гераклион.

² Геракл принес добычу, завоеванную в битве при Писах, олимпийским богам и учредил Олимпийские игры.

На следующее утро, после бурной вечеринки с легионерами, мы вновь встретились с гидом. На этот раз я щедро вознаграждал критянина, вручив хорошую пачку драхм. К моему удивлению, грек стал отказываться «от щедрот немца».

– Чем заслужил, чем заработал? – говорил он.

– Добросовестностью. А еще, мой друг, мне на плечи, – я похлопал по новенькому погону, – упало счастье. Я из лейтенанта в один месяц стал капитаном.

Вряд ли крестьянин понял, о чем идет речь, но сказал:

– Если так, тогда иное дело.

Утро неслышно ступало по улочкам Ираклиона, по крышам домов, по цветникам и росистым газонам.

Гид рассказывал мне, внимательному и благодарному слушателю, о том, что Крит был в свое время одним из центров древней Эгейской культуры, затем его завоевали римляне, остров находился в составе Византии, принадлежал арабам и туркам. И о легендарном царе Миносе говорил с гордостью, о древнем городе Кноссе.

– Куда же делся этот Кносс? – спросил я.

– Время, – отвечал значительно грек. – Ему подвластно все. Землетрясения были, пожар. Но археологи открыли развалины бывшего величия.

– Значит, доказали существование древнего государства?

– Хоть и в рваных платьях, но прошлое вернулось на наш остров.

«Бывает быль и небыль. Здесь поселилась быль без лжи и красивых фраз», – думал я.

Критянин словно отгадал мою мысль:

– И на самом быстром коне не догнать того, чего не было.

ВСЕ БЛИЖЕ К АФРИКЕ

Потом наши корабли полным ходом шли к Африке. Каждую свободную минуту я проводил на палубе. Мне нравилось следить за морскими волнами, за игрой дельфинов. О чем были мои мысли? О разном.

«Ушли со сцены артисты, – размышлял я о своей поездке к африканским берегам, – смолкло эхо аплодисментов, опустел зал. И тогда души героев, только что убитых на сцене и оставшихся в живых, сошли в зал. Они бродили между рядами, объясняя, кто из них прав, кто виноват.

Кому объясняли? Для чего? Спрашивать об этом бесполезно. Все равно никто не ответит. Не сумеет точно сказать».

В мои мысли пришла Катхэн. Она говорила: «Какой ты умный! Какой ты красивый! Какой добрый!»

Говорила это так убедительно, что я поверил сказанному.

АФРИКА

Миновав Суэцкий канал, преодолев волны Красного моря и Аденского залива, германская эскадра прибыла к берегам Танзании.

– Здесь первый пункт нашего назначения, – сказал генерал Н. своим подчиненным.

Пока наш эсминец швартовался в порту Дар-эс-Салам, генерал задержал меня в кают-компании.

– Я должен отправиться с экспедицией далее. Помните, мы не захватчики в Африке. В 1890 году Германское восточно-африканское общество купило у занзибарского султана полосу земель вдоль берега океана за четыре миллиона марок. Тем не менее, сравнительно недавно наши колонисты подверглись зверскому нападению, много наших людей тогда погибло. Порядок был восстановлен, но это не говорит о том, что в здешних землях и со здешним населением можно вести себя беспечно.

В Вашем распоряжении останется пятьсот легионеров и одно отделение специального взвода – Ваша личная охрана. Возможно, отделения мало, но кто скажет, сколько надо для полной безопасности?

Эсминец заберет контингент, прослуживший здесь последние два года.

– Два? – удивленно спросил я.

– Это не должно тревожить Вас. По предложению командира всех частей, квартировавших здесь, генерала Зассмана, срок пребывания наших войск отныне сокращен до одного года.

Как ни готовил я себя к встрече с Африкой, но, сойдя на берег, был ошеломлен иным миром. Я ожидал зноя, лютой жары, а меня встретила земля зеленая, свежая, обдуваемая мягким ветерком. Термометры показывали двадцать три градуса тепла.

В порту нас встречал генерал Зассман с группой офицеров.

– Капитан Крюге, Вам надлежит вместе с... – здесь Н. посмотрел на встречавших офицеров.

– Полковник Гюнтер, – подсказали ему.

– Вот и прекрасно.

С Фридрихом фон Гюнтером я быстро нашел общий язык.

– Ваш штаб будет размещен в казармах, расположенных в шести километрах от порта. Там же будет проживать охрана. Палаточные лагеря разбросаны в разных местах. К ним вполне приличные подъезды, всюду вырыты колодцы, а кое-где имеется водопровод.

– Не ожидал такого! – удивился я.

– Погодите, еще многое поразит Вас. Здесь не такая жара, какой мы все ожидаем. Не выше двадцати семи градусов. А зимой так и того ниже. Вас удивит вулкан Килиманджаро, озеро Танганьика... Думаю, Вы посетите и другие озера, например, Ньяса, Руква и Виктория. А какие здесь реки! Тропические леса, кокосовые рощи, заросли кустарников... Охота, рыбалка... Словом, скучать не придется.

– Есть и слоны? – почему-то поинтересовался я.

– И слоны, и леопарды, и львы, и пантеры, и буйволы. На хищников лучше охотиться с местными жителями. Это, в основном, группа народностей нигер-конго. Сами со временем во всем разберетесь.

Лишь глубокой ночью завершилась разгрузка людей, оружия, продовольствия и боеприпасов с одного из эсминцев. С двух других кораблей в первый день прибытия в порт выход в город людей был запрещен.

Несмотря на позднее время, ужин в офицерской столовой главной казармы был в разгаре.

– Барон фон Крюге, – радостно приветствовал меня граф Н., – с прибытием в теплую и ласковую Африку!

Мне и полковнику Гюнтеру подали полные стаканы с шотландским виски. Мы подняли свои сосуды с выпивкой и осушили до дна.

– Сегодня переночуете у меня, а завтра, когда начнем погрузку на эсминец, Вам предоставят апартаменты генерала, – предложил полковник.

Весь следующий день прошел в хлопотах. Кто-то устраивался, кто-то спешил на корабль для отплытия в Европу. Да еще тысяча легионеров и экипажи двух эсминцев сошли на берег. Что здесь было! В порту съели и выпили все. Что же касается женского пола, то красота, возраст и цвет кожи не имели уже никакого значения. Неразбериха продолжалась трое суток. Когда же один эсминец ушел в Пирей, а два других продолжили путь к местам назначения, я остался один на один со множеством нерешенных вопросов. На собственное устройство много времени не ушло. Я занял покои генерала Зассмана. Асланбек сразу же занялся обустройством быта. Я же посетил казармы легионеров, интересовался бытом, кухней, а главное – наличием качественной питьевой воды.

Дней через десять, отобрав полсотни добровольцев, мы отправились навестить немецких колонистов. Нас всюду встречали радушно. Жарили козлят и ягнят, подавали к столу небывало вкусные овощи и диковинные фрукты.

Я много узнавал из жизни немцев, поселившихся в Африке. Они скупали для отправки в Германию слоновую кость, каучук, семена сезама. Сами для себя возделывали ямс, сорго, кукурузу, арахис, овощи, фрукты.

– Начинаем выращивать кофе, какао. За этими культурами большое будущее, – утверждали они.

Я обратил внимание, что все тяжелые работы выполняются африканцами. Белые лишь пожинаяют плоды их тяжелого труда.

«А что, собственно, ты хотел увидеть? – думал я. – Как белые приехали работать на негров?»

Уже во время своего первого путешествия в глубь страны мне удалось отправиться к Килиманджаро. Полковник Аткинс оказался славным малым и не перечил мне ни в чем. Даже поддержал в предстоящем путешествии.

Немецкие поселенцы одной из торговых станций снарядили нам в проводники двух молодых людей, сыновей фермера Шмидта – Ганса и Вилли. Оба парня работали на торговой станции, но их отпустили, чтобы сделать приятное господам офицерам. Отобрав из пятидесяти легионеров, отправившихся с нами в поход, для своей экскурсии семерых, мы с Аткинсом двинулись вслед за молодыми поселенцами. По дороге к ним присоединились трое местных жителей из племени масан.

Мы ехали верхом на арабских лошадях, каждый ведя в поводу запасного коня.

– Путь дальний, – говорили Ганс и Вилли. – Придется беречь силы животных.

«Что интересно, – думал я, – о силах людей они не заботятся».

Каких только прелестей не увидели мы в пути! Зебры, антилопы гну... Львов, пантер и леопардов я к прелестям не относил: хотя встреча с ними и вызывала огромный интерес, но и большую тревогу тоже.

– Господин Крюге, – обратился ко мне Вилли, – не стоит беспокоиться.

Львы не нападут на наш караван. У них свои правила, свои обычаи.

Я удивился словам «свои обычаи». «Надо же такое придумать!» – восхищенно думал я.

Когда, уставшие от дороги и красот, мы предстали перед «снежной горой», я потерял дар речи. Мне показалось, что эта огромная белая вершина заслоняет весь мир. Я зажмурился, открыл глаза, вновь зажмурился...

– Бвана, – сказал один из масанов, – это и есть Килиманджаро.

– Высота горного массива, покрытого вечными снегами, достигает 19 710 футов, – сообщил один из Шмидтов – Ганс. – Потухший вулкан.

– Значит, это составляет 5 895 метров, – быстро сосчитал я. Проводник из племени масан добавил:

– Мы называем пик этой горы Игайэ-Игайя.

– Что это означает? – заинтересовался полковник Аткинс.

– «Дом бога».

– Мне гора кажется квадратной, – то ли спросил, то ли утвердительно сказал я.

– Нет, бвана, она не может быть квадратной. Вам показалось.

Огромная белая вершина ослепительно сияла на солнце.

– Ради этого стоило родиться, – восхищенно сказал я.

– Ради чего? – не понял Вилли.

– Чтобы увидеть «Дом бога», прикоснуться глазами к Килиманджаро.

ОБЫЧНАЯ РАБОТА

На складах базы я обнаружил огромное количество всякого добра. Да и добро ли это было? Бусы, в основном пластмассовые, кольца дешевле дешевых, серьги... Мука, сахар, соль, галеты, ящики с мылом... Яркие косынки, отрезки простенькой материи ярких расцветок...

– Зачем все это здесь? Почему не раздали аборигенам? Никто ответить на такие простые вопросы не мог.

В каждую из поездок я велел загружать по несколько тележек этого барахла, чтобы затем раздавать африканцам. В понятие «барахло», конечно, не входили продукты питания.

Я не любил наблюдать за процедурой раздачи бус и колец, отрезков и косынок, повторяя изречение одного из нелюбимых вождей: «Не желаю видеть скорлупу яиц, разбитых для яичницы завоевателей».

Возможно, слова этого вождя я немного изменил, но смысл сводился именно к сказанному.

Проникся ли я любовью к хозяевам этой раскаленной на солнце земли? Скорее всего, нет. В ушах у меня стояли стон и сдавленные крики боли раненых солдат, которых я еще недавно вел в бой. Их страдания не оставляли меня равнодушным. Видеть мучения получивших рану – это одно. Но были еще и мертвые.

– Их дожидаются матери, невесты, может, дети, – рассуждал я, – а они лежат здесь, на этой чужой земле, неживые, с открытыми глазами.

Особое внимание я уделял католическим экспедициям. Их готовили с особой тщательностью. Священнослужителей сопровождали медики, экспедиторы,

консультанты, проводники. На такие походы я ничего не жалел и сам часто принимал в них участие.

– Каждая душа, нашедшая путь к Христу, зачтется нам, – говорил я католическому священнику.

– Истинные слова, сын мой, – отвечал святой отец. Легионеры говорили:

– Не научившись убивать, капитан, не сможете стать полноценным человеком.

– Нет, – отвечал я. – Хочу быть гуманным с народом, живущим на краю земли.

Напряженная служба не мешала мне совершать самые немыслимые и дальние путешествия в глубь Африки. Правда, я старался не покидать пределы земель, обозначенных как владения Германии, но случилось, что, увлекшись, оказывался за много километров от мест дозволенных.

– Крюге, не сносить Вам своей буйной головы, – говорил мне полковник Аткинс, всюду следовавший за мной, как за гипнотизированным.

Аслан-бек и вовсе ни о чем не спрашивал. Его винтовка и несколько револьверов, рассованных за поясом, всегда были наготове. Случалось, что он несколько раз вместо переговоров пускал в ход оружие, и это, как выяснилось позже, спасало нас от неминуемой гибели.

Одним из самых увлекательных путешествий стал многодневный поход к озеру Виктория. Проводники-африканцы называли его Муапга. Расположенное между Кенией, Угандой и Танзанией, оно являлось гордостью всего континента. Шестидесят восемь тысяч квадратных метров – его зеркало.

– Да это же целое государство! – восторженно говорил я. – И вода в нем пресная.

– Глубина водоема – восемьдесят метров, – сообщил Хенрик Висман, близкий родственник знаменитого Германа Висмана, немецкого путешественника и колониального деятеля, совершившего три крупных путешествия по Африке. Хенрик добровольно вызвался сопровождать немецких офицеров по Африке. Он хорошо знал все секреты великого озера.

– Здесь много островов, – указал ученый в сторону бескрайних вод.

– Мы побываем хоть на одном из них? – поинтересовался Аткинс.

– Да, конечно, – последовал ответ. – Иначе наше путешествие было бы неполноценным.

Невдалеке от порта Букуба разбили лагерь. Легче было бы остановиться в самом городе, но хотелось быть поближе к природе. Влажный лес тянул свои зеленые руки к самым водам озера.

– Как красиво! – восхищался я.

– Все было бы прекрасно, если бы не опасность нападения мух цеце, – сообщил Висман.

Такая информация не могла не встревожить путешественников. Были предприняты необходимые меры, чтобы избежать укуса этого ужасного кровососущего насекомого, приносящего людям сонную болезнь.

В остальном все было прекрасно. Великолепно удалась рыбалка. Ловились балти, протоптерус, барбель.

Проводники-африканцы вырыли неглубокую ямку длиной до полутора метров, выложили ее дно листьями экваториальных деревьев, разделали рыбу, взяв для этого лишь барбель, сдобрили ее только им известными пряностями и солью, сверху опять уложили листья, теперь уже другого дерева,

присыпали все это землей и развели сверху огонь. Пекли рыбу недолго, но какой аромат стоял вокруг! Какой сказочный вкус!

Мы поглощали африканский деликатес с таким удовольствием, что проводникам оставалось только радостно улыбаться маленькому счастью гостей.

После такого обеда я щедро вознаградил африканцев, вручив каждому из них по десять марок.

– Озеро названо в честь английской королевы Виктории, – сообщил Висман.

– Почему так? – спросил я. – Почему не именем нашего императора Вильгельма?

– Ответ прост, – отвечал на то Хенрик. – Озеро открыл в 1858 году английский путешественник Джон Хеннинг Спик. Вот и назвал этот водоем именем своей королевы. Кстати, вместе с ученым Бертоном они открыли и другое великое озеро – Танганьiku. Тот же Спик, но уже с другим путешественником, Грантом, установил, что река Виктория-Нил вытекает из озера.

В бухтах и устьях рек я и мои попутчики видели множество крокодилов. Аслан-бек готов был отстрелять нескольких из них, но проводник остановил его.

– Вы же не стреляете ланей в своих шапсугских лесах без надобности? – говорил он при этом.

– Тоже мне, – возразил корнет, – сравнил этих ужасных... Ужасных... – он даже не знал, как пообиднее назвать пресмыкающихся.

Все рассмеялись, но крокодилы были на этот раз спасены. В одной из бухт нашли рыболовецкое суденышко для переезда на остров Сесе, где заночевали.

На обратном пути попали в шторм. Висман успокаивал путешественников:

– Разве это ветер? Ветерок... Здесь такие штормы случаются!

Во время путешествия увидели много интересного: саванну и саванные леса, бухты и гавани, а главное – десятки видов животных, о которых редко слышали в Европе: львов, леопардов, зебр, антилоп разных видов...

Когда набрели на жирафов, Аслан-бек запричитал, заохал:

– Аллах! Что это за чудовище? Спаси нас, Всемилостивый и Всемогущий!

Со временем я побывал и на других озерах – Ньяса и Танганьика. Они тоже омывали земли Германской восточной Африки.

ЧЕРКЕССКИЙ АУЛ

Но из всех африканских встреч в душу более других запала та, когда в одном из африканских поселений услышал адыгскую речь. Случилось это таким образом. Вместе с неразлучным Аслан-беком и охраной из отделения специального звзда я выехал к дальним поселениям колонистов в районе озера Рукве.

Аслан-бек, всегда сопровождавший меня, первым обратил внимание на сельских мальчишек, бегающих по узким улочкам между глинобитных домов и выкрикивающих адыгские слова. Он поймал одного из них. Тот, в отличие от африканских мальчуганов, оказал отчаянное сопротивление, даже укусил его за палец. Аслан-бек выругался по-кабардински, и это поставило все на свои места.

– Ты черкес? – удивленно, словно Господь Бог спустился на их сельскую улочку, спросил мальчик.

– Да я-то черкес, а вот ты, черномазый, где выучил наш язык?
– Это не я, это ты выучил язык черкесов. Этот язык мой и моего дады.
Я подошел к ним.
– Что происходит? – спросил я шапсуга на родном языке.
– Да вот, зиусхан, земляка встретил.
– Отпусти мальчика! – приказал я.
– Он убежит.
– Нет, черкесы от гостей не бегают, – уверенно говорил я. Действительно, черномазый мальчонка и не собирался бежать.
– Кто ты? Откуда? Где твои родители? – сыпались вопросы на мальчика. На них вскоре последовали ответы. Детвора, игравшая вместе с плененным черкесенком, появилась, ведя за собой пять-шесть мужчин, хорошо вооруженных и воинственно настроенных.
– Мухаммед, чего хотят эти люди от тебя? – грозно спрашивал предводитель прибывших на выручку черкесенку.
– Не стреляйте в них! – закричал тот, кого назвали Мухаммедом. – Они наши! Адыги!
Телохранители уже вскинули ружья, чтобы дать отпор воинственным сельчанам.
– Сержант, отставить! Это друзья, – скомандовал я.
– Кто вы? – с удивлением спрашивал руководитель путешественников.
– Мы германские военные. Но мы с Аслан-беком еще и черкесы.
– Всемилостивый и Всемогущий Аллах! Мы и наши предки прожили здесь почти сто весен и впервые встречаем земляков.
Взрослые и дети обступили пришельцев. Они дотрагивались до них, смотрели восторженными глазами на необычных гостей.
– Какое великое счастье принесли вы на нашу землю!
«Совпадений так просто не бывает, как и неожиданностей», – подумал я об этой встрече. – Кэт сказала бы: «Так велел великий Тха», – и была бы права».
– Меня зовут Ибрагим-беем, я предводитель местных адыгов. Наше село Куаже находится в выстреле от этого места. Вели своим воинам следовать за нами и будьте нашими гостями.
Сержант, командовавший отделением охраны, поинтересовался:
– В чем дело?
Я объяснил ему все, как есть.
– Командир, – говорил сержант, – я не могу отпустить Вас одних. Возможно, это западня.
«Не обо всем, что знаешь, следует говорить», – подумал я, но сержанту за бдительность был благодарен.
– Не потрогав товар руками, не покупай его, – продолжал старый вояка.
– Хорошо, Отто, – так звали сержанта, – пусть ваши люди следуют за нами. Легионерам велите разбить лагерь за селом. Здесь мы заночуем. И дай Бог, чтобы обошлись одной ночевкой.
Со стороны процессия, возглавляемая Ибрагим-беем, наверное, выглядела смешной и забавной. Пять хорошо вооруженных аборигенов, два офицера экспедиционных германских войск, немного обескураженных и растерянных, орава шумливых черномазых ребятишек да еще десяток человек из отряда телохранителей с оружием наизготовку.

Лишь однажды предводитель местных адыгов, остановившись, указал на двух пулеметчиков из охраны:

– Это зачем? Теперь мы охраняем вас.

– Таковы правила в Германском экспедиционном корпусе. Были случаи, когда наши офицеры погибали из-за халатности.

– Скажешь правду, если спрошу? – говорил на то Ибрагим-бей.

– Конечно.

– Вы нам не доверяете?

– Аллах знает об этом лучше, – отвечал я.

– Это тоже ответ.

Село, в котором жили адыги, было отделено от племен, селившихся у озера Рукве, обширным лугом с высоким и ярким разнотравьем. Посреди этого цветущего ароматного поля была проложена тропа.

– Дорога дружбы, – пояснил значение этой тропы Ибрагим-бей. – Мы ходим друг к другу за ситом, – продолжал он.

Я помнил эту кабардинскую притчу. Катэ говорила, что так адыги выражают уважение к соседям.

Дома адыгских поселенцев, в основном, были похожи на африканские, но где-то треть из них резко отличалась от прочих. Не круглые, а длинные, с открытыми верандами, с окнами и дверьми в сторону этих веранд. Такие дома изображал на своих холстах мой отец – Отто.

Все село вышло встречать гостей.

– Наверное, успели послать с новостью кого-то из мальчишек, – поделился своей догадкой Аслан-бек.

– А я и не заметил.

– Ты многого не заметил, – усмехнулся шапсуг. – Я видел, как колыхалась порой высокая трава на лугу, даже заметил человеческие фигуры в ней.

«Следят», – догадался я.

Мы вплотную подошли к толпе селян.

– Люди! – сказал громовым голосом предводитель адыгов. – Сбылся золотой сон. Великим Тха к нам посланы самые дорогие гости, каких только мы могли себе пожелать. Наша трагедия – одиночество. Господь послал к нам людей, которые развеют его. Вечность сошлась в одном-единственном дне. Это день сегодняшний. Идите и готовьтесь к празднику на главной площади. Будет хасэ, будет пир.

Но народ не хотел расходиться. Это были отважные и красивые люди. Даже те, кто имели черный цвет кожи, отличались от соседей-африканцев необъяснимой красотой, ибо в них уже смешались местная и адыгская кровь.

«Как прекрасны они!» – восхищенно думал я.

Здесь, под горячим солнцем у великого озера, на берегах реки, живут они, охотясь на зверей, выращивая маис и просо, разводя сады с краснобокими плодами.

Я представил, какие пиры устраиваются здесь после удачной охоты или уборки урожая, какие замечательные песни поются у костра на сельской площади, какие прекрасные у них девушки.

Мои мысли вернулись к людям, стоящим передо мной с восторженными глазами. И я понял, что не могу, не имею права не сказать им хотя бы несколько

слов. Я сделал шаг вперед и громко, во весь голос, обратился к собранию на кабардинском языке:

– Пусть великий Тха вознаградит вас за то, что сохранили вдали от Родины обычаи и язык предков. Вы тратили на это свое мужество. Мы пришли сюда, не зная этого, но уйдем с верой, что сумеем рассказать об увиденном миру.

– Хочешь, чтобы доброе имя твое жило среди людей, – будь хлебо-сольным, – говорил гостям Ибрагим-бей, приглашая их в глубь села.

Дом Ибрагима ничем не отличался от обычных адыгских домов на Северном Кавказе. Веранда, из нее две двери: одна вела в очажную комнату и подсобное помещение, другая – в спальную и кунацкую. Все двери и окна выходили в сторону веранды, а оттуда – дальше, в сад.

Ибрагим деликатно, но весьма категорично запретил входить в комнату с оружием. Аслан-бек вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Сам снял с пояса револьвер, хотел отстегнуть нож, но хозяин остановил меня жестом.

– Это оружие обычаем дозволено.

Примеру моему последовал верный шапсуг. Телохранители разоружаться отказались и остались на веранде.

Кунацкая поразила меня. Здесь все было обустроено так, как в сакле, которую соорудила в Берлине Катэ. Яркая кошма была повсюду, а особо на стенах. На войлочных коврах были развешаны кинжалы, шашки, ружья, рога диких животных, отделанные серебром и золотом. В одном из углов довольно большой комнаты стоял кованый сундук. Несколько треногих столиков и с десяток треногих стульчиков, медные тазы, кубганы...

– Все, как в нашей сакле! – восторженно сказал я.

– И как в моей, на родине, в Шапсугии, – подхватил Аслан-бек. Было видно, что такие признания пришлось по душе хозяину.

– Жан! – позвал он через закрытую дверь кого-то.

Тотчас явилась девица в наряде, представляющем собой смесь адыгского и африканского костюмов: строгое, до пят, платье без пояса из кисеи, кожаные мягкие красные сапожки. Вот, пожалуй, и весь костюм. На голове была шапочка с околышком из опушек. Две черные косы ниже пояса выбивались из-под шапочки. Лицо смуглое, нежный взгляд...

«Боже! У нее синие, как африканское небо, глаза!» – восхищенно подумал я. Еще я подумал: «Это сплав адыгской и африканской кровей. Но какой сплав!»

– Моя дочь, – с гордостью говорил Ибрагим-бей.

И уже обращаясь к девушке:

– Помоги гостям умыться.

Жан подвинула таз к Аслан-беку. Шапсуг, видимо, показался ей старше, а значит, процедуру следовало начинать с него.

Мягкие цветные полотенца были предложены после того, как и я ополоснул руки. Глаза девушки встретились с моими.

«Ее очи светлы, как голубой хрусталь», – пронзила меня мысль. Девушка вышла из кунацкой, унося медный таз. В комнате стало пусто. Принципы катились прочь. Я не мог заставить себя не думать о дочери Ибрагима.

– Слова наши, мысли, – говорил между тем отец девицы, – это товар. Если их слушают люди, то, значит, покупают.

– Это лишь в том случае, говорят адыги, – отвечал я, – если слушают не только ушами, но, прежде всего, сердцем.

– Да, – согласился предводитель местных черкесов. – Именно сердцем.

Затем я был далек от разговоров в кунацкой. Я мысленно увозил юную черкешенку в Европу, бежал вместе с нею на Кавказ, сравнивал ее с лермонтовской Бэлой, а Ибрагима – с отцом той аульской красавицы. Прилетела шальная мысль: «А что, если отбить с помощью легионеров Жан у черкесов и умчаться с нею в казарму?» Я улыбнулся этой глупости.

– О чем твои мысли, абрек?

Я вздрогнул.

– Откуда ты знаешь мое кабардинское имя?

– Я не имел в виду твоего имени, когда называл тебя абреком. Это общее имя для горского воина.

– Спасибо. Но мое кабардинское имя – Абрек.

– А что, у человека может быть имя кабардинское и еще какое-то?

– Со мной такое произошло.

– Зиусхан, расскажи, как вы попали сюда, на край света? – попросил Асланбек Ибрагима.

– Для того, чтобы ясно изложить свои мысли, надо точно представить, как все было.

– Это трудно для тебя?

– Прошло много лет. Только нана нашего племени Дадух помнит, как все было.

– Она жива? Ее можно увидеть?

– Если бы не была жива, то как бы рассказала обо всем? – усмехнулся хозяин сакли.

Молодые черкесы внесли чайные приборы и поставили их на треногие анэ. К чаю подали халву, сушеные фрукты и ягоды.

– Прошу, дорогие гости!

– И все же, какова история вашего села? Вашего племени?

Ибрагим держал паузу.

«Как актеры в Берлинском театре», – подумал я.

Наконец, предводитель местных черкесов повел свой рассказ.

– Мы пришли сюда из Судана, – говорил Ибрагим. – Египетские мамлюки, а это и есть черкесы, впервые попали в ту страну очень давно. Наши предки собирали дань с суданцев, вывозили в Египет тысячи рабов, предметы роскоши, продукты сельского хозяйства.

– Грабили, одним словом, – сделал я свой вывод.

– А Германия и вы, ее воины, разве не грабите теперь Танзанию, где мы проживаем?

Крюге промолчал.

– Мы из той группы мамлюков, которая пришла в Судан чуть более ста лет назад. Наши предки бежали из Египта в Донголу. К западу от Нила, в местности Уль-Урди, мамлюки основали укрепление. Они торговали рабами и занимались войной. А воинами они были лучшими по тем временам во всем мире.

Позже многие захотели вернуться в Египет. Но условия возвращения на родину были жесткими. Наши предки остались в Судане и служили под командованием генерала-черкеса Усман-бей Джеркаса. Это наши фамилии основали город Хартум, теперешний центр Судана. При нас другой черкес, Ахмед-паша

Уидан, бывший до этого военным министром Египта, стал губернатором Судана. И еще один черкес, Абд-аль-Латиф-паша, тоже был местным губернатором. Даже короткие шашки в руках отважных становятся длинными. Наши предки были героями. Они не знали поражений. Когда один из предков султана Бейбарса I спросил моего прадеда: «Отчего вы не шадите жизнью своих и крови своей ради победы?», – прадед ответил: «Проще обыскивать мертвых. Но это занятие не для нас. Мы сражаемся с живыми. И каждая капля нашей крови имеет свою цену». Предок султана подарил ему вот этот нож.

Хозяин дома указал гостям на большой тесак на стене в золотых ножнах с крупными драгоценными камнями, вправленными в них.

– Когда начались гонения на мамлюков в Египте, то часть из них осела в Хартуме, а часть удалилась в глубь Африки. Наши предки были среди последних. Из ста человек, ушедших из Судана, в наших местах поселились чуть более шестидесяти. Так вот и живем с тех пор.

– А есть ли черкесы в других африканских странах? – поинтересовался Альфред.

– В Тунисе, Эфиопии... Бог знает, где еще...

Затем Ибрагим сказал:

– Похороны должны быть печальными, а праздники веселыми. У нас нынче большой праздник. Вашим солдатам уже отправлены откормленные бычки и нужное количество баранов. Молодые черкесы сварят им ужин. А нас ждут на площади все жители села. У нас свои дела. Кто не ценит самого себя, разве может быть по достоинству оценен другими?

– Ты не знаешь, откуда твой род, Ибрагим?

– Мамлюки плохо знали свою родовую историю. Их мальчиками продавали в рабство. Но мои предки говорили, что родом они с берегов Индджиджа¹.

– Моя мать жила вблизи от тех мест. Она с Псыжа², – говорил на то я.

– Прежде чем пойти на площадь, нам следует навестить Дадух.

Старуха жила в таком же доме, в каком располагалась семья Ибрагима. Она была древнее баобаба. Ставшая маленькой от времени, скрюченная, она казалась немощной. Но когда повелитель местных адыгов ввел нас в ее комнату, старуха строго сказала бодрым голосом:

– Отчего так долго заставляешь дожидаться дорогих гостей? Или я уже не мудрая Дадух? Или вы в состоянии обходиться без меня?

– Прости, нана, – смиренно молвил Ибрагим.

– Держи бразды покаяния в своих руках, – прохрипела старуха, – и да простит тебя великий Тха.

Во взгляде ее было много обиды.

– Никому не надо так страшиться господина, как лицу, следующему за этим господином, – говорила она Аслан-беку. – Ты не интересен мне. Подожди, очередь твоя еще придет. А ты, – она обратилась ко мне, – подойди сюда!

– Боже, до чего же она похожа на Маличипх! – подумал я.

– Маличипх – это твоя бабка? – разгадала мои мысли Дадух.

– Да.

– Она жива и здравствует вместе с челистанами в огромных челисах, – прохрипела старуха. – Теперь скажу главное. Тебя ждет величие.

¹ Индджидж – река Зеленчук.

² Псыж – река Кубань.

Я не знал, как реагировать на такие слова ведуньи.

– Ты не понял меня?

Я молчал.

– Знаю, что немые глухи. Если ты не глухой, то кивни головой.

Я кивнул.

– А теперь отвечай, понял меня или нет?

– Нет.

– Тебя ждет величие. Ты будешь большим человеком в большой стране. Не в той, откуда тебя прислали сюда. В другой, очень большой стране. Но страна эта рухнет, упадет на колени, и ты убежишь из нее. Тебя будут одолевать сомнения, бежать или нет. Не сомневайся. Уноси ноги. Иначе найдешь свою смерть. И братьев не покидай на той земле.

Ибрагим хотел было увести гостей, но Дадух остановила его:

– Тайна, которую знают двое, уже не тайна. Я сейчас не в счет. Подойди ко мне поближе. Будешь знать эту тайну только ты, – сказала она мне.

– Если ты живешь не так, как желаешь, не считай себя среди живых. Не бойся истины, какой бы она ни была. Бойся лести и лжи, какими бы сладкими они ни казались.

Гости были в дверях комнаты Дадух, когда ее слова догнали их:

– Сюда птицы прилетают. Знаете зачем?

И сама ответила на вопрос:

– Чтобы затем улететь домой.

Мы пришли на сельскую площадь. Исполнялась адыгская музыка на национальных инструментах. В огромных котлах варили буйволиное мясо, рядом жарили козлят. Молодежь танцевала адыгские танцы.

– Всемилостивый Аллах! Куда мы попали? Это же моя Шапсугия! – восторгался Аслан-бек.

Ибрагим был счастлив этими словами.

– Столы рассчитаны на всех жителей села, – говорил он.

Сперва гостей подвели к старейшинам, уже восседавшим за праздничной трапезой. Затем их самих усадили на почетные места.

– Ты не будешь возражать, если моя дочь поприветствует гостей?

– Буду счастлив, – согласился я.

Ибрагим подозвал дочь.

– Укрась одиночество наших друзей, – мягко сказал он Жан.

– У нас бы такое посчитали неуважением, – прошептал мне на ухо Аслан-бек. – Где это видано, чтобы женщину подвели к гостям?

– В Германии, – улынулся я.

– Нет, у адыгов, я имею в виду.

– Молчи. Для меня это счастье.

Жан была теперь в женском национальном черкесском костюме. «Что это, Господи! – с восторгом думал я. – Какая красота!»

– Я знаю, что на далекой родине предков, на Кавказе, женщины вот так запросто не общаются с мужчинами. Но наши сельские старейшины, собравшись на хасэ, разрешили такое.

– Буду благодарить и ваших старейшин, и Тха за их великую мудрость. Жан поклонилась гостю и отошла к поджидавшей ее молодежи. Они все вместе побежали в сторону музыкантов.

– Кафу! – кричали они. – Играйте кафу!

И грянула музыка. Кафа – она и в Африке кафа.

Я смотрел на юную черкешенку, пытался остановить взгляд на других юных девицах, но глаза искали только ее.

Аслан-бек о чем-то спрашивал. Я отвечал, но что? Сам того не ведал.

– Молодые женщины всегда для вас, мужчин, красивы, – прохрипел мне на ухо голос Дадух.

Я не удивился, не испугался этого, а так же проговорил молча в ответ:

– Для меня старухи не менее прекрасны, чем молодые. У них за плечами большая жизнь, а в ней – любовь и ненависть, добро и зло, обиды и прощения...

– Впервые слышу такие мудрые слова от мужчины, – прохрипела ведунья. – Мы ждем ту единственную, которая должна прийти в нашу жизнь. Но приходит она крайне редко. И не ко всем. К иным так и вовсе не приходит. Такова истина.

Я усмехнулся такой философии.

– Мы бежим по земле, и никто у нас не спрашивает, куда бежим, зачем, почему...

В этой девочке ослепительной красоты было что-то очень привлекательное. Что? Я хотел ответить на вопрос, но не сумел. Все остальные девицы казались мне неприглядными, как гусеницы. Мысли летели быстрее перелетных птиц. За столом менялись кушанья, но я почти ни к чему не притрагивался.

– Что, зиухсан, эта пища тебе не по вкусу? – поинтересовался Аслан-бек. Как раз в это время подали молодых ягнят, изжаренных целиком на вертеле. Бейголы¹ отрезали острыми ножами сочное горячее мясо и раскладывали перед гостями.

– Если ты и это блюдо не попробуешь, значит, заболел, – говорил Аслан.

Лагунауты² строго следили за порядком за общим столом. Совсем рядом игрались танцевальные мелодии. Молодежь веселилась.

«Словно грянули колокола над африканской землей», – подумал я.

Эти красивые мелодии цеплялись за редкие облачка, долетая до солнца.

«Свои чувства, бьющие через край, можно выплеснуть лишь в адыгском танце!», – с восхищением думал я.

Вспомнил мать свою, Катэ, которая держала в нашем огромном доме оркестр национальных инструментов и несколько учителей кабардинских танцев. Она строго требовала от меня:

– Ты должен танцевать кафу и исламей не хуже вальса и мазурки, а может, и получше.

И я танцевал. Сперва без особой охоты, затем настолько слился с этим искусством, что жить без него уже не мог.

Вот и сейчас следил с упоением за танцорами кафы. Кружилась от восторга голова. Я хмелел от увиденного. Солнце подпалило соседний сад, бескрайний луг за селом, стол, оркестр, танцующую молодежь.

– В танцах кабардинцев, – учила меня Катэ, – лихость, удаль и широта природы твоего народа.

¹ Бейголы – лица, состоящие при господине; они не дворяне, но пользуются при дворе уважением.

² Лагунауты – одна из основных категорий услуги при влиятельных адыгах.

Юноши выделывали сложные па на носках, девушки несли себя гордо и чинно. «С этим надо родиться, – думал я. – Она, эта изумительная пластика, у черкесов в крови».

Что-то невиданное, неразгаданное учителями в Берлине, отмечалось в движениях танцоров.

«Здесь больше правды», – подумал я. Ибрагим-бей подошел к гостям.

– Не желаешь ли показать свое искусство нашим молодым? – спросил он. – Мы ведь давно ушли из родных мест, может, что забыли.

Подумал и добавил:

– Даже не мы давно ушли, а наши далекие предки. Да успокоятся их души на небесах!

Я привстал при этих словах. То же самое сделал Аслан-бек. Это не осталось незамеченным хозяином.

– Так что, принимаешь мое предложение?

– Я думал, что к танцу у адыгов приглашают не так, – отвечал я скромно. Ибрагим смутился, отошел к танцующим, и вскоре ко мне подошел юноша – распорядитель танцами, а следом за ним две девушки под руки вели Жан. Юноша поклонился:

– Примите участие в нашем празднике!

Затем Жан склонил голову передо мной.

Я мигом оказался возле девушки, склонил голову в знак уважения и в такт музыке пошел в круг. Молодежь оживилась, раздались возгласы «Асса!», громче стали удары ладошек о ладошки.

Жан сияла, плывя в танце. Флаги ее радости развевались.

После праздника, который продолжался довольно долго, меня вместе с Ибрагимом позвали к Дадух.

– Что она там напридумывала, наша степная гуаша?

Аслан-бек хотел последовать за мной, но посланец ведуньи остановил его:

– Нана велела привести лишь молодого господина и повелителя местных адыгов.

Я сделал знак шапсугу исполнять волю посланца. Дадух встретила нас словами:

– Ворон ищет себе в жены ворону, голубь – голубку.

– Что хочешь этим сказать?

– То, что сказала. Наш род вымирает. Раньше мы ездили за невестами в Тунис. И меня привезли оттуда, отдав богатый калым мамлюкскому роду Шакиров. Шакир был великим политиком и полководцем. Он отыскал корни своего рода в Черкесии. Так вот, я из его рода.

Теперь мы не ездим в Тунис за невестами. Тунисские адыги не отдают нам своих дочерей. Слишком далеко живем мы от их земель. Пройдет немного лет, и наш род исчезнет. Не женить же друг на друге братьев и сестер! Вернешься домой, расскажи о наших заботах землякам. Обещаешь?

– Да, – отвечал я. – Но чем мы можем помочь вашему селу?

– Пусть приедут к нам молодые и сильные адыги. Пусть не дадут зачахнуть нашим фамилиям.

– Почему сами не хотите уехать на Кавказ?

– Кто нас там ждет? Мы даже здесь чужие. Будем чужими и там. В своем селе мы хоть хозяева. Кем будем там?

– Я и сам живу вдали от Кавказских гор. Судьба разбросала адыгов по миру. И все же взоры наши направлены в сторону Ошхамахо.

– Ты молод, но мудр, – говорила Дадух. Ибрагим молча кивал головой.

– Я куплю для жителей вашего села, для Ибрагима большой дом в Дар-эс-Саламе. Скуплю вокруг того дома весь квартал.

– Зачем? – удивился Ибрагим.

– Хочу, чтобы часть жителей этого адыгского селения переехала в большой город.

– Что нам там делать? – спросил Ибрагим-бей.

– Что делают в городе горожане? Работать, учиться, зарабатывать себе на жизнь. И сельчанам своим помогать.

– Не знаю, – потупил взор предводитель черкесского села.

– Слушайся его, – прохрипела Дадух, – слушайся...

– Всем девушкам-черкешенкам хочу положить приданое. Жан с твоего позволения, Ибрагим-бей, назову своей сестрой и один из домов, которые куплю в Дар-эс-Саламе, запишу на ее имя. Пусть знает, что у нее есть брат.

– Откуда ты пришел на нашу радость? – говорила Дадух. – Спасибо за такой великий подарок великому Тха!

– Я попрошу нашего командующего, – продолжал я, – чтобы из молодых джигитов вашего села был бы создан специальный отряд по несению службы в Танганьике. Вам будут платить хорошее жалование. Это поможет стать здешним адыгам богаче и влиятельнее.

Ибрагим-бей спросил:

– Неужели такое возможно?

– С помощью Тха – да, – отвечал я.

ГРЯЗНАЯ РАБОТА

С рассветом отряд снялся и ушел в сторону немецких поселений, в самую глубь страны.

– Надумаешь – возвращайся, – провожал меня Ибрагим. – Но помни: у тебя нет никаких обязательств.

Уже в пути лазутчики сообщили, что враждебные племена, объединившись, напали на германский торговый центр. Охрана, состоящая из африканцев и десятка белых добровольцев, попыталась дать отпор, однако силы оказались неравными. Хорошо вооруженные англичанами враждебные племена перебили охрану, но немецкие поселенцы, укрывшись в конторе, вели прицельный огонь из четырех пулеметов, и это спасло их.

Я разделил отряд на три части. Одну из них направил на поиски взбунтовавшихся племен, вторую – на зачистку двух сел, расположенных вблизи, а сам с небольшим отрядом двинулся в сторону торгового центра, подвергшегося нападению.

– Малярия, дизентерия и желтуха были забыты нами после этого налета, – жаловались немецкие фермеры и торговцы. – Нападение дикарей было ужасным. Мы уже похоронили охранников и добровольцев. Теперь вот ждем, что будет дальше.

– Мы найдем разбойников и строго накажем, – пообещал я.

– Надежда на белых солдат слабая, – говорили местные немцы. – Против африканцев они беспомощны.

– Под моим командованием легионеры, – сказал я.

– Эти горазды лишь на мародерство, – последовал ответ.

На обратном пути мой небольшой отряд застал сильный затяжной ливень. Дорога, которая ранее казалась прекрасной, вмиг превратилась в сплошное месиво.

Первый отряд легионеров мы догнали в районе тех поселений, откуда были бунтовщики. Наемники окружили их и уничтожили пулеметным огнем.

Хуже дела обстояли со вторым отрядом. Легионеры разграбили и расстреляли всех жителей, как оказалось, двух мирных деревень.

Грант, сержант легионеров, отдал приказ стрелять по беззащитным людям. Они бежали от пулеметных очередей, как заяц от орла. Но пулеметы строчили и строчили. Из всех бежавших никого в живых не осталось.

Позже Грант хвастался этим, как большой боевой победой.

– Негодяй! – сказал я ему, случайно оказавшись в это время рядом. – Сволочь и негодяй! Что тебе сделали эти несчастные?

– Это ты мне? – говорил, грозно надвигаясь, Грант.

– Тебе. Ты же сейчас хвастался убийством мирных африканцев.

– Мирных черномазых не бывает, – зло отвечал Грант. – А за «негодяя и сволочь» получи! – и он сделал попытку ударить меня по лицу.

Я перехватил руку легионера на сгибе кисти. Применил настолько сильный болевой прием, что Грант взвыл и рухнул на колени.

– Еще не родился тот человек, который ударил бы меня по лицу!

Легионеры плотной стеной стали надвигаться на меня. Аслан-бек щелкнул затвором винтовки.

– Я здесь, зиусхан! – громко и грозно крикнул он.

В это время за спинами соратников Гранта защелкало по меньшей мере два десятка винтовочных затворов. Это стрелки охранныго взвода подоспели на выручку.

– Я не хочу, чтобы наш спор остался незавершенным. Давай устроим своеобразную дуэль. Но так как поединки в нашей армии строжайше запрещены...

Грант, руку которого я освободил, медленно поднялся с колен.

– Это в вашей армии они запрещены. Среди нас, легионеров, такого запрета нет и быть не может.

– У нас запрещены, – строго повторил я. – А потому выбирай любые три вида единоборства. Если ты выиграешь, я застрелюсь перед всеми. Если выиграю я, то застрелишься ты. И не будет никаких служебных разбирательств.

Легионеры отступили.

– А что, командир дело говорит, – выступил вперед старший по возрасту и званию из наемников – полковник Оруэлл, по имени Джон.

Легионеры сгрудились вокруг Гранта. Они о чем-то долго спорили и, наконец, объявили условия поединка: стрельба из винтовки по цели, стрельба из револьвера и поединок на кулаках.

Тут же на песчаном бруствере возле лагеря установили пять жестяных банок на расстоянии в двадцать пять метров.

– Стреляй, – говорил Грант.

Я сделал жест рукой: мол, стреляй ты.

Сержант извлек револьвер из кобуры, крутанул барабан и, убедившись, что он полон патронов, выпалил довольно быстро пять раз по мишеням. Стрелять

он умел, но на этот раз поразил всего три цели. Возможно, подвело нервное напряжение.

Звук одобрения прошел среди моих сторонников.

– Ваша очередь, капитан, – говорил старший из наемников.

Я достал свое оружие из кобуры. Не вращал барабан револьвера, как сержант, зная, что он полон патронов. Почти не целясь, выпустил пять пуль по мишеням.

– Пять попаданий! – закричал Аслан-бек. – Пять из пяти!

– Таких противников нельзя не уважать, – сказал кто-то из легионеров.

– Вот и уважайте, – отреагировал шапсуг.

– А ты молчи, крыса, – рявкнул на него один из легионеров по кличке Варвар.

Аслан-бек в считанные секунды оказался возле него и приставил лезвие своего кавказского кинжала, с которым никогда не расставался, к горлу обидчика.

– Проси прощения!

– Проси, проси, – загудели соратники Варвара. – Он действительно пере-режет тебе глотку. Ты что, не знаешь, откуда он родом? Из черкесов, из рода грозных воинов. Такие не церемонятся.

– Прости, – тихо молвил легионер.

– Громче! – потребовал Аслан-бек.

– Прости, – довольно громко повторил Варвар.

– А теперь продолжим поединок, – резонно заметил Оруэлл.

Из винтовки стреляли по бутылкам. Расстояние увеличили до пятидесяти метров.

– Твоя очередь, – говорил Грант. Ноток превосходства в его голосе поубавилось.

Я взял из рук Аслан-бека оружие.

– Из какого положения стреляем? – спросил Гранта.

– Кто из какого пожелает, – объявил условия соревнования старший из легионеров.

Я стрелял из положения стоя и опять поразил пять мишеней.

– Буду стрелять лежа, – заявил Грант.

– Э-э-э, нет! – пробовал возразить Аслан-бек. Но ему отвечала противная сторона:

– Было сказано: «Кто как пожелает».

– Они правы, – успокоил я верного шапсуга.

Грант долго устраивался, целился. Вдруг он встал, походил, вновь лег на исходную позицию.

Наконец прозвучал первый выстрел. Цель была поражена. И второй выстрел достиг цели. Третий – промах. Четвертый – промах. Грант уже хотел встать, но легионеры приказали:

– Стреляй!

Однако и пятый выстрел успеха ему не принес.

Я начал снимать свою форменную рубашку, готовясь к кулачному поединку, но старший из наемников остановил меня.

– Не стоит. Ты уже выиграл поединок, командир. К чему размахивать кулаками?

– Я должен застрелиться теперь же и здесь? – подавленным голосом спросил Грант.

Наступила мертвая тишина.

– Что сказать? – думал я. – Что ответить?

Подождал к Оруэллу.

– Послушай, старший из наших союзников, мне наш товарищ по оружию сержант Грант напоминает раненого, просящего добить его.

– Говори лучше, мне сейчас застрелиться? – зло оборвал меня виновник происходящего.

– Помолчи, Вилли! – приказал Джон Оруэлл. – Прошу Вас, Крюге, продолжайте.

– Вам жизнь и война привили навыки, которые нужны в сражениях. Но дисциплина... Вот ее-то не хватает. Оттого много жертв вокруг вас и... среди вас. Я хочу, чтобы, исполнив свой долг, мы живыми вернулись домой. Не хочу, чтобы на родине мы ночами вскакивали со своих мирных постелей от ужаса воспоминаний об убийствах невинных. Нет, не от боевых стычек, а именно убийств, которые вы совершили недавно. Там же никого не было, кроме женщин и детей. Разве так много желаю я?

– Нет, не много, – отвечал седой легионер.

– Наша цель – утвердить здесь Германию, да и всю Европу, а также победить голод, болезни, языческую нерадивость, ложь...

– Согласен с Вами, – уже переходя на Вы, ответил Оруэлл. – Но что сказать сейчас Гранту?

– Хочу просить его... – наступило молчание тише тишины.

– Просить?

– Да. Пусть останется среди живых. Пусть бережет в себе божье начало. Пусть не будет у него зла на людей и, если возможно, то и на меня.

– Что скажешь на эти слова, Грант? – спросил Оруэлл.

– Капитан, согласитесь ли Вы пожать мне руку дружбы? – уважительно переходя на Вы, спросил сержант.

– Если Вы согласны принять мои истины, то да.

Сержант протянул мне руку. Я пожал ее, хотя в душе не был рад такому рукопожатию.

– Вы убедитесь, сэр, что легионеры умеют дружить.

– Надеюсь на это.

Затем я отозвал Джона Оруэлла в сторону.

– Сэр, – говорил я ему, – произошел случай глупый и нелепый. В Германской армии ни в какие времена офицеры не стрелялись с сержантами. Эта дуэль была глупостью. Она не сделала чести ни мне, ни легионерам. Хочу предупредить Вас, если я еще узнаю, что Ваши люди уничтожают безвинных африканцев, то прикажу расстрелять перед строем прежде всего Вас лично.

Оруэлл хотел что-то возразить, но я остановил его жестом руки:

– Не стоит ничего говорить. Исполняйте свой долг, и мы останемся если не друзьями, то добрыми приятелями.

«А ведь расстреляет, – подумал полковник, как он признался позже. – И никто не заступится. А если кто и заступится, то и их расстреляет. Этот не станет тратить время на пустые рассуждения о гуманности, не станет рассказывать о том, что германские штыки и пулеметы принесут в Африку разумный обще-

ственный порядок, прогонят голод, эпидемии. Этот капитан знает, что мы несем сюда насилие, угнетение и дикость еще хуже существующей, потому что она является цивилизованным варварством. Этот пойдет против течения, ибо сам является не европейцем, а скорее азиатом по крови».

Я, объединив все силы экспедиции, вернулся к германским поселениям, собрал фермеров и работников торгового центра, подвергшихся нападению, и держал с ними совет, хотя и не был обязан делать это. Оставив небольшой отряд легионеров в качестве гарнизона у колонистов, остальным приказал двигаться на базу.

Со времени встречи с черкесами прошло три недели. После похода у меня изменились взгляды на африканскую войну.

«Никакой гуманности не может быть с этими народами «на краю земли», – думал я. – Или они нас, или мы их».

Но тут же вспомнил расстрел мирных жителей двух африканских деревень. Штыками не прогнать с этой земли голод и эпидемии.

Вспомнил стихи Редьярда Киплинга:

*Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других!*

Я стал замечать, что у меня в последнее время появились сухость во рту и звон в ушах.

– Это от хины, – успокоил меня экспедиционный врач.

Мои солдаты будут сжигать чумные села и лепрозории. Я научился без тошноты переносить запах крови, не бежать от ужасных стонов раненых.

«Я увидел образ смерти и понял, что не боюсь ее. Это безумие, – думал я. – Голод, жажда, усталость от пыльных дорог, истоптанных моими сапогами и сапогами моих солдат».

Боялся ли я, когда поднимал солдат в атаку? Может, боялся, а может, и нет. Я не спрашивал себя об этом, а потому и не отвечал на этот вопрос. Но то, что я приучился к смерти, – это точно.

Понял, что все это мне лично не нужно. Понял, что ордена и звания за просто так не дают. Я стал отличать храбрых от трусливых, возненавидел болтунов, хвастающихся несовершенными подвигами. Я не провел ни единого парада, считая это фанфаронством, не требовал безукоризненной выправки. Я стал остро отличать запад от востока.

– Не встретиться им никогда, – говорил сам себе.

Я хорошо понял, что такое колониальная война, и решил: «Войну могут любить только спекулянты и проститутки. А еще политики, штабисты, генералы... Нет, не генерал Н., конечно, но другие генералы, те, что отсиживаются в столице».

Я думал и о своих солдатах, которых порой ненавидел за их жестокость. Какими они вернуться домой? С неизлечимыми болезнями, с жестокими душами – молодые люди, превращенные в стариков.

Думал ли я в тот поход о Жан, Дадух, Ибрагим-бее? Скорее да, чем нет. А еще думал: «Напрасно считают, что пути объединяют нас. Часто они разлучают, увозя прочь».

И вот мой конь всполошил пыль сельской дороги, ведущей в адыгский аул.

ВНОВЬ ЧЕРКЕССКИЙ АУЛ

Ибрагим-бей встретил меня словами:

– Думал, не вернешься. Так, может, и лучше было бы.

Я долго молчал, опустив голову, а затем ответил:

– Впервые в жизни боялся погибнуть. А случаев для того было множество.

– Если час не пробил...

– Кто же знает, когда наступит тот час?

– Верно говоришь, черкес.

– Ни пыль дорог войны на сапогах и во рту, ни грязь после ливней, ни свист пуль, ни жажда и голод... Я лишь боялся не вернуться, обмануть тебя и твоих земляков, Дадух, сестру свою Жан.

Гибли люди и кони вокруг, по ночам совсем рядом с нашими палатками выли шакалы и гиены...

– Солдаты должны быть приучены к смерти, жестокости и лишениям, – сказал Ибрагим.

– Разве я похож на человека, который не встанет во весь рост в момент атаки? – спросил я его.

– Не думаю так. Думаю, что ты воинственен и не боишься гибели. Война не прощает солдатам слабостей.

– Да, такова ее грубая истина.

– Тха уберег тебя. Чего желаешь теперь?

– Того, о чем договорились.

Мысли мои улетели в недавнее путешествие. Вместе с горсткой людей из охраны я оказался в пустыне. Без воды, без провизии, без проводников. Мы двое суток блуждали среди барханов и набрали на развалины древнего храма.

– Это мираж, – думал я.

Трогал древние камни и убеждался, что все же это явь. Рядом росли фруктовые деревья с яркими и сочными плодами. Под ногами бежал хрустальный ручей.

– Аслан, – подозвал я верного шапсуга.

– Я здесь, господин!

– Ударь, ущипни меня. Это сон, бред?

– Нет, зиусхан, это Божье спасение.

Мы пили холодную чистую воду, ели фрукты. Кто-то из членов охраны принес найденные рядом соты, полные янтарного меда.

Затем мы шли по лабиринтам храма, не заботясь о том, как найдем обратную дорогу. Нас поглотила таинственность стен и зияющих провалов. Где-то были двери и окна. Вернее, то, что от них оставило время. Веяло глубокой стариной. И это захватывало, брало в плен и не отпускало от себя.

– Кошка, – сказал Аслан-бек.

– Что кошка? – спросил его.

– Странная кошка, – говорил шапсуг.

Действительно, мы увидели гладкошерстную кошку, какие описывались древними жрецами Египта.

Кошка подошла к нам, потерлась о мои ноги и пошла в глубь храма. Мы последовали за ней. Через какое-то время странное животное подвело нас к узкому лазу. Киска стояла перед нами и мяукала.

– Не думаю, что ради этого Тха послал вам эту находку.
– Тогда для чего?
– Этого не знаю. Этого не знает никто.
– Знаешь, Ибрагим-бей, я поделю богатства, посланные мне Богом. Корону подарю тебе и черкесам вашего села.

В это время Маличипх явилась мне.

– Ты решил – значит, так и надо, – сказала и удалилась. Затем в мои мысли пришла Дадух.

– Да что вам от меня надобно, старые? – успел подумать я, а местная старуха уже хрипела мне в ухо:

– Ах, эта туманная молодость! – говорила она. – Ее, вроде бы, и не было, но ведь была же. В синие глаза мои влюблялись молодые мамлюки, в руки, умевшие стать нежными, в губы цвета ранней вишни...

Я успел подумать: «Неужели эта старуха могла любить когда-то и, что еще невероятнее, ее могли любить? И целовать, и говорить ласковые слова, и ждать на свидание? А ее верный, преданный и любимый спешил к ней через все преграды?»

Дадух хрипло смеялась моим мыслям.

– Есть в жизни что-то невозвратное, – говорила старуха. – Как ни мчись на самом лихом скакуне за ушедшей молодостью, а вернуть ее никому не удавалось. Ведь никто и никогда не видел, чтобы солнце всходило на западе.

Группа легионеров, оставленная для этого случая в дальнем африканском селе, пригнала большой табун верблюдов, купленных мною накануне.

– Это селу от меня, – сказал я удивленным сельчанам.

– За корону, подаренную нам, можно купить всех верблюдов Африки, – говорил на то Ибрагим.

Я смеялся:

– Снарядите караваны, будете обслуживать купцов или сами станете купцами, разбогатеете и будете благодарить за это великого Тха.

Иногда я вспоминал Катхэн, чаще – отца своего Отто и почти всегда – Катэ. Жалость и смирение молчали во мне.

– Неужели я такой эгоист? – спрашивал я себя.

Порой отвечал на этот вопрос положительно, иногда отрицательно, а чаще оставлял его без ответа.

– Я не хочу быть сильным, – убеждал себя.

Но эта мысль смывалась другой, как набежавшая волна смывает след уходящей. В отличие от своего командира, легионеры и охрана на отсутствие аппетита пожаловаться не могли. Если о чем и сожалели, то об отсутствии спиртного.

– К такой закуске нужны ведра водки и бочки вина, – говорили они. Но их предупредили:

– Адыги не употребляют спиртных напитков.

В одну из встреч Жан спросила меня, объявившего ее сестрой:

– Ты видел снега Килиманджаро?

– Да, видел.

– Представь, что мы с тобой сейчас находимся там, рядом с великой горой.

– Ну, и что тогда?

– А ты представь.

– Как же я это сделаю, если нахожусь здесь, рядом с тобой? – дразнил я девушку.

– Ну никакой фантазии, – вздохнула она.

Затем Жан поняла, что ее дразнят, хотела обидеться, но смех мой был так заразителен, что и она расхохоталась.

Три дня, отведенные мной отряду на отдых, пролетели, словно взблеск молнии.

– Что дальше?

– Я покидаю ваше село, – говорил я Ибрагиму, – как пчела сердцевину медоносного цветка.

Сельчане провожали отряд до сельской околицы, пахнувшей соседним цветущим лугом.

Отъехав метров на пятьдесят, я оглянулся. Сельчане стояли на проселочной дороге и махали нам руками.

Путь до крепости не был безопасным. Верстах в десяти, за селом, соседним с черкесской деревней, нас обстреляли мятежные племена.

– Идет война всех против всех, – думал я после боя. – Здесь победить невозможно.

– Победят смелые, – затем думал я. – Все же победят.

Думал о воинах-адыгах. Они ласкали гривы своих боевых коней, больше всех богатств на свете любили оружие и не тряслись над плотью своей, а закаляли души в боях и тревогах. Такого мужа хотела себе каждая черкешенка.

Цепь случайностей происходит в жизни каждого человека. Вот и засада мятежников для легионеров во главе со мной и Оруэллом была, скорее всего, случайностью.

– Мятежники, – думал я. – А мы для них кто? Захватчики, колонизаторы, рабовладельцы.

Мне все больше становилось стыдно за то, что так безжалостно кромсаем африканцев. Но я тут же успокаивал свою совесть: «Не сделай этого мы, погибли бы сами. И хищные птицы выклевали бы наши глаза и печень».

Я представил, как безобразный марабу сидит на моем трупе и клюет брэнное тело, которое еще недавно было Альфредом Крюге.

– Эти ужасные грифы! – думал я.

Такие мысли освобождали от ответственности за содеянное.

– Разве было бы лучше, если бы африканские пулеметы скосили нас?

Вспомнил Катэ, Отто, Ибрагим-бея, Дадух... Вспомнил, наконец, Катхэн...

ДАР-ЭС-САЛАМ

Я купил в Дар-эс-Саламе дом, принадлежавший занзибарскому султану. Для этого пришлось воспользоваться правом, предоставленным мне отцом, и обналичить приличную сумму по банковским бумагам. Обстановку в доме менять не стал. Здесь все отличалось богатством, даже пышностью.

«Теперь местные адыги будут одними из самых богатых танзанийцев», – думал я.

Это успокаивало.

Войдя в новый дом, я впереди себя пустил египетскую кошку, которую назвал Мяу.

– Незатейливое имя, зато простое, – думал я при этом.

Снаружи дом выглядел более чем скромно. Глухая стена, узкий проход во двор, помещение привратника. Внутренний дворик выложен цветным камнем. Бассейн в центре этого огороженного участка. Много декоративных растений.

Парадная часть дома предназначалась для приема гостей. Высокие, изящно зарешеченные окна. Кладка дома выполнена из белого, красного и желтого камня. Внутренняя роскошь восхищала. Здесь все было пышно и удобно. Особый восторг вызвали орнаменты потолков, цветная инкрустация стен, небольшие бассейны с фонтанчиками. Рядом роскошная баня – хаммам.

Я улыбался всему этому.

Аслан-бек срочно нанял прислугу – поваров, сторожей – и справился с этим блестяще.

– Что бы я делал без тебя, мой верный друг? – говорил я ему. «Верный друг» бурчал:

– Достанется мне от Катэ, когда вернемся домой. Скажет: «Как ты мог допустить такие траты?»

В это время пришла почта из Европы. Среди множества корреспонденции было письмо от Катхэн.

«Ничего не случилось, – писала она. – Я просто очень и очень скучаю по тебе. Приезжай, потому что я люблю тебя безмерно. А это, оказывается, так важно. Счастье не живет в клетке. Даже золотой».

Родители в своем письме хвалили мою жену, называя умницей.

Служба не тяготила меня. Неслись дни, недели. Срок пребывания экспедиции в Африке подходил к концу. Пришла депеша: генерал Н. должен прибыть, из Западной Африки, его корабль уже вышел из Тоголанда. Ему предстоял заход в Камерун, а дальше, из вод Гвинейского залива, огибая Южную Африку, не заходя на Мадагаскар, – в Дар-эс-Салам.

Я хорошо знал крутой нрав генерала. Служебные дела у меня были поставлены более чем хорошо. С минимальными потерями германским экспедиционным войскам удалось навести порядок на всей контролируемой территории. Колонисты были довольны теми мерами, которые мы предприняли. Они направили по этому поводу благодарственное письмо императору. Их делегация планировала встречу с генералом, во время которой хотела выразить свое удовлетворение работой, проделанной нами.

Больных было не так уж и много. Обязательный прием хинина и чистая питьевая вода сыграли в том свою положительную роль.

Я боялся жалоб со стороны африканцев, которые считали, что германские войска были крайне жестоки к ним.

Встреча с генералом была теплой, но в то же время грустной.

– Наши друзья и соратники Энс Кристенсен, Манн и Гледич погибли. Энс – в Тоголанде, двое других – в Камеруне.

Печальная весть больно ударила по мне.

– Как? Почему? Такие молодые! Еще недавно...

– Не надо, Альфред, – тихо говорил Н. – Война возраста не ведает.

– Душа кричит от боли, – искренне говорил я.

– Пусть лучше помолчит, – отвечал генерал.

В крепости в офицерской столовой был накрыт праздничный стол для гостей и командного состава гарнизона. Но праздник получился грустный. Музыкантов отправили сразу же.

Н. взял слово:

– Помянем павших. Тех, кто погиб в Танзании, Того и Камеруне, отдав свои жизни за Германию и кайзера.

Минут через сорок командир корпуса отпустил офицеров. Со мной говорил долго. Генерал в подробностях рассказал о том, как попали в засаду мои друзья. До глупости все повторилось у них. Точь-в-точь. Беспечность...

– Нет, судьба, – не согласился я с командиром. – Я мчался один на один на строчащие пулеметы. И ничего. Как видите, жив остался.

– Может, и судьба, – согласился командир.

Я мучался вопросом: «Рассказать генералу о черкесах или повременить?» Наконец решил:

– Здесь, знаете, со мной такое приключилось!..

Н. внимательно посмотрел на меня.

– Ну, и что же с Вами приключилось, что даже рассказать не решаетесь?

– Земляков встретил на берегах озера Руква.

– Черкесов?

– Да, черкесов.

– И язык родной помнят?

– И язык, и обычаи, и одежду сохранили. Кухня у них тоже адыгская.

– Так что в том плохого? Радоваться надо по такому случаю. Вам поручено наладить с ними связи.

– Спасибо, я радуюсь и налаживаю эти связи. Но... – я замолчал.

– Или говорите, или оставим этот разговор, – нарушил молчание генерал.

– Купил я им в Дар-эс-Саламе целый квартал.

– Что ж в том плохого? В чем состоит Ваша печаль?

Тиски, сжимавшие мое сердце, начали отпускать его:

– Вроде бы глупые траты... Поймет ли меня отец?

– Обязательно познакомьте меня со своими земляками.

Весь следующий день был посвящен напряженной работе: составлению отчетов, графиков, оформлению наградных документов... Вечером того же дня Н. вновь собрал офицеров и от имени императора вручил мне полковничьи погоны.

– Ордена отличившиеся получают в Германии, – завершил церемонию граф Карл Н.

Когда остались вдвоем, сказал мне:

– К Вашим черкесам отправимся после утреннего смотра.

– Благодарю, господин генерал! – обрадовался я.

Тут же с Аслан-беком отправился в дом, который купил недавно. Собрали прислугу. Давали распоряжения, которые считали необходимыми. Наконец, сбились, запутались в указаниях и все перепоручили той же прислуге.

– Сами решайте, но обед должен состоять только из черкесских блюд, – сказал я.

Обед подавали в большом зале для гостей.

– Да это же замок султана! – не удержался генерал Н.

– Вы угадали. Я купил этот дом у занзибарского султана. Вернее, у его наследников.

Ибрагим-бей, старейшины черкесского села и девушки-черкешенки, обслуживающие застолье, не могли не вызвать удивления у генерала. Их яркие и в то же время строгие костюмы, умение держаться строго и совершенно расслабленно, – все это не могло не восхищать.

Граф обратил внимание на то, что на столе нет спиртных напитков.

– Столик с водкой, виски, бренди и другим алкоголем стоит в углу. У адыгов спиртное к столу подавать не положено, – говорил я.

– Так давайте отправимся немедленно «в угол».

Начали с шотландского виски.

– Что это за чудо? – был поражен качеством напитка генерал.

– Chivas Brothers LTD, – последовал ответ.

– Это ни о чем не говорит, но виски отличный.

– Выдержка – 21 год, – сообщил я. – Есть Dewar's Signature. Он и того лучше.

– Мы бережем его для кого-то? – сострил граф.

– Что Вы, господин генерал!

Я открыл деревянную коробку полированного красного дерева, откупорил красивую пузатую и при этом высокую бутылку и разлил в чистые стаканы Dewar's.

– После «Салюта» я думал, ничего лучшего быть не может, но это что-то непостижимое.

Мы вернулись к столу.

– Арабские купцы поставляют сюда все, что производят в мире. Я спросил их: «А можете доставить мне лунный камень?» – «Прямо с Луны?» – спросили они. – «Да, с Луны».

– И что же? – любопытствовал генерал.

– Ищут. Думаю, найдут.

– Какие чудесные костюмы на черкесских девушках, – заметил красоту адыгской одежды гость.

Я перевел сказанное. Жан вспыхнула, щеки ее заалели.

– Счастлива, что кабардинский костюм нравится командиру.

– Вы не накормить меня хотите, а удивить обилием и вкусом, – говорил генерал.

Я перевел его слова.

– И удивить, и накормить, – ответил Ибрагим-бей.

Индейка с соусом, фасолевый суп с сушеным мясом, жемуко, слоеный хлеб... Когда гость отведал гедлибже с пастой, то пришел в восторг.

Мы выпили еще по четверти стакана виски, и Н. стал расспрашивать о способе приготовления кабардинских блюд.

Я не без гордости сообщил, что курицу в сметане и пасту к ней готовили девушки.

Позже пили чай с молоком и напиток из каких-то африканских ягод.

– Это тоже черкесский морс? – был задан вопрос. Ответ последовал положительный.

– Мы очень давно живем в Африке. Приходится использовать фрукты и ягоды, которые растут вокруг нас, – объяснил происхождение напитка Ибрагим-бей.

С Н. вновь подошли к столику с алкогольными напитками.

– Вы архитектор моей карьеры, – сказал я генералу.

– А ведь Ваш дом мог рухнуть недостроенным, – серьезно отвечал граф.
– Мне рассказали о западне в районе озера Руква. О Вашей безрассудной храбрости. Хорошо, что Вы получите Железный крест за подвиг, а все могло бы закончиться крестом деревянным.

Наш разговор прервал Ибрагим-бей.

– Можно, девушки споют для нашего гостя?

Генерал искренне обрадовался этому. Мы устроились в глубоких креслах. Жан позвала подруг. Они явились с шикапшинами. Полилась нежная мелодия. Она летела к лепным потолкам, стекала с узорчатых стен, вилась вокруг источников света от свечей.

– Эту песню привезли мои предки с далекой родины, с Кавказа, – сказала Жан и запела.

*Косы длинные дал мне Аллах,
Только счастье мне дать позабыл он.
Брови черные дал мне Аллах
И румянец зажег на щеках,
А с любимым меня разлучил он!
Я гляжу в беспросветную даль.
Что мне делать, как жить мне, о боже?
Люди – что им чужая печаль!
Ой, ушла бы я в горы, да жаль,
Что они твердокаменны тоже.*

Я перевел генералу содержание песни. Девушки со скрипками удалились.

– Можно, я прочту отрывок из стихотворения моего земляка?
– Черкеса?
– Да, кабардинца.
– Сделай милость...

*А скрипка так рожидала плач!..
Ну, как могла?! Ну, как посмела?!
В лесу рубиновый кумач
Зажегся. Степь осиротела.
Скрипач гасил свою струну,
Чтобы сыграть нам пиццикато.
Так Паганини в старину
Исполнил свой каприс крылатый.*

Граф плакал и не скрывал слез.

– Сколько радости и сколько печали!

Я обнял сильные плечи этого доброго человека.

ПРОЩАНИЕ С АФРИКОЙ

Все следующие дни были посвящены сборам к отплытию. В один из вечеров Жан молча взяла шикапшину и долго стояла со смычком в руке перед отцом и мною. Затем закрыла глаза и заиграла.

Я вдыхал аромат ее благовоний, запах музыки. Как это было прекрасно!

– Если бы пчелы умели плакать, какого бы цвета были их слезы? – спросила Жан, когда ее музыка стихла.

– Желтого, – сразу ответил я. Она улыбнулась:

– Правильно...

– Ты собираешься плакать?

– Нет, я о пчелах спросила.

– Ты умеешь колдовать?

– Да, но я не злая колдунья.

Генерал Н. пригласил в крепость Ибрагим-бея, предварительно согласовав вопрос со мной.

– Думаю, нас интересует адыгская диаспора в Африке, – объяснил генерал свое желание встретиться с предводителем черкесского поселения.

Ибрагим-бей появился в расположении германского гарнизона в сопровождении группы всадников. Все были одеты в черкесские одежды, при полном адыгском вооружении. Всадники восседали на арабских скакунах. Лишь под Ибрагимом был вороной кабардинец. Предводитель черкесов – в белоснежной черкеске, поверх которой как бы небрежно наброшен красный башлык. Его сопровождение – в красных черкесках с белыми башлыками. Яркие рубахи из домотканого сукна, мягкие кожаные сапоги и, конечно, главное украшение наряда – шапки.

– Если голова цела, на ней должна быть шапка, – говорят кабардинцы.

– Шапку носят не для тепла, а для чести, – говорят они.

– Если тебе не с кем посоветоваться, посоветуйся с шапкой, – говорят еще.

На черкесах были не очень высокие папахи из черного молодого барашка (купрей) с красными околышами.

Граф Н., вышедший встречать гостей, залюбовался их выправкой.

– Надо бы из местных черкесов создать особую сотню, – говорил он. – Ей цены не будет в борьбе с мятежниками и несении почетных караулов.

Ибрагим-бей легко соскочил с седла. Сопровождающие приняли поводья его коня.

– Приветствую тебя, достопочтимый предводитель здешних черкесов! – говорил генерал, обращаясь к гостю.

– Да не останешься ты без воды в пустыне, – отвечал тот. Переводчиком служил я. И хотя очень нервничал, но с обязанностями своими справлялся отлично.

Мы сидели в приемной зале генерала. Принесли фрукты, щербет, морс и лимонад в тяжелых хрустальных графинах. Подали бокалы.

После обычного обмена любезностями граф стал в деталях расспрашивать гостя о черкесах, проживающих в Африке.

– Мы из египетских адыгов, – говорил Ибрагим. – Теперь, уходя от русских, сюда пришла новая волна моих земляков. Но она, в основном, осела в Турции, Иордании, на Балканах, в Сирии... Мы же, наш род, из Египта. Потомки мамлюков.

– Как становились мамлюками твои земляки?

– Египетские халифы содержали большие войска из наемников.

– Так вы наемники?

– Нет. Мы из рабов, захваченных на землях наших предков. Эти черкесы и составляли халифскую гвардию. Среди гвардейцев главную роль играли адыги, то есть наши предки. Мы окрепли настолько, что стали смещать халифов. Черкесы к тому времени стали основной группой среди мамлюкской гвардии.

– Очень интересная информация, – удивлялся генерал. – Что было дальше?

– А дальше, – рассказывал Ибрагим-бей, – мы захватили Йемен, Кирс-нарику, Ливию, утвердились в Судане, держали в повиновении Сирию того времени и Ирак, разбили крестоносцев при Хитине, захватили Иерусалим. Черкесы становились наместниками, эмирами, а Бейбарс II – Джашангир стал султаном. В те времена мамлюки особо прославились, разгромив доселе непобедимых монголов, отразили нашествие эмира Тамерлана.

– Ты хорошо знаешь историю своего народа.

– Народа – нет. Историю мамлюков – да. Почти полтора века правили черкесы Египтом. В то время их страна стала самой мощной державой Средиземноморья. А затем для нас настали тяжелые времена. Когда последний из черкесских султанов, Туман-бей, великий воин и правитель, был предан бедуинами османам, мамлюкская империя перестала существовать.

– И больше уже не поднялась?

– Отчего же? Было еще много славных сражений, много побед. Но междоусобная война губила добрые начинания мамлюков.

– Как твое племя попало сюда? В Танганьйку?

– Сперва мы пришли в Судан, где нашли пристанище в султанате Донгона. Но и здесь нас преследовали египетские правители. Они боялись мамлюков. И хотя до сих пор в основанном черкесами Хартуме звучит адыгская речь, многие, боясь преследования, уходили из Судана. Так я и мои соплеменники оказались здесь. Иные ушли в Ливию, Абиссинию, Тунис.

– В Судане черкесы держатся так же обособленно, как вы здесь?

– Да. Может, еще строже. Они больше адыги, чем где бы то ни было. Строго блюдут законы кавказского гостеприимства, щедры, великодушны, но в то же время воинственны, строги, а порой мстительны.

Генерал Н. узнал от предводителя местных черкесов все, о чем вместе со мной хотел доложить в Германский генеральный штаб. Наша страна собиралась наращивать свое влияние в Африке и хотела получить в союзники столь воинственный народ, как черкесы.

– Я предлагаю вступить твоим воинам в наш экспедиционный корпус, – предложил генерал.

– Мы свободные люди, – отвечал Ибрагим. – А вы потребуете соблюдать немецкие порядки.

– Мы определим зону ваших действий. За это черкесские воины будут получать хорошее жалование.

– Нам необходимо носить одежду германских солдат?

– Нет. Напротив. Нас бы устроило, если бы ваша сотня носила черкесские костюмы. Мы лишь вооружим вас современными револьверами, винтовками и пулеметами.

– Я должен посоветоваться об этом на хасэ.

– У нас нет столько времени. Через два дня мы уйдем на родину. Придут новые люди. Ты должен дать ответ теперь.

– Тогда я посоветуюсь с теми, кто прибыл сюда вместе со мной.

Вскоре Н. получил от Ибрагима положительный ответ. Штабные работники корпуса начали сразу же оформлять необходимые документы по этому поводу.

Когда среди офицеров экспедиционного корпуса зашел разговор о нужности такого подразделения, как черкесская сотня, Аслан-Бек сказал:

– У нас на Балканах – я родом из черногорских адыгов – есть святыне уголки на земле. Приезжие спрашивают: «Что это за холмики возле вашего селения?» Им отвечают мои старшие: «Это не холмики». – «Тогда что?» – «Курганы». – «В чем их отличие?» – «Курганы – это памятники воинам, а холмы – лишь земля в виде бугорков».

Эти люди из аула Ибрагим-бея умеют отличать курганы от холмов. Они знают, что охотник, который стреляет в зайца, может вспугнуть оленя. Они зря не вынимают шашек из ножен.

Вечером Ибрагим отправил меня из дома:

– Пойди, попрощайся с улицами, домами и людьми Танганьки.

В сопровождении Аслан-бека я бродил по городу. Нам встречались люди из племени банту, высокие ростом, с темной кожей, шапкой курчавых волос, широким носом и толстыми губами. У людей суахили негроидные черты лица были выражены не столь четко. А это охотники хатса. А вон скотоводы сандаве.

– У них красивые женщины, – заметил Аслан.

– Вот и женись на одной из них...

Всюду шла торговля совершенно немислимыми товарами, казалось бы, никому никогда и ни на что не пригодными.

Мы пили из глиняных чашек напитков из агавы.

– Нет, лучше молоко кокосового ореха, – решил Аслан. Выпили и такого молока.

Рядом с лотком торговца кокосами на специальном приспособлении сушилась маниока. Шла бойкая торговля мясом, особенно козлятиной. Мы заказали жареные ребрышки и с аппетитом съели по две порции. А порции у здешних африканцев были огромными.

В порту Дар-эс-Салама, куда мы забрели, сами того не заметив, Аслан обратил внимание на небо.

– Тучи!

Тучки мчались по воздушному пространству, догоняя друг друга, порой сливаясь воедино, а чаще несясь наперегонки.

– Куда они? – думал я. – Может, к дому моих отца и матери? Тогда пусть отнесут им привет. Или к братьям моим, в холодную Россию?

Я впервые за многие годы вспомнил своих братьев, Адыга и Узермеса.

«Узермес уже совсем взрослый. Как выглядит Адыг, сын великой Дахаус?»
А тучки неслись, гнались друг за другом.

Песочные часы отсыпали последние минуты моей совместности с Дар-эс-Саламом, с Африкой, с Жан и ее отцом, с аульчанами-черкесами.

С одного из многочисленных ярких лотков я купил несколько больших кулчков кофе «Арабика» в качестве гостинцев друзьям и близким в Германии и Австрии. Мальчишкам, которые суетились вокруг, велел отнести кулчки домой. Те были счастливы заработать.

Возле торговца кофе Аслан сказал:

– Человек не способен съесть весь урожай, выращенный им. Да он его и растит не для того.

– Для чего тогда?

– Чтобы прокормить детей, продать часть урожая и на вырученные деньги купить одежду семье и украшения любимой женщине. А есть и такие, которые

часть урожая отдают тем, у кого нет еды. Но это особая категория людей. Их меньшинство.

Домой мы вернулись в сопровождении носильщиков, нагруженных покупками, дарами для Жан и ее отца, для девушек из черкесского селения.

Жан надела мне на шею амулет – золотой наконечник от ритона. Наконечник изображал голову льва. Там, где заканчивалась шея царя зверей, была просверлена аккуратная дырочка. Она выдернула из своего кожаного пояса узкую полоску, вдела ее в отверстие, туго завязала кожицу, прежде чем одеть этот ритон мне на шею.

– Никогда не расставайся с этой вещью. Она сбережет, сохранит тебя. Этой львиной голове много сотен лет, может, тысяча. Обещаешь, что выполнишь мою просьбу – не снимешь львиную голову никогда?

– Обещаю ли? Да как же иначе? Как же...

В тот день я отдавал последние распоряжения, оформлял необходимые документы. Ибрагим-бей привез драгоценную корону.

– Не хочу, чтобы она искушала моих земляков. Из-за нее могут возникнуть споры, распри, убийства и даже войны.

– Хорошо, – согласился я. – Мы сдадим ее в банк.

Так и сделали. Под эту корону изумленные и пораженные английские банкиры в Дар-эс-Саламе открыли Ибрагим-бею и Жан неограниченный счет. Такой же счет был открыт и мне.

В тот же день генерал Н. подписал приказ о присвоении офицерского звания «лейтенант» Аслан-беку и Ибрагим-бею.

В день отплытия из порта Дар-эс-Салам немецких кораблей я обратился к отцу Жан:

– Прошу, не провожайте меня.

– Нет, – отрезал Ибрагим, – мы обязательно проводим тебя, как полагается провожать самого достойного человека у адыгов.

В порт он прибыл в сопровождении конвоя. Они прибыли в черкесских одеждах, держа в поводу своих лошадей.

Воины-черкесы запели героическую песню о любви к родине, о подвиге во имя свободы и родного очага. А еще они пели, что воин-адыг никогда не может вернуться домой, не победив врага.

– О чем их песня? – спросил меня генерал Н. Я перевел.

– Не понимаю, как можно победить этих воинов, – говорил граф.

– А кто сказал, что их кто-то победил? – отвечал я.

* * *

На этом записи первого из авторов прервались. В правом углу последней страницы печатными буквами было обозначено: Князь Д.А. А в завершение всего стояла совершенно неразборчивая подпись.

Спасибо тебе, господин Случай, за эти заметки, и тебе, таинственный старичок, и тебе, автор африканских записок.

Хотел бы спросить того автора: «А где же сафари?» Да уж точно знаю, что бы он ответил: «Разве плохой была добыча? Или трофеи были плохими? Только уж слишком кровавое оно вышло, это сафари».

Между прошлым и будущим

* * *

Меня стирает время, словно ластик
На ватмане – черту карандаша...
Мы на земле у времени во власти:
И царь, и раб, и тихая душа.

Судьба лукаво-умная сорока,
Посмеиваясь, ходит среди нас.
Поодиночке шепчет всем: «До срока
Приостановлен ваш последний час...»

Заглядываю в зеркало и вижу
Себя, уже постарше, чем вчера...
Последний час с минутой каждой ближе.
Поэтому грустнее вечера.

А, впрочем, мне не веселей и утром.
На жизнь свою смотрю со стороны...
Мне находиться, думаю, немудро
С собою в состоянии войны...

И потому и вечером, и утром
Я сам себе спокойно говорю:
– Смириться с неизбежным – это мудро!
Всевышнего за жизнь благодарю!

Пока из жизни временем не стерто
Моей черты последнее тире...
Судьба, как в измерении четвертом,
Я буду жить в твоём календаре,

Хотя бы чтоб зажечь окно во мраке
Для путника в неведомой стране...
Хотя бы для спасенья от собаки
Котенка, подбежавшего ко мне!

30.09.07 г.

ЛЕПТА

Гудит котел, как доменная печь,
В щелястом нашем щитосборном доме,
Где монолог – моя прямая речь,
И никого – меня и мыслей – кроме.

Поселок – домики в тиражный ряд...
Ну чем, скажите, это – не коммуна...
Здесь все под крышей судеб – мед и яд
С издерганной системой иммунной...

Разводы серых туч колышат тьму.
В глазах дымится чуткая тревога...
Уже не верю больше никому,
Спасает душу только вера в Бога...

И привыкаю к тишине с трудом,
И сердце успокаиваю – Зама!¹
Когда увижу строящийся дом, –
На сердце словно капелька бальзама...

Стучи, работай сердце на износ.
И умирай от радости, пожалуй...
А мы на берег мира строим мост.
Нам до сих пор его не доставало!

И жизнь начнется с чистого листа
Без тусклой свечки и намокших спичек...
И пусть в опоре этого моста
Мой будет стих – мой маленький кирпичик.

МИР ТЕСЕН

Плывут высоко облака
И тучи проползают низко.
Минуты, месяцы, века...
Как это далеко и близко!

Добра и зла круговорот.
Любви и ненависти пламя!
Зарывшись в землю, словно крот,
Охота поскрипеть зубами.

¹ Эпоха (чеч.)

А вы спросите – почему?!
А потому – я вам отвечу –
Что звезды падают во тьму,
Не мне на голову и плечи.

При чем тщеславье и тщета?!
Надежда? С нею безнадежность?!
С безумностью столкнулась нежность,
И с обреченностью – мечта.

Живой клубок страстей и чувств.
И сам себе я неуютен...
Мир очень тесен, сер и пуст,
Когда любимая... уходит!

1.04.07 г.

СЧАСТЬЕ

Счастье, как обиженный ребенок,
Что у мамы в ласковом кругу,
Или словно юный жеребенок,
Что резвится в мае на лугу,

Или птица, что в саду висячем
У Семирамиды над перстом,
С радужными крыльями удачи,
Золотым сияющим хвостом.

Две строфы от истины избитой
Ревом и безмолвьем площадей:
Первая – давно уже забыта,
А вторая – выдумка людей.

Если жить – и быть счастливым значит
(жизнь всегда – в один конец билет),
Потому ребенок, может, плачет,
Приходя на этот белый свет...

Или генетическая драма
Тянется из мглы времен, как нить...
Райский грех и Евы и Адама
Никогда уже не искупить...

В этом вихре мыслей и столетий
Сердце может и дотла сгореть.
Счастье – жить на этом, белом свете
И, прожив достойно, умереть.

23.03.07 г.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

– В чем смысл жизни? – я спросил муллу.
– Зачем живу? – спросил я у алима¹.
Мой нищий разум уходил во мглу,
А тайны мира проплывали мимо.

Они ответить оба не могли...
Не потому, что ничего не знали,
А потому, что это были дали,
Что незаметно к пропасти вели.

Философу задал я свой вопрос:
– В чем жизни суть? – он, помолчавши мудро,
Сказал: – Снег отличим от перламутра
Лишь тем, что бел он, словно снег и прост.

Я ничего не понял... Дым и мрак...
Гипотезы, дилеммы, мгла учений...
Я, сам своей не понимавший тени,
Себя считавший умным, – был дурак.

Альберт Эйнштейн, Спиноза и Хайям,
Шекспир, Колумб и Ленин, Аристотель...
И я, пылинка – жертва (их напротив!)
Вершин высоких и глубоких ям...

Жизнь – лепесток цветка и ураган,
Журчанье родника и рев стихии...
И всем одно – друзьям или врагам,
Хорошие они или плохие...

Когда я ночью шел один домой,
Вдруг осенила странная идея:
Смысл человеческой жизни – в ней самой,
А смерть (по сути) – смысла не имеет!

5.01.07 г.

* * *

Предела совершенству нет.
И примитиву нет предела.
Нетрудно жить на свете белом
Под полновесный звон монет...

¹ Богослов.

А ты попробуй, как и все,
Живущие за счет оклада...
Когда не жизнь во всей красе,
А – сколько минимуму надо,

Когда не черная икра,
Суп из малайской черепахи.
В жару – не опахала взмахи,
А вкус картошки у костра.

Оно... без банковских счетов
На свете жить-то посложнее...
И вот теперь узнать сумеешь,
Что стоишь сам без лишних слов,

Без кресла власти... и друзей,
Причастных к твоему карману...
На дорогие рестораны
Теперь, пожалуй, не глазей...

Мой дорогой, богатый друг,
И не пытайся!.. Все напрасно...
Я знаю точно, сноб несчастный,
Что ты без денег, как без рук...

На деньги можно все купить?!
Да нет!.. Родители... Отчизна...
А где цена рожденья, жизни,
Добра и дружбы, и любви?!

Мой гордый и ничтожный век,
Великий и ничтожный нами,
Неси цивилизаций знамя...
И в нашей меркантильной драме
Не ты виной... А человек.

27.09.07 г.

НЕ ГОВОРИ

Не говори, что все ушло бесследно,
Что люди безучастны и глухи,
Что мир покрыло зло, как пепел Этны...
Остались вера в Бога... и стихи.

Еще на свете есть смычок и скрипка,
Мечеть и церковь... Свет и облака,
Доверчивая детская улыбка
И с ними Лета – времени река,

И плеск ручья и нежной мяты запах,
И солнца животворный «леденец»...
И дочь, обняв отца, прошепчет: «Папа!»
И сын обнимет сдержанно: «Отец!»

Нет! Ты не зря прожил на этом свете,
Вброд проходя и радость, и печаль...
Цветы надежды превращались в плети.
И все-таки манила тайны даль...

Но жизнь порой напоминала небыль...
Мир пронизал рутины тонкий яд.
И потому все реже смотришь в небо,
К земле все чаще опуская взгляд...

Вот только дух один не станет бедным...
Еще читают Пушкина стихи...
Не говори, что все ушло бесследно,
Что люди безучастны и глухи.

30.10.2007 г.

СОН ПАМЯТИ

И брызгает кровь от ударов плетей,
Из рваных зияющих ран...
Безжалостен суд человеческих страстей
Всех наций, народов и стран.

Задумчив рассеяно Понтий Пилат¹.
Каифа² – растерян и тот!
И плети секут вразной, невпопад...
И ярко кровавится рот...

Да! Га³ у евреев сейчас не в чести.
Так смертна неволи тоска...
И крест до Голгофы ему донести
Не сможет помочь и Лука⁴.

Беснуется в запахе крови толпа,
От власти минутной пьяна,
На злобу – щедра, на улыбку скупа,
О, как же безбожна она!

¹ Прокуратор Иудей

² Верховный жрец Иерусалима

³ Еврейское имя Христа

⁴ Один из апостолов

Две тысячи лет... Над землею гудят
Всё также кроваво ветра...
Могильною стужей сердца холодят
И мало на свете добра.

Всё больше убитых лавинами войн,
Ушедших в смертельную глушь...
Плывёт над землёю не песня, а вой
Судьбой искалеченных душ.

Глухая, как песня тоски, суета...
Исчезли меж нами мосты...
Кошунственным символом веры в Христа
Висят на путанах кресты.

В пещерах прогресса неверья соха...
И низменно страсти кипят...
В сверкающих залах земного греха
Растоптан Спаситель, распят!

Сегодня, вдруг явись Он среди людей,
(Психушки развеют тщету!)
На нём сэкономят немало гвоздей
И скотчем привяжут к кресту.

А, впрочем, циничность – не любит наив.
(Хотя простота и свята!)
Она, вероломно глаза закатив,
Иудой объявит Христа!

Две тысячи лет ни покоя, ни сна...
Кострищ бездуховных зола...
Глумится над верой людской Сатана,
Азазил¹ – исчадие зла.

Величье – бессмертия чашу испить.
Кто выдержит вечности груз?!
Напрасно хотел ты наш грех искупить,
Великий еврей, Иисус!

21.11.07 г.

¹ Ангел, восставший против Бога и за это изгнанный из рая.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ «ОСКОЛКИ»

*«Да. На этот свет мы приходим
с клеймом проклятья.
И все же тешим себя надеждой,
что мы – свободный народ,
а мы – верноподданные микадо».*

Мицухару Канэко, «Жертвы»

Мы, дети, родившиеся в Сибири, не видевшие родины своих отцов, не знали значения этого слова, мне даже не довелось его ни разу услышать за те несколько лет, которые я прожил в Омске. Наши соседи, те люди, с которыми мы делили и свои маленькие радости, и свои несчастья, ни словом, ни видом не показывали нам того, что мы – представители другой нации. На новый костюм или ботинки в нашем общем дворе обращали внимание, на разрез глаз и цвет волос – нет. Делить людей по национальному признаку я научился только переехав на родину, на мою вторую родину, в низовья Волги...

Есть у меня такое субъективное мнение: чем крепче бьет себя в грудь человек, как правило, заглядывая тебе в глаза – пытаюсь определить твою национальную принадлежность, говоря горячо о том, что для него все нации равны, тем озорнее блестят у него бесенята в глазах и кричат они, бесенята эти: «Нет-нет, лукавит он!» Послевоенные сибиряки не лукавили, они умели видеть в человеке только человека. Лишь два момента, которые запомнились мне из моего омского детства, давали мне пищу для размышлений по поводу моей непохожести на других: первый – это противная девчонка, которая жила на нашей улице, в доме за высокими воротами; когда мы с сестрой проходили мимо, в просвете калитки появлялся шупленький силуэт, который, наклонив голову, задумчиво произносил одно слово: «Киргизы...». Я не знал, кто такие киргизы, впрочем, я тогда еще не знал даже, кто такие калмыки, но чувствовал, что это слово имеет какое-то отношение к моей внешности. А второй момент... Мы часто гуляли с дедом по городу, но когда нам встречался милиционер, человек в форме с синими погонами, я чувствовал, что мой дедушка как-то внутренне напрягался, его напряжение передавалось мне, я молча шел с ним за руку и знал, что не нужно задавать никаких вопросов. Внешне же это никак не проявлялось, мой дед был

ХОТЛИН Валерий Германович (1951 г. рождения), член Союза писателей России, прозаик, поэт, драматург, автор повести «Осколки» и ряда пьес, которые поставлены на сценах калмыцких театров.

высок, худ, ходил всегда прямо, с гордо, даже надменно поднятой головой, лицо его было непроницаемо, его внутреннее состояние мог почувствовать только я, его внук. Так, совершив первое в своей жизни переселение из чрева матери в большой мир, я сразу стал «спецпереселенцем», только потому, что в паспорте моего отца в графе «национальность» черными чернилами вписано короткое слово «калмык»... Рука деда сжимает мою ладошку, и я чувствую, чувствую, чувствую... Тогда я не задумывался над метаморфозами, происходящими с моим дедом, тогда... А сейчас, ну что ж, мы ведь были спецпереселенцами, и милиционер мог остановить нас, проверить документы, придравшись к чему-нибудь, доставить в комендатуру, унизив своими действиями деда в глазах внука. Вот чего боялся мой дед, он был для меня самым большим авторитетом.

Вирус страха и недоверия витал в воздухе и в сознании людей тяжелой болезнью, которую я бы назвал: «рожденный несвободным». Тем не менее, мы, нерусские дети Сибири, жили на своей приемной родине, вписываясь в ее ландшафт, природу, растворяясь в ней, не думая о том, что где-то есть другая земля, на которую нам суждено вернуться. А суждено ли? Вечерами, перед сном, дед рассказывал мне о ней: там цвели яблоневые сады (яндыкские яблоки), текла огромная река Волга, росли арбузы, там можно было скакать на коне, надев бурку и взяв в руки шашку. Буркой своей дед укрывался и в Сибири, а фотографию вороного красавца – коня с мальчиком верхом на нем дед мне показывал: «Это наш конь, а на коне – твой отец».

– Деда, а почему ты не заберешь сюда нашего коня?

Молчит дед, долго...

– Заберу, когда вернемся.

– А когда мы вернемся?

Молчит дед.

Мне снилось, что мы возвращаемся с дедом на его родину – в сказочную страну... Тем не менее, я жил в Омске, этом большом городе, медленно познавая его и интуитивно готовя себя познать его весь, полюбить его и прожить в нем всю свою жизнь. Я, конечно, не думал всерьез, что уеду из Омска, и этот город станет для меня чужим, как сотни других городов в России. А родным станет для меня другой город, но не родина моего деда – село Лиман, которое останется за границами Калмыкии, а значит, автоматически тоже станет для меня чужим. Но вот сейчас живя в Элисте, я все чаще и чаще с грустью вспоминаю Омск, свое детство... Ностальгия. У моего друга есть такая шутка: «Я никогда не прощу Хрущеву то, что он с нами сделал, жили в Сибири, в больших городах, посреди лесов, и вдруг он высылает нас в пустыню». Это шутка, а понять ее до конца сможет лишь тот, кто прошел наш путь.

ОКТЯБРЬСКАЯ, 62

*«В три года
У меня не было прошлого.
В пять –
Моим прошлым было вчера...
В четырнадцать –
Прошлое было таким, как в учебниках.
В шестнадцать –
Я всматривался со страхом
В зыбкие контуры прошлого.
В восемнадцать –
Не знаю, какое время
Сейчас...»*

Сюнтаро Таникава, «Возраст»

●
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
●
ВАЛЕРИЙ ХОТЛИН

Этот адрес был для нас с сестрой как пароль, который нельзя забыть. По этому адресу мы жили в Омске. Дед боялся, что мы можем потеряться. В этом случае мы должны были подойти к взрослым и сказать:

«Дяденьки-тетеньки, я потерялся, отведите меня на Октябрьскую, 62».

Я думаю, что это была боязнь провинциала, сына степей, перед большим городом, от которой дед так и не смог избавиться. Он преувеличивал опасности, подстерегающие детей, как ему казалось, за каждым углом. А потому наше жизненное пространство всегда было ограничено, сначала квартирой, маленькой квартиркой, состоящей из одной комнаты, перегородженной ширмой, в большом деревянном доме, где было множество таких квартир, поэтому дом сзади не имел стены, он весь состоял из дверей: каждая дверь – семья. Одна квартира имела даже две двери: первая, как у всех, – во двор, вторая – «парадная», с большим крыльцом – на улицу. Впрочем, «парадная» была наглухо закрыта, наверное, чтобы другим не было обидно. Над «парадным» крыльцом наш сосед, дедушка Мирон Палыч, по праздникам вывешивал красный флаг, который, по всей вероятности, должен был демонстрировать лояльность жильцов дома к власти, лояльность, которой, впрочем, не было: ругательные слова в адрес Хрущева я настолько привык слышать, что если я слышал имя Никита без соответствующей приставки, – она, приставка эта, добавлялась в моем мозгу автоматически. Люди не любили Хрущева за облигации, за свою трудную, несытую жизнь. Я относился к нему, как к дождю, который идет вне зависимости от желаний людей. А сейчас я его люблю: он первый, сам, возможно, не сознавая того, шатнул колосс тоталитарного государства, он первый...

Оттепель.

Наше жизненное пространство с сестренкой перестало ограничиваться квартирой, а выросло до размеров двора, потом – улицы, но «за угол» ходить было нельзя: «Пойдешь за угол – непременно заблудишься, не найдешь дом». Мало того, нельзя было даже переходить дорогу, это называлось «напротив».

– Мам, можно я пойду напротив?

– Нет, нельзя.

А нельзя было потому, что по улице раз, наверное, минут в десять шел трамвай, и раз в пять минут – машина. Дед очень боялся, что наши пути могут пересечься, причем, аргументы типа: «Я посмотрю, и если далеко есть трамвай, то подожду, пока он пройдет», – не принимались.

А «напротив» было сказочное место, там был дом, только больше нашего, и во дворе этого дома были горки, качели, маленькая карусель мощностью в одну ребячью силу (четверо садятся, один их крутит). В этом доме жил «инженер», это он сделал для детей все эти чудеса. Об этом я слышал от родителей, в голосе их чувствовалось уважение к большому начальнику и хорошему человеку, так в мое сознание вошло слово «инженер». Может, потому я и стал через годы инженером, не утолив, впрочем, тщеславия (ведь мечтал же я в детстве стать инженером!): слово успело обесцениться, как успело обесцениться за эти годы очень многое. Наш двор был проходным, пройдя через него, можно было попасть на склад какой-то стройчасти, так вот, сторож этой стройчасти сделал для нас качели прямо на складе, привязав доску к перекладине навеса, и мы, детвора, не имея возможности попасть «напротив», качались на этих качелях. Когда надоело качаться, мы шли делать «сахар» – подкладывали осколки оконного стекла на трамвайные рельсы перед трамваем, получалось похоже, только есть нельзя; ели зеленую траву, убеждая друг друга, что это зеленый лук, потом немножко блевали. Витаминчиков нам не хватало...

А потеряться я все-таки умудрился: пошел в магазин «за угол» с дедом и сестренкой, они вошли внутрь, а я ждал их снаружи и просмотрел. Когда я понял, что их нет и добираться домой нужно самому, я даже не пытался искать дорогу обратно – настолько точно во мне сидели инструкции: «Октябрьская, 62». Я поступил по инструкции. Незнакомый дяденька вел меня домой, а навстречу уже бежал дед, он, конечно, искал меня. Это один из немногих случаев, когда я оказался один вне разрешенного мне пространства, очерченного двором. Как-то раз меня увели большие ребята «кататься на карусели», посадили на какую-то чертовщину и раскрутили так, что у меня закружилась голова, я упал, разбил себе лоб, потом шел, глотая кровь и слезы (ребята убежали), а навстречу мне бежал дед (как он меня нашел?!). Мне, конечно, очень влетело. Дед отвел меня в больницу, где лоб мне зашили. Об этом событии, конечно, узнал весь двор, и, благодаря этому, я получил адекватное моральное удовлетворение – Наташа Чибунина, наша соседка, спросила, плакал ли я. Я ответил: «Нет», и это была чистая правда. Да, я орал от боли, пока меня не завели во врачебный кабинет, а там я плакать перестал, как мне кажется, от страха перед врачами, их шприцами, щипцами и иглами. Я увидел в них своих страшных инквизиторов. В довершение ко всему, о ужас, дед остался за дверью! Я сцепил зубы, насупился и выдержал процедуру зашивания весьма мужественно для шестилетнего пацана, за что удостоился похвалы врача. Врач не знал, что внутри у меня были сплошь смятение и испуг. Так вот Наташа сказала мне: «Какой ты храбрый, я бы, наверное, орала от страха».

Эта похвала была для меня высшей наградой – ведь я был влюблен в Наташу. Она была старше меня настолько, что даже иногда брала меня на руки, что не мешало мне любить ее почти мужской любовью. Ее лицо было для меня лицом мадонны, идеалом красоты. Правда, я мог влюбиться параллельно и в другую, например, во время поездки в трамвае, увидев красивую девочку или девушку,

я мысленно спасал ее из огня, защищал от бандитов и мог любоваться ею в течение нескольких минут, но она выходила, ее образ оставался со мной еще минуту, и опять все заслоняла собой Наташина улыбка – она была улыбочивая. Я любил ее, несмотря на то, что меня почему-то тянуло к грустным девочкам, в грустных лицах я видел какую-то загадку, которую нужно разгадать. Сколько мне было лет? Пять-шесть. Вспомните хорошенько свое детство. Одно время по стране ходила расхожая фраза: «Секса у нас нет». Тем не менее, он есть при любом строе, он неподвластен идеологии, декретам, приказам, наветам, депортациям и пр. Справедливости ради надо заметить, что позже, когда мы переехали в село Лиман, и я стал чуть старше, я перестал влюбляться так, как в раннем детстве, – то ли сельский воздух действует укрепляюще, то ли сделали свое дело пошлые анекдоты, которые за неимением других были прослушаны мной во время прохождения курса молодого октябренька.

Иногда за пределы «Октябрьской, 62» нас выводила соседка – мать Женьки Крылова. Дело в том, что мы с сестрой Наташкой никогда не ходили ни в ясли, ни в садик – днем все на работе, в школе, в садике, а мы бродим одни по двору. За Наташкой – глаз да глаз: то скатерть порежет – делает бахрому для красоты, то нарвет сорняков и предлагает проходим: «Тетенька, возьмите цветочек». Один раз она предложила «цветочек» милиционеру, я весь напрягся, она не знала, что этого делать нельзя, она не чувствовала того, что чувствовал я через свою ладошку, крепко зажатую в руке деда, она еще не боялась власти... Так вот мы ходили встречать Женьку из садика. А садик, боже, что это был за садик, волшебная страна – чудесные маленькие цветные домики-теремочки с маленькими дверями и окнами как раз под наш рост. Как чудно, должно быть, внутри этих домиков – ведь они такие красивые снаружи! Однажды, когда Женькина мама зашла в здание детского сада, мы с Наташкой со всех ног бросились к этим домикам, забежали внутрь и... О разочарование! Внутри темно, сыро, неудобно. Не раз еще жизнь преподнесет мне подобные разочарования, когда за красивой оберткой ничего нет, или еще хуже, когда внутри лежит отравленная конфета, но это, первое, запомнилось почему-то очень остро. Рядом с ним стоит только одно, испытанное уже в зрелом возрасте, когда с глаз упала пелена и я вдруг понял, что все время жил «над пропастью во лжи», в государстве со лживой моралью и лживой идеологией, в государстве, которое не любило своих граждан, которое посеяло в них вирус человеконелюбия, которое отобрало у людей бога, дав им взамен богоподобных генеральных секретарей – вершителей судеб целых народов и огромный репрессивный аппарат для неверующих в этих богоподобных.

Какая это тоска, проснувшись однажды, понять, что ты рожден вовсе не для того, чтобы строить коммунизм, а для того, чтобы созидать, жить, любить и быть любимым, и нет ничего дороже свободы. О господи, сколько лет уже прожито, сколько души растрачено впустую... Тем первым детским разочарованием жизнь готовила меня к последующим, вырабатывала иммунитет.

А каково тем, кто старше, для кого вера в Ленина и коммунизм – это сама жизнь! Я не имею в виду тех, кто вел за собой, – больших и малых вождей, система научила их лгать, менять шкуру, перекрашиваться и перестраиваться, таким образом находиться всегда на поверхности, я имею в виду миллионы простых людей, ведомых этими поводырями. Одни из них и сейчас продолжают идти под красными знаменами в никуда, другие замкнулись и ушли в

себя, никому и ни во что уже не веря, трети вообще остановились в растерянности, потеряв ориентиры в жизни. А мое поколение – те, кому в большей степени адресованы эти строки, оно как бы осталось на обочине. Мы не успеваем за молодыми, хваткими, оборотистыми, за теми, кто ринулся строить капитализм, расталкивая друг друга локтями и отбросив все нормы морали, как ненужную в жизни шелуху. Мы не существуем для них, мы – отработанный материал, пустая порода. Сколько талантливых сверстников ищут истину в вине, сколько прозябает на ничтожной работе, совершенно не адекватной их потенциалу, сколько вообще без работы и средств к достойному для человека существованию...

Мы, дети Сибири, адаптировавшись на родине предков своих, подготовили ее для того, чтобы принять новое поколение родившихся в Калмыкии, мы обжили ее, мы притирались к другим национальностям, мы сначала научились жить с ними в мире, а потом и в дружбе. Мы несли свою миссию как крест, не замечая этого. Но прошли годы, настало время оглянуться назад и осознать...

Но, кажется, я сделал слишком большое отступление и настало время вернуться на Октябрьскую, 62.

МЫ ИДЕМ В КИНО

*«О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою не быть!
Тогда благословить за счастье можно б небо!»*

Омар Хайям

О том, что мы идем в кино, дед сообщал нам заранее. Обычно он говорил так: «Я пошел за билетами». Это значило, что он скоро вернется, возьмет нас с Наташкой за руки, и мы пойдем в кинотеатр. Но перед этим дед будет долго одеваться, долго потому, что ему нужно спрятать под свой китель доску, обыкновенную доску длиной сантиметров шестьдесят. Дед пристраивает ее долго и тщательно, потом несколько раз пройдет перед нами, хитро улыбаясь. И, наконец, спросит: «Не заметно?»... И только когда он убедится в том, что доску действительно не заметно, мы не спеша пойдем в сторону кинотеатра. Не спеша потому, что по дороге нам нужно остановиться и попить газировки с сиропом, не из-за жажды, а как лакомство и, если повезет, дед купит нам по мороженому, вкусному мороженому, которое продают на развес в вафельных стаканчиках и которое нужно лизать, так оно долго не кончается, так научил нас его кушать дед. Мне больше никогда не пришлось есть такое вкусное мороженое, как в Омске, наверное, потому, что я научился откусывать его и жевать, вместо того, чтобы лизать его языком, как учил меня дед.

Ах да, о доске... Вы не догадываетесь, для чего нужна доска в кино? Мы садимся в зале, в одном кресле – дед, в другом – мы с сестренкой. Гаснет свет, и тогда дед достает из-под кителя доску и укладывает ее на ручки кресла, а нас с сестренкой усаживает сверху, мы сразу становимся одного роста со взрослыми и нам никто не загораживает экран.

Если быть точным, то такое лакомство, как мороженое, доставалось нам

нечасто, даже не в каждый поход в кино. Дед покупал нам мороженое с полочки, кроме мороженого, он приносил нам маленькие подарочки, однажды он подарил мне вилочку, из-за которой мы с Наташкой подрались во время еды, пришлось ему на следующий день купить Наташке такую же. Эта вилочка хранится у меня в ящике рабочего стола, иногда я достаю ее и вспоминаю деда...

Мне почему-то уделяли больше внимания, чем сестренке. Помню, что в наборе игрушек преобладали мальчишечьи – пожарные машины, самолеты и прочее. Однажды мать повела нас в магазин и сказала, что денег у нее только на одну игрушку. Наташа долго бегала между куклами, пупсами, собачками и наконец выбрала игрушечную водокачку. Но последнее слово было за мной. «Вертолет», – сказал я, нахмутив брови, и, конечно, был куплен вертолет. Так и не пришлось Наташе поиграть водокачкой.

Я рассказал вам о маленьких праздниках, которые праздновали мы, дети, посещая кино или получая подарки. Иногда праздники устраивали для нас гости, баловавшие нас лакомствами. Вообще, понятие «гости» в Омске для нас было несколько отличным от общепринятого сейчас. Наш дом в Омске не бывал без гостей.

ГОСТИ

*«Думали: нищие мы, нет у нас ничего,
А как стали одно за другим терять...
... Начали песни слагать
О великой щедрости божьей
Да о нашем бывшем богатстве».*

А. Ахматова, из книги «Белая стая»

В Сибири калмыки жили, в основном, в селах, поэтому в Омске жило немного семей калмыков. Когда ссыльные единокровные братья приезжали в город, конечно, они останавливались у калмыков. Родство, знакомство или незнакомство не имели значения, всех принимали как близких родственников. У нас всегда кто-то жил, всегда на полу, на ночь были расстелены матрацы, и на них спали знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди, одни приезжали или приходили чаще, другие реже и поэтому почти не запомнились мне, но был среди них один гость, приход которого был праздником.

Дядя Кича. Он всегда приходил рано утром – привычка сельского жителя начинать все дела только с утра, даже визиты. Я просыпаюсь от того, что его холодная рука щекочет меня под одеялом, я смеюсь, вырываюсь, но выскочить из-под одеяла не могу – стесняюсь, потому что сплю без трусиков. Открыв глаза, вижу смеющееся лицо Кичи, смеяться он умел удивительно, каждой морщинкой, его узкие глаза в этот момент тоже казались морщинами. В зубах у него дымится папироса, на столе пачка папирос, а рядом, конечно же, несколько стаканчиков мороженого. Он видит мою мальчишескую радость и счастлив от этого больше меня. От Кичи пахнет дешевым

одеколоном и папиросами, а сам он кажется пришельцем из другого, беззаботного и веселого мира, мира счастливых и добрых людей, «где не бывает зимы, где всегда весна». Кича кажется мне очень красивым. «Орел, орел...» – думаю я. После Сибири я видел Кичу всего несколько раз. Первый раз в Астраханской области, в селе Зензели Кича работал на станции, жил в маленькой комнатухе, там он носил форму с золотыми пуговицами, у него была русская жена. Когда зашел к нему, они играли с женой в карты, на кровати валялось несколько бутылок вина. У нас в доме никогда не было карт. Игра в дурака показалась мне интересной и захватывающей, женщина – красивой. От Кичи пахло вином и папиросами. «Орел, орел...» – подумал я.

Через несколько лет Кича заезжал к нам в Элисту, он стал ниже ростом, был плохо одет, некрасив, от него пахло вином, папиросами и потом...

Я уже говорил о том, что плохо помню других гостей, но мне запомнилось, как мы садились все вместе за стол у общей сковородки: чем богаты, тем и рады. Потом вместе пили чай и гости, эти чужие люди, ощущались своими, одной семьей. А сегодня, когда я прихожу в обед домой и натыкаюсь на пустые кастрюли и грязные тарелки на кухне, но вижу друзей сына, я гашу раздражение: мой сын угостил друзей, ему доставляет это удовольствие, он хочет угощать друзей. Таким должен быть мужчина – гостеприимным, хлебосольным, он должен уметь дружить, это не каждому дано, как не каждому дано быть мужчиной...

ДЕД

*«Когда заходишь в комнату,
Не сразу замечаешь
Лежащий там лимон.
Пронзает боль – но лишь потом
Находишь рану.
Как страшно, что всегда бывает
Слишком поздно».*

Таро Китамура

Когда нас выслали в Сибирь, он не взял с собой ничего из вещей, даже самого необходимого, ему было уже за пятьдесят и они с бабушкой несли на носилках свое единственное сокровище – одиннадцатилетнего сына, который был в бреду (у него был жар), а они несли его зимой в товарный вагон. Один из начальников, пнув носилки, сказал деду: «Брось его, все равно сдохнет по дороге, возьми лучше еды». Но отец выжил, родил меня и, даст бог, наш род не переведется. У деда была еще дочка, сестра отца, но она умерла в детстве, родной брат его утонул, не оставив детей; сын – это все, что у него было.

А в жизни он повидал много. Вступил в 18-м году в ВКП(б), был в числе идейных большевиков, верил, видимо, в революцию (если бы он мог только предположить, что его партия сделает впоследствии с его народом), занимал ответственные посты, был даже заместителем главы правительства калмыцкого трудового народа, когда правительство находилось в Астрахани, почувствовал

вкус власти (это я понял по его рассказам), потом был осужден по какому-то обвинению – навету, приговорен к расстрелу, отсидел несколько лет в тюрьме, откуда его освободили, не оправдав, не сняв обвинения. Словом, повидал...

Еще до революции дед получил какое-то образование в Астрахани, знал хорошо русский язык, говорил без акцента. Это его небольшое, я думаю, образование дало ему возможность занимать большую для калмыка должность в Сибири – он работал ревизором в банке.

Дед был моим главным воспитателем, даже имя мне дал он. Русское имя. Наверное, он думал о моей будущей жизни. Он понимал, что нация сослана и разбросана по всей Сибири и Дальнему Востоку для того, чтобы ее не стало...

Он болел за свой народ больше, чем за себя. В 53-м году он ездил с небольшой делегацией калмыков из Сибири в Москву на похороны Сталина с венком и надеждой попасть в высокие кабинеты: напомнить о том, что есть такой народ, незаслуженно оскорбленный, он знал, что все может перемениться только со смертью вождя. Позже, уже в селе Лиман, которое отошло к Астраханской области, он все хлопотал, ездил по области, собирал подписи и вел свою статистику для того, чтобы аргументировано обратиться с просьбой вернуть в состав Калмыкии два калмыцких района. Два года он потратил на это безнадежное дело, а когда был предупрежден в «органах», продолжал свою работу, только уже тайно. Когда дед, наконец, понял, что плетью обуха не перешибешь, он стал решительно собираться переезжать. Мы уже прижились в Лимане, завели хозяйство, посадили сад, благоустроили подворье, но дед сказал: «Едем в Элисту, жить нужно в Калмыкии». Его слово – закон. Таким образом он определил дальнейшую судьбу нашей семьи. Помню, мать не хотела уезжать: жалко было нажитого хозяйства. Дед, наверное, тоже не хотел ехать из родного села, но он знал: так нужно. Он определял судьбу...

В Омске он рассказывал мне, что у нас был большой дом в Лимане, у знакомых остались наши вещи, в их числе огромный ковер, очень дорогой, он не умещался на стене и поэтому еще и закрывал собой пол в комнате, а на ковре летит тройка удалая, дед так и говорил: «Тройка удалая...». Это звучало так поэтично, глаза его при этом блестели, он любил лошадей. Дед не умел рисовать, но кони под его карандашом получались изумительные, будто это рисунок профессионального художника, как жаль, что у меня не сохранилось ни одного его рисунка! Однажды я беседовал с пожилым мужчиной, и тот, узнав мою фамилию, спросил: не приходится ли мне родственником бывший председатель Яндыко-Мочажного улуса (так раньше назывался Лиманский район)? «Это мой дед», – ответил я. И мой собеседник рассказал следующее:

– Мы, мальчишки, издалека видели, что скачет председатель, и со всех ног бежали к райисполкому, чтобы увидеть момент подъезда: твой дед пускал лошадь в галоп, а у крыльца поднимал ее на дыбы. Лихо у него получалось!..

Знакомые, те, у которых хранились вещи, писали деду в Омск, поздравляли с праздниками, сообщали о том, что вещи его в целостности и сохранности, но как только мы переехали в Лиман, они, знакомые эти, тихонько уехали

в неизвестном направлении, прихватив вещички. Так что тройку удалую я так и не увидел. «Черт с ним, с ковром, – сетовал дед, – но портрет, портрет бы оставили, это ведь память». Что это был за портрет, я не знаю до сих пор.

А дом наш в Лимане дед мне показал. Там жили чужие люди, и для того, чтобы проникнуть во двор, дед прибегнул к хитрости: он повел меня задами. Зады – это пространство с тыльной стороны дворов, оно используется как скотопрогон, но ходить задами можно, как по улице. Мы подошли задами к уже не нашему дому, и дед начал стучать в калитку.

– Чего надо?

– Мы заблудились, хотим пройти на базар.

– Так это вам кругом надо.

– Пустите через двор, тут ведь базар рядом.

Нас пропустили. Дед, как всегда, вел меня за руку.

– Запоминай, Валера, вот дом, где родился твой отец.

Какие чувства испытывал при этом дед? Страшно представить. Сейчас я знаю: все это он делал для меня, он должен был показать мне наш дом, Я видел настороженные глаза новых хозяев. Рука деда сжимала мою ладошку, и я чувствовал, чувствовал...

Дед везде брал меня с собой. Помню, он повез меня из Омска в гости к моему дядюшке в Ленинград. Дядя Одля (тогда он был дядя Павлик) был двоюродным братом моего отца по матери. Во время войны он был старшим офицером, закончил войну в Австрии, остался в кадрах, был направлен на службу в Ленинград и таким образом не попал в ссылку. Он приезжал к нам в Омск, немного погостил, забрал свою мать, которая жила с нами, женился на калмычке тете Лиде и вернулся в Ленинград. В Ленинграде дед старался показать мне как можно больше: он возил меня в Петродворец, зоопарк, показал Аничков мост. Потом эта поездка в Ленинград здорово прибавила мне авторитет среди пацанов, когда мы собирались вместе, рассказывали друг другу разные истории, правдивые и не очень, а некоторые и совсем завиральные, частенько стоял вопрос: кто где успел побывать, в каких городах.

– Я был в Астрахани, у Одля в Каспийском.

– Подумаешь, Астрахань, в Астрахани все были, а Одля и вовсе не город.

– А я был в Пятигорске.

Пятигорск – это да, взгляды пацанов обращены на мальчишку, сподобившегося посетить Кавказ. И тут в разговор вступаю я:

– А я был в Астрахани, в Омске и в Ленинграде.

Наступала пауза.

– Брешь.

– Не брешу.

– Чем докажешь?

– Там есть такой мост, а на нем статуя: как мужик коня укрощает.

Кто-то из старших ребят говорит:

– Есть такой мост...

– Расскажи.

И я рассказываю.

Дед брал меня с собой по совхозам, поселкам, где он навещал родственников, знакомых и друзей. Они, друзья деда, дарили мне кто овечку, кто козу, по моему, с подаренной мне козы началось наше хозяйство в Лимане. Запомнилось мне, как дед брал меня с собой в Астрахань – город своей юности. Там он учился,

работал и жил. Он знал этот город и хорошо ориентировался в нем. Мы ходили по городу пешком, он показывал мне какие-то дома и рассказывал, что было в этом доме, а что – в этом, помню, что мне было совсем не интересно, я устал и хотел есть. Дед заметил это:

– Хочешь отдохнуть, сынок? Сейчас пойдем к двум бабушкам. Мы стучим в дверь деревянного дома, где-то в центре города. Нам открывают и...
Какая бурная встреча:

– Санджи-Гаря!

На пороге две бабушки, они обнимают деда, целуют.

– Проходи, Санджи-Гаря. Сколько лет прошло? Пятнадцать? А это кто? Внук?! Так ты – дедушка!

Они теребят его, целуют меня.

– Как тебя зовут? Валера? Очень хорошее имя. Сколько тебе лет? Восемь? Санджи-Гаря, а внук похож на тебя!

Нас сажают за стол, и идет беседа, непонятная и неинтересная для меня. Меня больше интересует жирный кот, который улегся у моих ног, лениво подергивая ушами и зевая.

– Его зовут Барсик, хочешь покормить его? Возьми колбаску.

Мне дают несколько кружочков колбасы. Кот нюхает ее и презрительно отворачивается. Меня это поразило: я впервые видел кота, который не ест колбасу. В Лимане колбаса для нас была роскошью. И коту я дал ее из вежливости, чтобы не обидеть бабушек, а он взял, дурак, понюхал и не ест! Чертов кот, он перестал меня интересовать.

Бабушки живут одни. На тумбочке, на диване, на радиоприемнике – везде вышитые белые салфеточки, в квартире ни пылинки, все блестит и смеется. На стене фотографии в рамочках. Вдруг на одной из фотографий вижу молодого деда. Кем были для него эти бабушки или одна из них? Этого я никогда не узнаю. Дед уезжал в Сибирь еще нестарым, а в жизни мужчины редко бывает одна женщина. Но я знаю, что в этом доме всегда помнили деда и ждали его, а это дорогого стоит. В эту поездку дед катал меня на теплоходе в каюте первого класса, в мягкой каюте, как называл ее дед, я бегал по кораблю, прятался, перелезал через перила палубы и совсем измотал деда.

Моя бабушка Бося умерла в Сибири, когда я был еще очень маленьким. Она все время болела, почти не вставала с постели, стресс, полученный ею во время ссылки, надломил ее. Немного найдется калмыцких семей, не оставивших в сибирской земле своих близких. Дед был для нас дедушкой и бабушкой одновременно. Он служил громоотводом, когда родительский гнев обрушивался на меня за какие-нибудь шалости или за плохие оценки в школе – дело в том, что чернильница-непроливайка становилась в моих руках «проливайкой», причем проливалась она не куда-нибудь, а именно на тетрадь по чистописанию, которая, по идее, должна быть самой чистой, а слова я долгое время настырно писал не так, как положено по грамматике, а так, как слышал. Однажды, когда количество двоек, полученных мной, уже превысило критическую точку и в довершение ко всему я получил единицу за слово «сцепилсь», которого, по мнению моей учительницы, не было в русском языке, я, сознавая невозможность своего возвращения домой, думал о том, что Чуку и Геку повезло – их отец работал на Севере и им было куда бежать из дому, а мой отец не на Севере, мало того, он сейчас дома и наверняка потребует на проверку тетрадь. Я вспоминал Чехова, его Монтигомо Ястребиный Коготь, с горечью сознавая, что до Америки мне также не добраться.

«А уйду в бродяги, вернусь через десять лет, старый, небритый, вот тогда они пожалеют, что ругали меня за двойки. А может, и совсем не вернусь, хоть и жалко их...» – и тут к горлу подступил ком. Но план уже был готов: пробраться ночью домой, набить портфель продуктами и в путь... Но я не брал в расчет деда: он умел меня разыскивать в самых немислимых местах. Нашел он меня и сейчас, вырос из-под земли, как джинн из волшебной лампы Алладина:

– Валерка, ты почему домой не идешь, наверное, опять двойку получил? Пошли, двойка – это ерунда. На улице темно, скоро ночь.

В ответ я только горько качаю головой.

– Да ты никак кол получил?

Милый старик, как ты сумел догадаться? Кол, такой оценки не было, я получил ее в порядке исключения. Низшей оценкой была двойка, но кол!.. У меня самого не хватило бы сил сообщить об этом. Я молчу, горестно кивая головой...

– Пошли, домой-то все равно идти надо.

Ком, стоявший у горла, прошел, с дедом идти домой не страшно, а самое главное, – уже не нужно уходить в бродяги.

Дед никогда не пил водки, с полочки или пенсии он покупал себе бутылку вина, любил кагор, и этой бутылки ему хватало до следующей полочки. Выпив рюмку вина, дед иногда пел:

*Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Заехал купец коней напоить
И вздумал купец людей удивить...*

И еще:

*Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда –
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без следа...*

Дед поет и веселеет не от вина, а от песни и от каких-то своих воспоминаний, которые эта песня навеивает. Он до сих пор воспитывает меня своим отношением к жизни, к своей судьбе, которая, действительно, то возносила его высоко, то бросала в бездну... А он все время просто жил, любил людей, обожал внуков и никогда не сетовал на свою судьбу. Материальные блага, деньги и прочее не были для него главными, и, я думаю, поэтому он был счастлив...

В Лимане он первым делом повел меня в библиотеку и записал на абонемент по своему паспорту, он хотел, чтобы я читал. И, может быть, именно благодаря ему книга стала для меня жизненной необходимостью. Он позаботился и о том, чтобы я не отставал от местных мальчишек – он научил меня играть в альчики. Это калмыцкая игра, в которую наши мальчишки уже не играют, игра косточками из бараньих суставов. Эта игра была, по сути дела, азартной: играешь на косточки, но если проиграл – альчики можно купить за деньги. Помню, проиграв, я сидел и с завистью смотрел на играющих мальчишек, вдруг как всегда, когда он мне нужен, на улице появился дед.

– Деда, дай мне денег, я хочу купить альчики.

Дед дает мне деньги:

– Проиграл? Это ничего, играй. Но постарайся выигрывать, – дед понимал, что азарт в жизни необходим так же, как перец в остром блюде.

На следующий день дед протянул мне несколько альчиков с высверленными в них отверстиями, со словами:

– Ты проигрываешь потому, что у тебя слишком легкие альчики, эти я залил свинцом.

Играть стало веселей.

Дед смастерил мне удочки, в Лимане все мальчишки – рыбаки, и я пропадал на речке.

– Покупные, – с завистью говорили мне мальчишки, глядя на мои снасти.

Дед дождался меня вечерами с рыбалки и варил из моего не ахти какого улова уху.

– Сам наловил, сам должен покушать, – приговаривал он, наполняя мою тарелку.

Однажды во время рыбалки ко мне прибежал знакомый мальчишка.

– Валерка! Беги скорей на канал, там твой дед удит, уже во-о-о-т такенного сазана поймал, – руки мальчишки раскинулись, как крылья.

Быстрой, быстреей смотать удочку и бежать к деду! Сазан считался очень хитрой рыбой и поймать его на удочку не каждому удавалось, сазан может облизать червя, оставив крючок совершенно голым, так и не клонув. А поймать во-о-о-т такенного!.. Такой, если даже попадетя, порвет леску и уйдет. Я бегу со всех ног: рыбак бежит к другому рыбаку порадоваться его удаче. Вот он, дед, сидит на бережочке, а в воде на кукане у него не один, а два сазана, килограмма по четыре каждый.

– Деда, ты поймал таких сазанов! – радостно кричу я.

– Еще один ушел, во-о-о-о-от такой! – и дед взмахивает руками, как мальчишка. – Килограммов на десять был кабан, откусил крючок!

Дед завирает, но я верю и искренне жалею о том, что не придется нам пройтись по селу с таким огромным сазаном, на зависть всем рыбакам. Глаза у деда блестят, точно он выпил рюмку кагора и поет свою песню про удалого купца. На седьмом десятке он умел радоваться совершенно по-мальчишечьи. Мы идем по селу, и я гордо нес улов.

– Деда, а пойдем вокруг, по другой улице.

– Зачем?

– Больше людей увидит.

– Что ж, пойдем, пожалуй.

Таким он мне чаще всего и вспоминается: веселым, все понимающим другом. И в Омске, и в Элисте к нему постоянно ходили люди – просили составить письмо и похлопотать о чем-то, что-то выяснить. И он писал, хлопотал, выяснял. В Элисте к нему часто приходил друг юности, дед звал его Эльдяшка.

– Деда, к тебе Эльдяшка пришел, – кричу я.

– А, проходи, Эльдяшка, проходи, – они садятся с дедом за стол, усаживают меня рядом, мы пьем чай. Эльдяшка ласково расспрашивает меня о школе, о моих делах. Когда я встречал его на улице, я бежал навстречу.

– Здравствуй, Эльдяшка!

– Здравствуй, здравствуй, – улыбался старик.

Через несколько лет (деда уже не было с нами) я увидел в газете портрет Эльдяшки в траурной рамке: «На ...году жизни скончался видный партийный и государственный деятель Надбитов...».

– Эльдяшка умер, – заплакал я.

Он так и остался для меня Эльдяшкой, моим и деда другом.

Перелистывая старые документы, я перелистываю жизнь деда. Что он видел? В детстве он остался без отца и пошел в жизнь самостоятельно; война, революция, во время которой он был большевиком, ему пришлось прятать свою семью от белых на острове, их кто-то выдал, мать схватили. Ее держали в тюрьме, пытали, несколько раз имитировали расстрел, хотели узнать только одно: где скрывается сын. Ничего не сказала им моя гордая прабабушка Цаган. Но и прожила после этого недолго. Победила революция, и уже красные заточили в тюрьму деда. Правда, после освобождения у него было несколько лет относительно спокойной жизни, ему опять стали доверять руководящие должности. Он успел жениться, родился сын, а тут опять война, высылка, Сибирь, дорога назад, мыкание по баракам, квартирам. Омск – Каспийский – Лиман – Элиста, на старости лет у него не было своего угла. Сколько таких, как он? Оглянитесь назад и низко поклонитесь своим дедам, прадедам, отцам. Их было десятки тысяч, разделивших судьбу моего деда, их было целое поколение.

Если бы дед был жив сейчас, он бы и сейчас подсаживал нас на ручки кресел, чтобы никто не мог загородить нам экран, оберегал и предостерегал, учил...

Мы похоронили его в Элисте в 1964 году.

Он смотрит на меня из своего далека, я чувствую, чувствую...

МАТЬ

*«Я прежде не читал твоих морщин,
Не знал, насколько тяжелы твои ладони.
Но свет твоей любви или твоих седин
Меня будил всегда, как свет на небосклоне
... Сегодня разберу я сеть твоих морщин
И подниму твои тяжелые ладони.
И свет моей любви или моих седин
Тебя разбудят, как заря на небосклоне».*

В. Райсел, «Письмо матери»

Жила в городе Омске русская девочка Маша. Имела отца, мать, сестер и братьев, жила, не тужила, играла в куклы и в классики, но... Не удалось доиграть, война началась. Ушел на фронт старший брат, потом отец. Потом пришла на брата похоронка, а на отца – бумажка, что пропал, дескать, без вести. Мама девочки после этого немного умом тронулась, потом, правда, отошла, поправилась, а в ту пору некому стало в семье работать, некому семью кормить.

И спрятала Маша свое свидетельство о рождении, пошла к врачам, да и добавила себе три года. Посмотрели на нее врачи: «На вид десять, а говорит, что шестнадцать», – но поверили, впрочем, на слово. И получила она от врачей справку, и пошла с этой справкой работать. Работа была тяжелая, не девичья, да и не женская, мужская была работа. Уставала она очень, работала как мужчина и даже выколола на груди татуировку: «Нет в жизни счастья». Но зато получила она рабочую карточку, и хлеба в доме стало больше. Так и перекаптовались в войну.

А после войны старший брат вернулся. Оказывается, он все это время в госпитале без памяти лежал. И про отца другое письмо пришло – «скончался от тяжелых ран в госпитале...». Откуда-то из Белоруссии (не помнит мать откуда письмо было, из какого города). Куда ехать, где искать его могилу? Сейчас, наверное, и вовсе уж ее не найти.

Однако шло время, жизнь потихоньку налаживалась, стала девчонка девушкой. Вот уже и с парнем стала встречаться, с курсантом военного училища, он уже и с родителями своими познакомил, и пожениться они решили. А родители осмотрели ее с ног до головы, общупали, в зубы заглянули:

– Ну что ж, Мария, ты нам подходишь, правда, необразованная ты и одета бедновато, но зато красивая. Мы тебя приоденем, приобуем и учить будем на врача – не годится офицерской жене неграмотной быть.

Но тут события круто повернулись: вечер отдыха в училище наметился, пообещал курсант зайти за ней и повести на вечер, но не пришел. А на другой день подруга прибежала и рассказала, что протанцевал он весь вечер с другой. Легла Маша лицом к стене, день лежит, другой. А сестра вокруг нее ходит, не знает, как ее развеселить. А потом и говорит:

– Слушай, Мария, я тебя сегодня с таким парнем познакомлю, сразу про своего курсанта забудешь.

«А познакомь, – думает Маша, – назло ему познакомлюсь».

И повела ее сестра в театр (она в театре работала), и познакомила там с моим отцом.

Назло-то назло, но в самом деле заинтересовал ее этот нерусский парень. Погуляли они в первый вечер, пошли в кино. Только Маша садится в кресло, – «Подожди, Маша, не садись», – говорит отец. Достал носовой платок и кресло протер, только потом усадил, чем очень удивил Машу, курсант такими манерами не блистал. Фильм начался, а отец ей – конфетку. Вроде и девушка уже, а сладкого хочется больше, чем ребенку, в детстве сладкого недоедено. И гулял он с ней под ручку такой предупредительный, галантный и совсем на других непохожий. И перестала замечать она, что он нерусский, а увидела, что он красивый и сильный. Несколько дней всего прошло, а она влюбилась по уши и любила его потом всю жизнь, как говорят, до гроба. (Так говорят, думая о том, что так не бывает. А так было).

А с курсантом незадача получилась: обманула Машу ее подруга, из зависти. Не танцевал он с другой весь вечер, а даже совсем наоборот, танцевал он со шваброй и тряпкой на гауптвахте и в тот вечер, и в последующие за то, что бегал в самовольные отлучки к своей, как он считал, невесте Маше. Вышел он с гауптвахты и давай искать Марийку, а ее нет нигде, она с Герой все вечера. Стал он ее возле дома караулить, дождался, а Маша бежит со свидания с конфетами в кулечке и букетом цветов, а надо сказать, курсант ей цветов не дарил – зачем, ведь родители обещали и одеть, и выучить. Ну вот, бежит она, а навстречу – курсант, упал на колени:

– Марийка, вернись ко мне!

Какое там вернись, когда, кроме Геры, она уже и не видит никого.

– Нет, не вернись, – только это и сказала и бегом домой, а дома сестра: «Ну, как вы там? Расскажи. А ты что? А он что? Ты, цветы...» И такие расспросы каждый день, а сестра как будто сердится на что-то, и непонятно, на что. Только потом Маша поняла, что Гера ей самой нравился, только боялась

она, что он больно нерусский, на других не похожий. А когда увидела, что у Маруси и Геры все хорошо, ревновать начала. А уж когда они пожениться решили, и вовсе запрещать стала: «Нельзя, зачем кровь смешивать!». Но поздно уже было. Любовь, когда она взаимная, сильнее всего.

Мать рассказывала мне, как отец в первый раз привел ее в дом своих родителей. Они допоздна гуляли, и он даже не сказал ей, что ведет к родителям, чтобы не пугать, наверное, а сказал:

– Давай зайдем к моим дяде и тете.

Постучал в дверь, в доме уже спали, наконец, зажегся свет, и за дверью спросили:

– Кембе?

– Би, – ответил отец.

Мать удивленно посмотрела на него: она до этого даже не задумывалась о том, что у Геры есть еще какой-то свой, родной язык.

– Гера, это по-какому?

– По-калмыцки.

В доме засуетились, из-под кровати (сервантов и буфетов еще не нажили, ведь уезжали ни с чем) было извлечено варенье, блюдца, чашки: их ждали, но, не дождавшись, легли спать.

Так она в первый раз пришла в семью, чью фамилию потом носила всю жизнь.

Потом, живя в этом своем новом доме, она родила нас с сестренкой, неожиданно для себя таких нерусских и не похожих на нее. Живя в семье калмыков, она постепенно прониклась болью и трагедией этого народа, в конце концов, сама, став его частичкой. Нельзя сказать, что процесс притирки прошел совершенно безболезненно. Ей было многое непонятно и непривычно в быте и укладе своей новой семьи. Питалась семья традиционно по-калмыцки: если есть мясо, то максимум мяса и минимум специй в блюде (это, конечно, когда были деньги на мясо, а, как правило, в меню преобладала традиционная сибирская картошка). Как-то мать задумала сделать сюрприз – сварить семье борщ. Покачали головой калмыки, вздохнули:

– Только мясо испортила, Маша, зачем траву в суп бросать.

Впрочем, постепенно привыкли к ее кухне, отец даже настолько, что не мог у чужих есть:

– Ну, все не такое, – говорил он.

Пока мы с сестрой были маленькими, мать сидела с нами дома безвылазно. Но вот однажды, улучив минуту, убежала на базар за продуктами. Вернулась, на нее смотрят сурово:

– Где была?

– Да на базаре же.

Взял отец у нее из рук сетку, да и выбросил ее через забор. «Вот это да! – думает мать. – Хотела ведь как лучше...» А однажды такой случай приключился: был в нашем дворе петух, красавец, ходил гордо, пас своих кур и считал, наверное, двор своим. По этому поводу у меня с ним возникали разногласия и мы с ним друг друга недолюбливали: он меня за то, что я ходил по его территории, а может, кур своих ревновал, дурак, а я его за то, что был этот петух ужасным драчуном, не давал мне проходу. Роста мы с ним были одного, а духа у петуха было поболее – только я появлялся во дворе, сразу он начинал на меня насканкивать, теснить и, надо сказать, единоборства эти заканчивались, как правило, в

его пользу. Однажды мы шли с мамой домой, петух тут как тут, я спрятался за мать (она уже открывала ключом дверь квартиры).

– Ты что, петуха боишься? Ну-ка, возьми веник да прогони его.

Взял я веник и погнал петуха. Это был мой триумф: петух бежит, а я с веником за ним, загнал его в тупик, помахал еще немножко веником для острастки перед его носом и с чувством исполненного долга пошел назад, тут-то он и запрыгнул ко мне на плечи, расклевал голову, я даже сознание потерял, зато получил еще один жизненный урок: первое, никогда не слушай советы женщины, даже если считаешь ее мудрее себя; и второе – никогда не поворачивайся спиной к врагу, даже если считаешь его побежденным... Очнулся я на постели, с повязкой на голове. Запомнились мне суровые лица моих отца и деда (что ж ты, русская женщина, недосмотрела за мальчишкой) и виноватое лицо матери.

Петуха этого наш сосед, дедушка Мирон Палыч, зарубил, а жалко – знатный был петух...

А однажды мать даже хотела уходить от отца – нашла у него в кармане письмо с объяснениями в любви. Засобираала нас... Но дед сказал так:

– Ты, Маша, оставайся, живи с нами, пусть он уходит, – это он про отца. А куда ему уходить, отцу-то, из своего дома, от своей семьи? Дед к маме относился очень хорошо, не велел при ней говорить по-калмыцки, чтобы не создавать ей дискомфорта, а когда отец повышал на мать голос, дед всегда заступался за нее. Так и жили.

Время шло. Скончался вождь. Наступил 57-й год, год возвращения калмыков на родину. И как в песне поется, были сборы недолги...

– Куда едем, папа? – только и спросила мать деда.

– Домой, Маша, домой.

И поехала она, оставив родной город, мать, сестер, братьев, молодость свою оставила, городскую жизнь. Потом, сколько помню, трудилась она не покладая рук, работы хватало. Приехали мы сначала в Каспийский. Продуктов в магазинах нет, без подсобного хозяйства не прожить, а где его держать, если ни кола, ни двора. А была у мамы к тому времени специальность – почтовый оператор (закончила она училище связи), работа непыльная, да надо было семью чем-то кормить, и пошла она на тяжелую работу, на рыбоконсервный завод. Рыбу приносила оттуда, икру покупала. Я плакал даже:

– Опять икра. Не хочу...

Потом, в Лимане уже, научилась городская девчонка и кизяки собирать, степной уголь, и коз доить. Когда дали нам недостроенный особняк, красила, мазала, белила, огород посадила, сад, и сад сразу прижился. С живностью управлялась не хуже деревенских.

Была у нее еще курочка ряба. Я, когда потом сказку прочитал про черную курицу, все время ее, мамину курочку, представлял. А дело было так. Бежала мама на работу рано утром, еще темно было. Вдруг видит – бежит собака, а в пасти цыпленка тащит.

– А ну-ка брось! – крикнула мать.

А собаки в деревне – полусобаки-полуволки, вроде и боятся человека, но смотрят снисходительно, особенно ночью, дикие собаки. Остановилась собака, цыпленка не бросает, мать в нее камнем, та бросила цыпленка, отошла, мать дальше идти, но оглянулась, а собака опять к цыпленку подходит.

Вернулась мать, подняла цыпленка, он еще жив. Принесла его домой, несколько дней отхаживала, изо рта кормила, выходила. Вырос этот цыпленок в курочку. И такая это была курочка – как собачка, но только мать признавала. Мать только на крыльцо, а курочка со всех ног бежит к ней и трется у ног, ходит вокруг. Мать – в дом, курочка за ней, ходит по комнатам, только что не говорит: «Маша, я тебя люблю».

И в благодарность что ли стала эта курочка такой несущкой: что ни день – то яйцо снесет, бежит к матери, кудахчет, рассказывает. Выходила она матери цыплят. Гордо водит их по двору. Цыплята подросли, сами нестись начали и, по-моему, эта курочка тоже очень гордилась: «Вот как, Маша, я тебя отблагодарила».

Потом, когда мы переезжали из Лимана в Элисту, коз зарезали, а кур мама пожалела, скотили ящик и повезли их с собой. А где держать? Опять ведь по чужим углам жили. Пришлось их отдать. Так и расстались мама и ее верная курочка ряба.

Так в переездах да в тяжелом труде прошла молодость матери. Не заметила, как внуки уже подросли, не заметила, как сама стала калмычкой, Когда моя дочь получала паспорт, в графе «национальность» попросила записать: «калмычка», она ведь и вовсе уже на четверть калмычка. Я паспорт маме показал.

– А как же иначе? – строго сказала мать. – Дед у нее калмык, бабка тоже, – это она себя имеет в виду, – как же иначе?..

Сколько таких женщин было? Очень много. Смотрю я в глаза матери, на ее натруженные руки, и меркнут в свете ее глаз рассказы о женах декабристов.

1958 ГОД

*«...Мы целовались и целовались,
Но мечта все равно погибнет».*

Сюнтаро Таникава, «Мечта»

Мы уезжали из Омска. В доме разговоры только об этом. Я взволнован и счастлив: вот оно, сбылось! Без сожаления прощаюсь со своим двором и домом, с улицей и кинотеатром; прощаюсь с мороженым, городской жизнью, соседями, двоюродными братьями, родственниками. Жаль только расставаться с Наташей Чибуниной. Она тоже грустна, глаза у нее на мокром месте. Она устала: я без конца прошу ее покрутить меня, взяв сзади меня под мышки и приподняв, вращаться вместе со мной вокруг себя. Она уже отказывается это делать, но я со свойственным всем мужчинам эгоизмом, чувствуя, что сегодня день, в который мне ни в чем не откажут, прошу ее крутить меня снова и снова.

– Покрути еще, а не то я уеду.

– Ты и так уедешь, – печально говорит Наташа.

Смотрю на наши омские фотографии и ничего не могу понять – маленький пухлый несмышленный мальчуган от горшка два вершка и девчонка-школьница с косичками, заплетенными белой лентой, с пышным бантом. Счастливые стоят, тесно прижавшись друг к другу. Как могла возникнуть между нами такая привязанность?

Мы все-таки едем. На вокзал нас везет друг отца, приехал за нами на «победе». Машина для всех нас в новинку, и мы долго не можем открыть дверь, дергая по простоте своей за ручку, не отжимая кнопки. Прощай, Омск. Поезд уносит нас на запад, в Москву. Наташка бежит по вагону, а я лежу на верхней полке и не могу оторвать глаз от окна: как огромен мир, сколько еще предстоит увидеть...

Москва, вокзал. Здесь нам предстоит сделать пересадку, у нас много времени, и мать ведет нас с Наташкой в метро.

– Покажу детям метро, да и сама посмотрю.

Метро – диковинка, но на меня впечатление производит лишь эскалатор: такой лестницы я себе даже не представлял, это действительно чудо. А в вагоне скучища: в окно ничего не видно. Куда едем? Где едем? Что проезжаем? Люди и нравы в Москве почти провинциальные. Все доброжелательны и спокойны. К маме то и дело подходят незнакомые люди, изумленно глядя на нас и искренне удивляясь, спрашивают:

– Неужели это ваши дети?

«Ну и дураки же, – раздраженно думаю я, – неужели и так не ясно?»

И смотрю на наше отражение в окне вагона: белокурая молодая женщина и двое прильнувших к ней черноглазых, черноволосых смуглых ребятешек.

Дорога заняла у нас восемь суток и, видимо, сильно утомила меня, потому что я не помню конца пути. Из вагона в Улан-Холе меня выносили спящим. Проснулся я на вокзале. Ночь. Грязный заплыванный зал, жесткие скамейки, холодно. Со мной только дед, остальные уехали каким-то попутным транспортом. Дед уже подсутился, купил мне где-то яблок. Так вот какие они, эти яблоки с родины деда. Я просто смотрю на яблоки, лежащие в плетеной сеточке, большие, краснобокие, и вспоминаю его рассказы. Есть мне не хочется, но, чтобы не обидеть деда, я съедаю одно яблоко. Оно оказалось червивым, вдобавок у меня расстроился желудок, и я без конца бегаю «до ветра». Открытия, которые я делаю для себя, не очень радостны: оказывается, бывает так, что под ногами совсем нет земли – кругом песок, как в Омске в песочнице (зачем привезли так много песка?). Нет травы, только верблюжья колючка. Я впервые вижу камыш, из него сделана уборная, в которую мне приходится бегать. О том, какая была эта уборная, я лучше не буду вспоминать.

Каспийский. Мы живем у родственников – в тесноте, да не в обиде. Полное отсутствие продуктов в магазинах. Арбузы с хлебом, салат из помидоров. Калмыцкий солёный чай, в который я настырно кладу сахар (сахар нам присылают из Омска). Хочется белковой пищи. Мы идем с отцом и дедом на рыбалку. Рыба почему-то пахнет болотом, но мы едим. По улице в Каспийском без мотоциклетных очков ходить невозможно: пыль и песок засыпают глаза. В Омске я не замечал асфальтовых тротуаров, а в Каспийском мне бросается в глаза их отсутствие. Мне хочется пройтись по асфальту, и асфальт интуитивно ассоциируется у меня с наличием цивилизации. Страшно хочется в Омск, хочется жареной картошки, хочется увидеть Наташку. Как далеко Омск, как давно это было. Да было ли?

Мне купили школьную форму. Я фотографируюсь в ней на память. Долго смотрю на себя в зеркало: гимнастерка, фуражка с кокардой, ремень с бляхой, почти как у в военных. Я воображаю себя солдатом, прибывшим на побывку. Мечтаю о том, как пойду служить в армию, как мной будут

восхищаться родители. В сущности, это была мечта о реализации своего «я». Ровно через 13 лет это сбудется, я надену солдатскую форму, «но мечта все равно погибнет...»

Надев военную форму рядового, я с первых же минут стал мечтать о том, чтобы ее снять... И еще лет десять после армии самым кошмарным сном для меня был сон, который мне снился часто: меня снова призывают. Самое трудное в армии – не тяжелая работа и не физические нагрузки (они закаляют, делают сильнее). Самое трудное – подчинить себя чужой воле, бесконечные бессмысленные построения, козыряния, смотры и осмотры, строим в столовую и обратно. Анекдоты об армии, безусловно, имеют под собой почву. Военный человек должен тщательно скрывать свой ум, если, конечно, таковой имеется в наличии. Осмысленный взгляд и резонное слово наказываются. Два года в армии я, чтобы не козырять бесконечно, старался не носить головной убор. Если бы мне довелось отработать все наряды на службу, которые мне были назначены за это нарушение, служить бы мне по сей день и не отслужить их. Мечта погибает... Но она всегда рождает новую мечту, а значит, жизнь продолжается.

А пока у меня есть далекая мечта об армии и близкая радость по поводу того, что я вот-вот пойду в школу. Я не обращаю внимания на то, что в доме тихая паника и негромкая перебранка:

– Ну как он пойдет в калмыцкий класс? Он ведь слова не знает...

Это была неправда. Я умел считать по-калмыцки, чем очень гордился.

– Надо было учить.

– Надо было.

– А что сейчас делать?

Мои бедные родители стояли перед проблемой – в какой класс меня отдавать. Они думали, что в калмыцком классе преподавание будет на калмыцком языке, и все ребята этим языком владеют. Увы, нет. В отличие от других высланных Сталиным народов, калмыки не были расселены компактно, а были разбросаны по всей азиатской части бывшего СССР. В таких условиях сохранить язык и передать его детям было трудно. Беда всего нашего поколения – мы не знаем языка. Увы... Со школой все разрешилось – я иду в русский класс, наполовину, впрочем, состоящий из калмыков. В школу меня водит дед; как в Омске, за ручку.

Говорят, что человек быстро привыкает к хорошему. К плохому тоже. Я привык к однообразной пище, к тому, что по улице несется пыль и ходить нужно в мотоциклетных очках. К тому, что нет электрического света, и уроки делать приходится при керосиновой лампе. Привык к тому, что отец приходит с работы усталый и нервный.

Когда мы с Наташкой в первый раз увидели отца в рабочей одежде, мы долго и удивленно смотрели на него. В Омске он носил пижонские костюмы, каждый день тщательно, до блеска, чистил обувь, о стрелки на его брюках можно было порезаться, рубашки были такими белыми, что казались синими. В Омске отец работал заведующим электроцехом в областном театре юного зрителя. В Каспийском он устроился электромонтером в райкоммунхоз. Приходил домой он в грязной одежде, в кирзовых сапогах, с металлическими когтями через плечо, иногда выпивши. Что было у него в глазах – я тогда не понимал. Сейчас бы я сказал: «В глазах была тоска».

ОТЕЦ

*«...Средь проклинаящих, среди всегда кричащих
Ни на кого лишь ты ни разу не кричал.
Воспоминания, как зерна светлых четок,
Перебираю я, сдвигая к кругу круг,
И знаю, что всегда ты божески был кроток,
Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг.
Но угли шевеля в полупотухших горнах,
Припоминаю все, душой, за часом час,
Я вижу, как в глазах твоих, как полночь чёрных,
В молчании пылал огнепалимый сказ...
... И я горю сейчас тоской неуголимой,
Как брошенный моряк тоской по кораблю.
Что не успел я в днях, единственный, любимый,
Сказать тебе, отец, как я тебя люблю».*

К. Бальмонт, «Отец»

Одиннадцатилетним мальчишкой он попал в Омск, и там прошли его детство и юность, там он женился, там родились его дети, там он нашел любимую работу и приобрел друзей. Он был городским парнем, когда покидал Сибирь и трудно привыкал к другой жизни на родине.

Мальчишкой он пошел работать в театр осветителем, потом его назначили заведующим электроцехом театра. Это определило круг его общения – друзья, приходившие к нему, были по-пижонски одеты, благоухали духами и курили папиросы «Казбек». Во дворе у нас они раздевались и возились с отцовскими гирями и штангами, но штангу, которую толкал отец, не мог поднять из них никто. Наигравшись с железом, они шли «прошвырнуться» по городу, скрипя ботинками, в которых отражалось солнце, и небрежно стряхивая пепел с папирос на асфальт. Мы, все трое, и я, и Наташка, и мать, с восторгом смотрели им вслед:

«Пусть прошвырнутся... такие красивые, большие, молодые».

Мать рожала меня долго и тяжело.

– Ох, какой богатырь, – сказала акушерка, шлепнув меня по попе. – Да он что у тебя, нерусский, что ли?

– Нерусский, – улыбнулась мать.

А на другой день в окно заглянул отец:

– Маша! – крикнул он, мать показала меня.

– Копия я, – сказал отец и полез по водосточной трубе вверх (палата была на третьем этаже).

Когда мы немножко подросли, мать стала нас водить в театр. Театр – сказочный дом, в нем живут загадочные персонажи, там разыгрываются чудесные спектакли, идут новогодние представления и Дед Мороз дарит замечательные подарки.

– Это чьи дети, Германа? – спрашивает вполголоса Дед Мороз у Снегурочки и, получив утвердительный ответ, говорит нам: – Придете домой, передайте привет папе, поздравьте его от меня с Новым годом.

Потом он долго роется в мешке, выбирая для нас подарки. А меня распирает от радости: как же, сам Дед Мороз знает моего отца!

Иногда отец заводил нас к себе в электроцех. В цеху пахнет изолянтной, пайкой и электричеством, множество рычагов, рубильников, переключателей, каких-то приборов. Я смотрю во все глаза, мне кажется, что управлять всем этим должен бог. И этот бог рядом, это мой отец. Сейчас, когда судьба меня самого неожиданно привела на работу в театр, я понял, что это за работа, понял, какую ценность для театра представлял хороший заведующий электроцехом.

На спектакли отец нас сажал всегда во второй ряд. Актеры знали, чьи мы дети, и озоровали с нами: когда их реплики были обращены к залу, они смотрели именно на нас, они вели диалог со мной и Наташкой. Это иногда приносило мне большие неудобства. Действие, происходящее на сцене, я воспринимал всерьез, без дураков, и когда Баба Яга бегала по сцене, ища кого-то в пяти метрах от меня, выкрикивая: «Где он? Я найду его, схвачу. Вы не видели, где он?» – глядя мне в глаза, я прятался от ужаса за переднее кресло.

Окно электроцеха было под потолком над авансценой, оттуда отец следил за действием, управлял светом, оттуда ему был виден и зрительный зал, он поглядывал во время спектакля на нас и посмеивался. В спектакле «Два клена» был такой эпизод: Баба Яга подбегает к стене и точит свои когти о стену, причём создается такое впечатление, будто она вот-вот взберется наверх (мизансцена эта происходит прямо под окошком электроцеха). Мы видели, в какой опасности находится отец, наблюдать это дальше стало выше моих сил, и я полез под кресло. Но Наташа не растерялась: «Папа! К тебе Баба Яга лезет!» – крикнула она во все горло и только потом присоединилась ко мне.

Баба Яга зашла в истерическом смехе, отец, видимо, тоже, лицо его надолго исчезло из окошка.

Отец дважды уходил из театра, первый раз – в Омске, а во второй – уже в Элисте, когда горком партии перевел его на другую работу, но отлучки эти были недолгими, он возвращался, потому что любил театр. Впрочем, не любить театр, я думаю, может только очень черствый или совсем пустой человек. Как говорил мне один из друзей отца, старейший театральный работник, театр – это зараза и, один раз войдя туда, выйти уже невозможно. И это несмотря на то, что в театре, по традиции, не платят зарплаты. Нет, конечно, два раза в месяц его работникам дают какие-то деньги, которые нельзя назвать зарплатой в силу того, что прожить на них невозможно. Видимо, подразумевается, что духовная пища должна каким-то образом компенсировать недостаток белковой. Театр, безусловно, храм, и если в этом храме рождаются настоящие произведения театрального искусства, то в нем царит атмосфера духовности, причем носителями этой атмосферы являются все работники театра, без исключения. И чем меньше в театре людей толстокожих, равнодушных, случайных, тем чище эта атмосфера. Именно ее, этой театральной атмосферы не хватало отцу в Каспийском, а потом в Лимане. Да, однажды в Омске более высокая зарплата поманила отца, он покинул театр, но не смог без него и очень быстро вернулся назад. На родину возвращаться ему было некуда – единственной культурной точкой в Лимане был клуб, где по воскресеньям крутили фильм «Никита Сергеевич Хрущев в Америке» и еще киножурналы «Гражданская оборона» и «Нижнее Поволжье». Художественные фильмы кинопрокат до Лимана не довозил, видимо, считалось, что народ на селе еще не дорос до них. Останься мы жить в селе, отца, возможно, ждала бы судьба

Кичи, медленное закисание, потеря интереса к жизни, думаю, он никогда бы не привык к своему новому положению. К счастью, все изменилось.

Есть нечто, назовем это нечто провидением, которое следит за людьми, направляет их и расставляет все на свои места. Аннушка уже пролила масло... Дед уже уехал в Элисту, и в Лиман уже идет письмо от него, где он пишет: «Наш дом – особняк из четырех комнат с садом...» (Да, именно таким было наше первое, но не последнее временное жилище в Элисте). В воздухе пахнет очередным переездом.

– Как это, наш дом? – растерянно говорит мать. – Неужели опять переезжать?

Она не хочет переезжать, не хочет переезжать ее курочка ряба, которая взволнованно кудахчет у ног, словно предчувствуя близкое расставание с Машей. Но провидение зовет в дорогу. «Скоро, скоро мы будем в Элисте, скоро, скоро отец опять будет работать в театре».

А случилось все так: дед понял, что Лиман не будет передан Калмыкии, и поехал в Элисту, «на разведку». В то же самое время родина властно позвала нашего ленинградского дядюшку. Он обменял квартиру в Ленинграде на особняк в Элисте (хозяин особняка уехал на учебу в Ленинград). Дядя Одя не был еще на пенсии, он был переведен на службу в облвоенкомат и получил квартиру, таким образом, мы могли временно вселиться в особняк. В особняке жили квартиранты, они ожидали получения жилья, по обоюдному согласию, они просто потеснились, освободив нам две комнаты. Провидение на некоторое время поселило нас вместе. При чем здесь провидение? А при том, что квартирантом этим был человек, о котором сейчас, к сожалению, редко вспоминают – главный режиссер Калмыцкого государственного театра имени Б. Басангова, Лев Николаевич Александров, человек, внесший огромный вклад в развитие калмыцкого театрального искусства, человек, любивший и ценивший калмыцких актеров и трепетно относившийся к калмыцкой драматургии. Лев Николаевич работал режиссером в Элисте до войны; когда калмыков выслали, он уехал, но как только калмыки вернулись на родину, вернулся и Лев Николаевич, принял труппу поредевшую (кто погиб на фронте, кто умер), с которой работал еще до войны. Надо ли говорить, куда пошел работать отец?

В Элисте нас разыскало письмо из омского ТЮЗа, отца звали назад, потом пришел вызов: администрация ТЮЗа приглашала его на работу, обещали оплатить дорогу, подъемные, предоставить жилье. Поздно, отец уже работал в театре. Если бы письмо нашло нас раньше, в Каспийском или Лимане, как знать, что было бы: возможно, мы бы опять пересекли страну с Запада на Восток... На определенном этапе у мужчины есть только две вещи в жизни, по которым он судит, удалась она или нет: любимое дело и любимая женщина. Тот, кто имеет и то, и другое, – счастлив. Тот, кто не имеет ни того, ни другого, может смело записать себя в неудачники, этих двух вещей не заменят ни материальные блага, ни отменное здоровье...

Клуб «Строитель», именно там помещался тогда наш театр, именно оттуда спустя 34 года мы проводили нашего папу в последний путь.

А здание по улице Люксембург тогда строилось, строилось оно, правда, не как театр, а кажется, как гараж. Уже в процессе строительства начали вносить коррективы, и здание приспособили под театр. Отец принимал участие в оснащении и в оборудовании театра, он знал его от гвоздя и до гвоздя,

он отдавал ему всего себя в ущерб семье и здоровью. Ему предлагали другую работу, с высокими доходами, но разве он мог уйти из театра? Я говорил выше о том, что в театре денег не платят, поэтому отец вынужден был небольшое время, предназначенное для отдыха, занимать работой: он подрабатывал то в филармонии, то в музыкальном училище, то в школах. Семья наша прибавилась: в Элисте у нас родилась сестренка, а мы выросли, нам нужно было одеваться, учиться. Отец работал без выходных, отпусков, праздников. Он был неразговорчив, и нам было трудно общаться с ним, потому что мы, в сущности, из одного теста. Раскрыть себя он мог лишь с близкими друзьями. Позже, когда я приходил к родителям уже в гости, если дома не было мамы, отец смущался, начинал хлопотать на кухне, что-то разогревая:

- Поешь.
- Спасибо, я сыт.
- Поешь, тут котлеты вкусные.

Мы молча сидим за столом, я ем, убеждаясь в том, что котлеты действительно вкусные, потом, открыв сковороду чтобы положить добавки, обнаруживаю, что съел весь отцовский обед (мама до вечера на даче).

Теперь моя очередь смущаться.

- Папа, ты сам-то ел?
- Да я не хочу... – быстро отвечает отец и опять смущается.

Эти наши взаимные смущения, немногословные диалоги мать называла нашей «породой».

Умение отца смущаться было уникальным: он умел смущаться за других. Если он сталкивался с человеческой непорядочностью, нечестностью, хамством или наглостью, он замолкал смущенно за другого человека, неумеющего смущаться и стыдиться своих поступков. Самым трудным для него было, преодолев смущение, попросить что-нибудь лично для себя. Да мне кажется, что он никогда этого и не делал. Была у него в жизни такая убежденность, что кто-то нуждается сейчас больше, чем он. «Я еще успею», – думал он, так и прожил всю жизнь.

Сибирский лоск в Элисте отец растерял, ведь Элиста, в сущности, еще не была городом в те пятидесятые-шестидесятые на фоне других городов, уже восстановленных после войны. Город Степной (так называлась Элиста те тринадцать лет разлуки со своим народом) не был нужен Сталину ни как административный, ни как культурный центр. И мы, переехав в этот город, в шестидесятом видели здания, разрушенные в войну, которые никто даже не пытался восстанавливать. Несколько наполовину асфальтированных улиц в центре и непролазная грязь на окраинах. Высокие резиновые сапоги – единственная обувь межсезонья. Не скоро мы увидим на отце ботиночки, в которых отражается солнце, не скоро...

Когда в Элисту переехала семья моего дяди Мацака (в Сибири он был дядей Мишей), мой брат, его сын Борька, устроился работать на авторемзавод. Однажды они с напарником работали у станка, когда в цехе появился высокий мужчина в шляпе и галстуке. В Элисте уже успела образоваться номенклатурная прослойка – шляпа, галстук были непременно атрибутами директората.

– Начальник какой-то пришел, – смекнул Борькин напарник.

– О, шляпа пришел, – вдруг громко сказал Борька. Его дерзкой выходкой товарищ был шокирован. – Ты чего пришел, папа?

Это был дядя Миша, он не был начальником, в Омске он просто успел стать городским жителем, ему просто иногда хотелось одеться, как в Омске, по-городскому. А раз он пошел посмотреть, где работает сын, почему бы не надеть по этому случаю шляпу и галстук?

Молодым калмыкам, тем, которые жили в Сибири в городах, долго еще не хватало города, с его пусть немудреными развлечениями, городского досуга. Не хватало городских производственных отношений. И этот городской досуг многим стал заменять алкоголь, который, увы, входил в быт, и бытовая эта деталь передавалась от старшего поколения к младшему. Зачем я это говорю? Об этих, не лежащих на поверхности последствиях ссылки сказать необходимо. Здесь можно привести такой пример: когда США производили испытания ядерного оружия вблизи островов Бикини в океане, островитяне были временно отселены (на несколько лет); когда же их вернули на родину с изрядно нарушенной экологией, островитяне не смогли уже никогда наладить там жизнь, которой они жили до вынужденного отъезда – не помогли никакие денежные компенсации и программы. Ссылка повлияла на демографию и ориентацию калмыцкой национальности. Одни сельчане, пожив в городах, приобретя городские специальности, возвращались уже целенаправленно в Элисту – в город; другие, поехав на родину, в родное село, заставляли на его месте руины в степи, а то и вовсе голое поле; третьим и вовсе некуда было возвращаться – калмыки до войны жили не только в Калмыкии, но и в Ростовской, Волгоградской областях. Стоит ли говорить о том, что их никто там не ждал. Что уж говорить о тех, четвертых, которые жили до войны в Калмыкии, а вернувшись на родину, оказались на территории Астраханской области. В большинстве своем эти люди тоже потянулись в Элисту. Баланс был нарушен, выравнивался он потом десятилетиями, выравнивается и сейчас, но, думаю, много, очень много времени еще надо, чтобы стало все на свои места. А станет ли, известно одному Богу.

Отец никогда не воспитывал нас беседами и нравоучениями, он воспитывал нас своим умением жить, не кривя душой. Он не имел какого-нибудь правильного образования, получить такое образование спецпереселенцу было невозможно, но недостаток последнего с лихвой восполнялся его врожденным тактом, безукоризненным вкусом и умением отличить безошибочно правду от лжи. Если приглашал нас в театр, говоря: «Сходите, хороший спектакль», – значит, спектакль действительно хорош. Заказывая для меня одежду в ателье, он разговаривал с закройщиком сам, определяя материю и фасон, и всегда попадал в точку. Не считая себя интеллигентом (что, наверное, справедливо), он был интеллигентнее многих, называющих себя таковыми. Я никогда не слышал из его уст бранных слов. Единственное слово, которое он употреблял, негодуя, было слово, изобретенное им самим – «поддонки», именно не подонки, а «поддонки».

Не довелось ему в жизни отдыхать на курортах, не видел он дальних стран, но зато умел радоваться самому маленькому подарку судьбы – умел быть счастливым тем, мимо чего многие проходили, даже не заметив, он умел смеяться заразительно, до слез, услышав что-то смешное, забывая о неурядицах в своей жизни, умел сострадать другим и всегда стремился помочь, чем мог.

Когда он лежал в больнице, мы даже не думали о том, что может произойти самое страшное. Не было таких прогнозов, и врачи нас успокаивали, и сам отец. Из деликатности и нежелания требовать к себе какого-то повышенного внимания он преуменьшал свои страдания, крепился. Только за день до смерти он вдруг спросил: «Я ведь не умру?».

Мы похоронили его рядом с дедом.

*Дан человеку человек
— не разлучаться*

* * *

Развезло дорожки в слякоть,
Сад заброшенный поник.
Спит дворовая собака
У бездомных ног моих.

Никуда идти не страшно:
Пустота к беде глуха,
И встает за шагом каждым
Тень последнего греха.

О минувшем счастье ахать
Бесполезно, да зачем.
Просто хочется поплакать
У кого-то на плече.

* * *

И в разогретое плечо
Уткнуться носом.
Как светит солнце горячо
Нагим и босым.

Как день расплескан широко
И беззаботно,
И можно быть каким уго...
Какой угодно.

ГОНЧАРОВА Елена Михайловна, родилась и живет в Ставрополе. Поэтесса, журналист, президент литературного клуба молодых писателей «Экспромт». Финалист международного конкурса «Илья-Премия» (Москва, 2004). В 2011 году вышла ее книга избранных стихотворений «Трамвайчик».

Рисунок худ. **Е. Синчикова**.

Не отличаться от листвы
По краю алой,
Подсохшей к осени травы,
Воды канала,

Быть ласточкою над волной
Уже прохладной.
И повторять «моя» ли, «мой» –
Тысячекратно.

Такое может длиться век,
А скажешь вкратце:
Дан человеку человек –
Не разлучаться...

* * *

Осень – ржавая горошина.
Лето слущено в саду.
Дни – веселые, хорошие –
Ту-ту-ту!..

Безответность, нерасслышанность,
Глушь да серость, тишь да хмарь,
Только шторочка колышется,
На ветру скрипит фонарь.

Что еще придет непрошено,
Канет в непогодь утра...
Бесприютна, позаброшена
Жизнь мучительно мудра

* * *

Ты моя непрожитая жизнь...
Там в ладони колотилось сердце,
И не знала, вверх лечу ли, вниз,
Вырастаю, пребываю в детстве.
И не знала, как дышать другим
Воздухом, найдя тепло в бездонном.
Милый, целый мир тобой одним
Заменялся, становился домом.
В нем шумела куча голосов,
Всяких разных, но с твоим – любимым,
В этом доме даже бой часов
Вечно юным был и обратимым.

И беспечно на твоих руках,
О земном не вспомнив, засыпая,
Знала я, что небу облака
Не отыщут ни конца, ни края.

* * *

Юлии Чугай

Солнце – начищенный медный таз
В яркой небесной синьке.
Радость – насколько хватает глаз,
Сердца, души, косынки,
Плащика (так нараспашку тот,
Что не идешь – порхаешь!)
Счастье щебечет тебе с высот,
Каждый скворец – товарищ.
В двориках – лужи, во всем – лучи –
Нижут цветные бусы,
Трели и гомон, тень-тень, чив-чив –
До остановки пульса.
Видно, настала тому пора,
Что затевало сбыться.
Что не случилось еще вчера,
Завтра уже случится!

* * *

Утро с ледком.
Стылых простынок ломкость.
Свет невесом –
Ярок, оскольжен, строг.
Всё, что потом –
Лишь Тишина и Голос,
Всё, что сейчас –
Лишь Высота и Бог.

Так и живи –
Сердце собрав в дорогу.
Тем и дыши –
Горестно, сгоряча.
То, что потом,
Ближе всего к итогу,
И оттого
Хочется жить сейчас.

Уже ладони – в пустоту,
И ждешь звонка, и чудом дышишь.
Уже и жить – не вмоготу –
Ты далеко! Но – ближе, ближе...

* * *

Скучаю по доброте,
Пустой болтовне за чаем,
Впорхнувшей в окно мечте,
Улыбке – смешной, случайной.

Скучаю по чудесам,
Спешащим согреть ладоням,
По теплым, как дождь, глазам,
Минутам, что помню, помню.

Скучаю по тишине,
Сплетенной из ожиданий,
По слезно-слепой волне
Прощений твоих, прощаний.

По нежности и росе,
По тем, кто меня осудит
За «быть не такой, как все»
И «будь, что без нас не будет».

А если глаза закрыть,
Ругая себя, итожа,
Скучаю по «может быть»,
А больше – по «быть не может»...

* * *

Капель чистых и прозрачных
Перезвон!
Струи, струи, что я значу,
Наяву ли жду удачу?
Динь-дон-доннн!..

Из земного разговора
Я звучок!
Сердце бьется скоро-скоро,
Как спешащий вдоль забора
Каб-лу-чок!

Исключительных событий
Дни полны.
Походя, не разглядите –
Я из нежности и прыти,
Из весны!

В сердце грохот поднебесный:
День раскрыт
Книгой, мукой, тайной, песней –
Веселее, интересней
Жить велит!

* * *

На клавишах ступеней
Листва лежит сгоревшая.
Маячат, будто тени,
Деревья облетевшие.
Не уходи, помедли,
Сам – тот же сад заброшенный.
Истосковались ветви
По лучшему-хорошему.
Но сердце к сердцу глухо,
И путь, увы, бесславен,
И ни пера, ни пуха,
Ни огонька из ставен.
Отсланы публично,
Отдалены по сути.
Ни полстроки – о личном.
Мы люди. Просто люди...

НАДЕЮШКА

РАССКАЗ

– Возьму отпуск без содержания и поеду в Одессу, – твердо объявила Надя. – Я должна поддержать сестру. Больше некому. Не так ли, тетя Рай?

– Так, так, – ответила тетушка и расплакалась. – Поезжай, моя хорошая. Только ты, Надеюшка, поможешь бедолаге. Слишком тяжело ей: двое мальчишек, муж – алкаш, пьет – не просыхает... И не стыдно – жена больна, дети без пригляду, а он не работает... Да что я говорю – ты и сама не хуже меня знаешь. Поезжай, милая, поезжай. Ей так нужна твоя поддержка... А как же женишок твой? Дождется ли?

– Дождется. Куда он денется, – с грустью ответила Надя.

И тут же вспомнила вчерашнюю встречу с Антоном. Они чуть ли не до утра бродили по любимым местам вдоль Кумы. Остановились у высокого бережка, под которым глубокая запруда. Вечер был холодным и в воду лезть не хотелось. А он все хорохорился, в который раз признавался в любви. И ему казалось, что она не верит этим признаниям, хотя дружили они уже больше года. Сколько поездили вместе, походили в горах Приэльбрусья, Домбая, Архыза... В одной палатке спали. Телами друг друга согревали в холодные ночи. Казалось, уже совсем сблизились. А Надежда почему-то не верила Антону. И он это чувствовал. Друзья давно считали их идеальной парой... На свадьбу намекали. Надя только улыбалась, Антон же однозначно отвечал друзьям:

– Рано жениться. Погулять бы еще. Двадцать пять годков только – вся жизнь впереди.

Как-то раз эти слова она услышала и задумалась – верить, не верить. Годится ли он ей в мужа? Какой-то неглубокий...

Однако перед ней он бодрым петушком ходил – энергичный, веселый, того и гляди закукарекает.

– Ты мне не веришь? – домогался Антон.

– Почему же? – уклончиво отвечала Надя.

– Хочешь, я с этого берега прямо вот так нырну?

– Ты что с ума... – едва успела она произнести, как он уже был в воде.

Бултыхался, фыркал... Потом выбрался на левый бережок и оттуда кричит:

– Ну как, поверила?

– Поверила, поверила, – взволнованно отвечала Надежда. – Иди сюда, дурачок. Будем сушиться.

Перейдя речку в мелком месте, Антон подбежал к Наде и мокрый стал целовать ее.

– Что ты делаешь? – вроде бы возмущаясь, прошептала она. – Надо поскорее высушиться, а то простудишься.

Пачка сигарет промокла, а зажигалка работала. Они быстро собрали сухой травы, сухих веток и разожгли костер. Антон разделся до трусов, положил одежду на землю, сбегал в кусты, чтобы отжать трусы и, вернувшись, держал над огнем свои штаны. Надя то с одной стороны, то с другой подставляла пиджак огню. В свете пламени было видно, как от мокрой одежды шел пар. Значит, она высыхала. Хотя его штаны были еще влажноваты, он надел их. Подойдя к Наде со спины, стал целовать ее волосы, за ушком. Она резко повернулась и отдала ему еще мокрый пиджак.

– Сам суши. Я устала держать его на вытянутых руках.

Антон безропотно взял пиджак и, держа его над огнем, через затянувшуюся паузу сказал:

– А ты, Надюха, штучка еще та...

– Может быть, может быть, – усмехнулась она, и Антон закурил, наконец, влажноватую сигарету.

Стояла тихая августовская ночь. Было слышно, как в траве стрекотали сверчки, в полумгле вырисовывался громадный силуэт горы Змейки, по нижним склонам которой светились огни чьих-то квартир, а внизу бесшумно текла Кума. Антон надел пиджак. Посмотрел в лицо Надежды и при свете костра, кажется, впервые увидел такие красивые ямочки на ее щеках. Ему так захотелось поцеловать их. Но Надя отстранилась и серьезно начала:

– Послушай, Антоша, я приняла решение...

– Больше со мной не встречаться, – перебил ее Антон.

– Мой дурачок... Не понимаешь ты меня. У тебя одно на уме. А у меня – драма. В общем, я приняла решение: еду в Одессу. Не знаю, на сколько, но еду. Я должна помочь больной сестре – очень ей плохо.

– Да. Своих нельзя бросать, – машинально произнес Антон. – А с работой как? Тебя отпустили?

– Возьму отпуск без содержания...

– Надюх, нельзя ли без тебя обойтись? Ведь у Веры муж есть.

– Нет, никак нельзя... Пошли домой – скоро утро.

Антон швырнул в сторону недокуренную сигарету и тихо выругался.

Они шли молча, как на похоронной процессии, каждый думал о своем. Остановились у ее дома. Антон уже полностью «высушился». На небе показалась запоздалая луна, которая как бы смеялась над этой парой, еще не нашедшей между собой полной гармонии. Что ж вы так? Ведь мир прекрасен...

2

Когда Вера вышла замуж, они поселились в прекрасном городе Одесса, где ее оставили как одну из лучших выпускниц института. Как все хорошо складывалось. Она быстро набиралась опыта. И как опытнейшему работнику пароходства, матери двоих детей, ей дали трехкомнатную квартиру. Зарплата приличная. Живи да радуйся. А тут страна забурлила, закипела и развалилась. Украина стала самостоятельным государством. Но кругом неразбериха. Взбесились цены. На все – от продуктов питания до туалетной бумаги. Перестали платить зарплату. Народ гудит. Волной покатались забастовки, откуда-то свалилась национальная вражда. И в самом деле – откуда? Украинцы и русские – славяне. Веками

жили вместе. Смешанные браки – сплошь и рядом. В крови русских – украинская кровь, и наоборот... А поди ж ты, завраждовали. И чем все это кончится? Кто тут виноват? Кто же еще – москалей. Гнать их с «незалэжной»...

Начались сокращения рабочих мест на предприятиях, всевозможные банкротства. И кого в первую очередь увольнять? Москалей, конечно. Вера и Виктор – пришлые, с Кавказа. Значит, не украинцы... Словом, масло в огонь, да и только. Так Виктор, первоклассный водитель троллейбуса, оказался на улице. Обидно, глупо. И вдруг Вера заболела.

Поначалу он искал выход. Семью ведь содержать надо. Уезжать домой, в Минводы, не хотелось. Одесса есть Одесса. Город – красавец. И – море... Так привыкли к нему. Постоянной работы не нашлось. Вынужден шабашить в порту, в основном, на погрузке-разгрузке. А шабашка – это обязательно выпивка. Деньги от случая к случаю. А выпивка – каждый день.

Вере становилось все хуже и хуже. Денег на лекарства нет, ее контора развалилась. Помощи ждать не от кого. А Виктор стал безразличен ко всему: к жене, к детям. Начал при них материться, чего раньше никогда не было.

– Витенька, что ж ты делаешь с собой, с нами? – угасающим голоском спрашивала Вера. – Вспомни, как все было ладненько... Летом к нам приезжала Надюша, и все вместе мы катались на прогулочном катере в море. Какой ты был галантный, красивый...

– А сейчас алкаш пропащий? – кричал Виктор. – Когда работал, я был хороший, нужный, желанный... Сейчас алкаш, да?

– Ну зачем ты так, Витенька? – все тем же слабым голоском вопрошала Вера. – Ты хороший. Ты нам нужен всякий. Правда же, мальчики?

– Правда, правда, – отвечали дети. – Мы тебя любим.

– Не брешите! – рявкнул на них и жену Виктор. – Я вам не нужен. Даже на жратву не зарабатываю.

– Витенька, там в коробочке, на комодке, мои сережки золотые с камушком. Сдай их в ломбард, и хоть на какое-то время денежки будут. На хлеб-соль... Наши обручальные кольца можно...

– Все! Уже нельзя, – показал он свои стальные зубы, тряхнул седеющей до срока шевелюрой, быстро взял коробочку, поднес ее Вере.

– Смотри!

Коробочка была пустой.

– И это пропил?

– Пропил, пропил! – закричал Виктор, швырнув коробочку на пол, и ушел, хлопнув дверью.

Вера тихо заплакала. Дети не отходили от нее. Радик старше Леши на целых три года, но оба они понимали, как плохо больной маме, как ввали они отцу, что любят его... Мальчики ненавидели отца, когда он приходил домой пьяный, кричал на мать, бил их поочередно, считая это самой эффективной мерой воспитания. Он уже давно не жил в своей квартире. Больше пропадал у матери – в ее двухкомнатной квартире, доставшейся ей по завещанию брата. А мать всячески привечала его, оставляла ночевать пьяного.

– Какой-никакой, а все ж в доме мужчиной пахнет, – оправдывалась она перед соседками.

Со временем Виктор окончательно перебрался к матери. Домой приходил иногда – либо уже пьяным, либо за тем, что бы такое взять для выпивки.

И вот сейчас Вера после «визита» мужа написала Наде письмо, взывая о помощи: «Приезжай, Надеюшка. Силы мои на исходе... все подпорки рухнули: здоровье вытекает, как из прохудившегося ведра, муженек ненаглядный растворился в алкоголе», – заканчивала она свое письмо. Надя по несколько раз перечитывала его. Потом без колебаний решила: еду в Одессу.

3

Наверное, на свете нет большей радости, чем радость встречи двух сестер.

Виктор уже целый месяц не приходил домой, поэтому, уложив детей спать, Вера и Надя спокойно проговорили всю ночь. Наговорились и наплакались. Вспоминали Минводы, друзей. Но больше всего говорили о маме. Вспоминали, как она, учитель начальной школы, доверяла им проверять тетрадки ее учеников, разрешала выставлять оценки. А когда оценки мамы и девочек совпадали, визг стоял в квартире часа два.

– Я учительница! – радостно кричала Надя. – Я как мама.

– И я! – вступала Вера.

Правда, став взрослой, Надя окончила библиотечный институт в Москве, а Вера – политехнический в Одессе.

Вспомнили и мамины уроки доброты. Как-то ее четвероклассников вместе со взрослыми послали в колхоз на прополку сорняков. Бригадир привез продукты, а Галина Федоровна сама готовила и кормила своих ребят. И видит вдруг: один мальчик (его звали Рахим) сидит в сторонке и не ест. Борщ был необыкновенно вкусный, а он – не ест.

– Рахим, почему ты не кушаешь? – спросила Галина Федоровна.

– Мне нельзя. Мне нельзя, – плакал мальчик.

– Почему?

– Там... там свинья.

– Свинина там? – удивилась учительница.

Рахим только моргал длинными ресницами.

Галина Федоровна принесла ему кусок мягкого колхозного хлеба, и Рахим стал жадно есть его. Как же помочь мальчику? И тут ее осенило.

– Послушай, Рахимушка, давай сделаем так: я сейчас отнесу в кусты миску с борщом. Об этом никто, никто не узнает. А ты пойдешь туда и покушаешь. Это будет наша с тобой тайна. Ее знаем только ты и я.

Рахим молча кивнул и побежал в заросли...

– Миску оставишь там. Я ее потом заберу, – тихо сказала она.

Когда он сытым вернулся из кустов, глаза его сияли благодарным светом. Конечно, мама понимала, что ее этот шаг был бы осужден, если бы о нем узнал кто-то из родственников – мусульман. Но не могла же она оставить мальчика голодным под этим палящим весенним солнцем.

Было много и других воспоминаний. Например, как во время учебы Нади и Веры мама привозила им в «ближний» свет (в Москву и Одессу) домашние харчи...

К утру Вере стало плохо. Надя вызвала «скорую», и та лишь временно облегчила ее страдания. Днем Радик и Леша где-то гуляли после школы, а Вере снова стало плохо... И снова – «скорая помощь». На этот раз она увезла ее в

больницу. Когда же вечером ребята пришли домой и не увидели маму, сразу притихли, будто поняв, какая угроза повисла над их головами. Все заботы по дому с самого своего приезда Надя взяла на себя: кормила всех, провожала ребят в школу, ходила в больницу к Вере. Пробовала вразумить Виктора. Он по-прежнему был в своей «форме».

– На пушку не возьмешь. Как пил, так и буду пить. Не оторвете меня...

– Ну смотри, Виктор, как бы не было поздно.

– Помирать никогда не поздно. Вот сейчас еще выпью и помру. Не поминайте лихом.

– Очень остроумно, – съязвила Надя.

Свекровь оказалась такой же черствой, как и ее Витенька. За две недели, которые Вера пробыла в больнице, она ни разу не пришла к ней, внукам.

– Из-за нее, сынок, ты алкоголиком стал, – бубнила она.

– Нет, мать, я сам докатился до такого предела, – серьезно возражал Виктор.

– Не защищай ее – она виновата. Что это за жена, что не может вовремя остановить мужа?

– Все, мать! Тема закрыта. Не лезь, куда не положено.

– Как не положено? У сына семья распадается, а мать должна в стороне стоять?

– И стой. Я как-нибудь сам. Президенты враждебных стран договариваются меж собой, а тут какая-то семья...

– Ну и дурак. Нашел бы себе здоровую бабочку и жил с ней припеваючи.

– Баб много. А жена, хоть и больная, одна... Потом у меня еще два сына есть. Их до ума доводить надо.

– Вспомнил про сыновей... – рассмеялась она. – Они уже не твои. Как-то, еще до болезни Верки, пришла я к ним и спрашиваю:

– А где отец?

– Нет у нас отца. Он пьет и мамку бьет. Это не отец.

– Ах ты бессовестный! Разве можно так о родителе говорить?

– Раз он такой – можно.

– Вот и возьми его за три копейки... Это младший-то так настроен, а что же старший думает? Уходи, Витенька, от них... Толку не будет. Об алиментах не беспокойся – у меня кой-какие сбережения есть. В крайнем случае золотишко продадим. Выкрутимся. Уходи... Найдем тебе бабенку получше. Есть тут у меня одна на примете. Золото – не женщина. И здоровая, и работающая...

Виктор вскочил со стула и ушел, по привычке хлопнув дверью.

Целых три дня не появлялся. Мать думала, что он, дурак, вернулся домой, а Виктор все это время с бомжами под забором разрушающегося комбината кантовался.

Когда же он узнал, что со здоровьем жены совсем плохо, пришел домой почти трезвый и говорит:

– Ладно, Вер. Разводиться не будем, алименты мне платить нечем. Но свою долю на квартиру я оставляю вам взамен алиментов. Вот бумаги. Я все на тебя перевел. Претензий к тебе никаких. Сам буду жить у матери.

– Витя, Витя, – полушепотом сказала Вера. – Ничего мне от тебя не надо. Жаль детей. Что с ними-то будет?

– Сами разберетесь! – буркнул он и ушел.

Надя успокаивала сестру, вытирая ее горькие слезы.

– И его жалко. Какой хороший человек был, – все так же тихо прошептала она. – Если б ты знала, если б знала, Надеюшка, милая моя сестричка. Только на тебя надеюсь. Ох, как я не хочу, чтоб детей в детдом забрали. Но верю – ты найдешь выход... Я понимаю тебя: ты мечтала собственных деток заиметь. Заимеешь. Выйдешь замуж и заимеешь. И мои будут рядом с тобой. Лишь бы власти не помешали. Будет трудно, но ты же умница. Все сумеешь. Все сможешь, моя последняя Надеюшка...

4

А у нее, Надеюшки, уже кончался отпуск без содержания. Надо было возвращаться в Минводы... В свою библиотеку завода... Могут уволить и тогда попробуй найди работу.

Но Вера угасала на глазах. Оставить ее, да и мальчишек, она не могла. Будь что будет. На всякий случай дала телеграмму руководству о том, что задерживается по причине тяжелой болезни сестры.

...Хоронили ее скромно, без оркестра. Свекрови не было, и Виктор приехал уже на кладбище, расплакался у гроба, но его голос заглушали хрупкие голоса рыдающих детей.

– Мама, мамочка, не уходи!

Мальчики с обеих сторон прижались к Надежде, едва сдерживающей собственные рыдания. И когда могильщики стали забивать крышку гроба, все голоса перекрыл пропитый голос Виктора:

– Прости меня, Вера. Прости.

Но никто не слушал его. Только соседка Веры с презрением бросила:

– При жизни жалеть надо было, а теперь покаяния твои ей не нужны.

Поминки также были скромными. Виктор пытался приласкать сыновей, разделяя с ними горе. Но они увертывались от его волосатых рук, ни на минуту не отходя от тети.

Перед Надеждой встал главный вопрос: что делать с детьми? Она помнила завещание Веры – не допустить передачи ребят в детдом. Но Украина была теперь чужой страной.

А Надежда в ней – иностранка. И все же она решила взять над детьми опеку, тем более что отец не возражал. Так, спустя месяц, вместе с Радиком и Лешей она приехала в Минеральные Воды.

Пройдет немало времени, пока будут решены все юридические проблемы: российское гражданство ребят, обмен одесской квартиры на минводскую. А отец, как отдал детей Надежде, да так и забыл о них. За двенадцать лет не написал им ни одного письма, не выслал ни рубля, ни гривны... Он, видно, и не подозревал, какие тяжести взвалил на хрупкие плечи Надежды. Благо, что добрые люди помогали ей, – все та же тетушка Рая, с которой читатель встретился еще на первой странице рассказа – немолодая, красивая душой и телом, она помогала в быту. Сколько могла, отрывала от своей мизерной пенсии для семьи

Надеюшки; помогала и старшая сестра Леля, не забывала ее и школьная подруга Настя. С душой, пониманием ситуации отнеслась благотворительная организация «Вера. Надежда. Любовь», что в Пятигорске. Благодаря ей, дети получили российское гражданство.

А беда еще долго не оставляла Надежду. Радик стал плохо учиться в школе, попал в дурную компанию. Ох, как же трудно было вытащить его оттуда. Но Надя, дай ей Бог здоровья, сумела. И это достойно отдельного рассказа.

В заботах о детях она, к сожалению, не решила личную проблему: на первом же свидании с Антоном, после возвращения из Одессы, он, узнав об опекунстве, сказал Наде:

– Мне это не нужно. Давай так – либо я, либо – дети.

Его ультиматум словно ножом полоснул сердце Надежды. Казалось, рушится все: смутная вера в любовь Антона. Радужная мечта о замужестве и собственных детях, вера в искренние человеческие чувства, возможность жить дружно. Во взаимопонимании...

Но она снова и снова вспоминала прощальные слова сестры: «...только на тебя моя последняя надежда, Надеюшка...»

Решение было принято еще в Одессе. И потому ответ Антону был краток: «Дети!» Он, конечно, не ожидал такого поворота, но та интонация, та твердость в голосе, с какой было произнесено это единственное слово, ветром сдули Антона с порога квартиры Надежды.

А вскоре пришла новая беда. Умерла старшая сестра Леля. У нее остался пятнадцатилетний сын Геннадий. Растерянный, убитый горем, во время похорон он не плакал, но так же, как несколько лет назад Радик и Леша, держался за руку Надежды. Когда вернулись с кладбища, она сказала ему:

– Успокойся, Гена. Маму не вернешь... Но я тебя не брошу. Есть у меня два сына. Теперь будет три...

– Вот какая Надя Саламатова, моя любимая племянница. Надеюшка. Замужем не была, а троих детей на крыло поставила. Радик закончил ветеринарный техникум, работает. Леша на пятом курсе железнодорожного института, а Гена водит пассажирские самолеты на рейсе Минводы – Москва, – закончила свой сердечный рассказ моя хорошая знакомая, Раиса Федоровна. – А что касается Украины и России, – добавила она, – то мы все равно когда-нибудь будем вместе.

Декабрь 2011 г.

ЖИВАЯ МУЗЫКА ПРОЕКТА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОКОЛЕНИЯ

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО...

Если говорить о мелиорации (с латыни – улучшение) земель, то даже горожане в массе своей понимают, что только вкупе с водой земля способна творить чудеса, тайна которых до сих пор не раскрыта.

Селяне не мудрствуя лукаво с помощью журавля или ведра с веревкой и вóрота доставали воду порой и с 10-20-метровой глубины для полива огорода. И урожай всегда оправдывал хлопоты. Но когда, как в нашем случае, речь о масштабах округа и даже всей России, то истоки мелиорации лучше искать не на дне колодца, а в самой середине XVIII века, когда наказным атаманом на Северном Кавказе стал генерал-майор, князь Григорий Романович Эристов (с 1852 по 1855 гг.).

Это по его распоряжению местные казаки с помощью рукотворного (бери больше – кидай дальше) канала провели воду из реки Малки на сто вёрст в безводную степь Курского района. Этот канал величают здесь речкой Неволькой. На всём её пути возникли оазисы.

В свое время генерал в одном из официальных документов высказал идею о целесообразности переброски воды из Кубани в русло Егорлыка. Вполне возможно, что в ту пору кто-то из чиновников рангом повыше назвал Григория Романовича мечтателем, как это случилось в наши дни на докладе специалиста о канале «Волга-Чограй». Его тоже называли мечтателем, добавив, что «сегодня нам нужны не мечтатели, а потребители». Возможно, чиновник имел в виду производителя. Но если даже так – тем более ошибка по нынешним временам весьма знаковая.

А прозорливость мечтателя Эристова станет очевидной, и через сто лет по проекту института ОАО «Севкавгипроводхоз» будет сооружен Невинномысский канал для осуществления его идеи.

Мне тем более приятно вспомнить об этом, так как в 1943 году, в пору своей молодости моя тёща Александра Михайловна Ляшенко (дай Бог ей царство небесное) вместе с другими женщинами участвовала на земляных работах головного сооружения канала, а яркую косынку, подаренную ей за ударный труд «самым большим начальником», надевала только по большим праздникам, да ещё во время поездок в Москву на ВДНХ, где дважды была участницей как бригадир лучшей овощеводческой бригады. И эта косынка всю жизнь согревала ей душу.

Но вернемся к Эристову. Обнаружить рукопись князя довелось не без помощи журналистов только в 1997 году, после открытия в институте музея мелиорации, получившего через два года статус мемориального.

И не стоит удивляться тому, что для мелиораторов князь Эристов такая же фигура, как для космонавтов Циолковский. С них всё только начиналось.

... На вопрос, кто встретил молодого специалиста Носова, когда он в 1972 году впервые пришёл в институт «Севкавгипроводхоз», Константин Николаевич ответил:

«Мне повезло, – я застал тех, кто был у самых истоков: ветеранов, прошедших суровую школу военного лихолетья. Это фронтовики – Владимир Михайлович Домбровский, почетный ветеран института с удостоверением № 1 Иван Петрович Кричевцев. Они настоящие «могикане»-гидротехники. Владимир Михайлович проработал в институте в общей сложности 56 лет.

От них я и узнал, что первая проектная группа была сформирована в марте 1927 года из молодых специалистов, прибывших на производственную практику, – вскоре они уехали на защиту дипломов, а в Курском районе по их проекту появилось Курганенское водохранилище, которое служит людям и сейчас.

И ещё: в первые годы своего существования институт стал заниматься осушением заболоченных участков, ставших рассадником весьма опасных для населения малярийных комаров. Актуальная проблема была в итоге решена успешно. Невероятно, но факт: всё, чем с тех пор занимается институт, просто обречено на успех.

Помню, как однажды, – Владимир Михайлович Домбровский стал требовать, чтобы специалисты ещё раз просчитали надёжность объекта, который уже был построен. Отказать ему было невозможно, ведь он работал, пожалуй, больше всех, и это знали. Как-то он так увлекся расчетами, что и сам не осознал значимость неожиданного открытия. Сотрудники госбезопасности наложили вето на продолжение этой его работы, сочтя её «совершенно секретной».

ЧТО СТАЛО, ТО СТАЛО...

В новейшую историю России как-то не вписалось Министерство мелиорации и водного хозяйства. Хуже того, был официально отменён даже отмечавшийся в первое воскресенье июня «День мелиоратора», хотя речь идёт о сотнях тысяч кормильцев – тружеников села, да и города, обслуживающих как орошаемые, так и осушаемые угодья, выращивающих в два-три раза больше, чем раньше, овощей и фруктов и кормовых культур на тех же площадях.

А ведь это министерство всему миру продемонстрировало, как надо работать чиновникам подобного уровня, чтобы страна богатела не по дням, а по часам. Судите сами.

Большой Ставропольский канал (БСК) по праву стал уникальным итогом высочайшего уровня развития научной мысли и инженерного искусства. Его объекты впервые вводились в эксплуатацию по мере готовности, что позволило исключить замораживание средств, ускорить их отдачу и в целом повысить эффективность всей системы.

Капитальные затраты на БСК составили 425 миллионов рублей, при этом прогрессивные технические решения, порой на уровне научных открытий, позволили снизить затраты на 127 миллионов рублей – фактически на треть. Стоит ли после этого удивляться, что все вложения в БСК окупались уже в 1983 году, с пуском в эксплуатацию третьей очереди.

Коэффициент полезного действия (КПД) БСК составил невероятные 95 процентов, в том числе и благодаря примененному в практике бетонно-плёночному покрытию по особой технологии. Это и другие новшества предлагал сам и поддерживал всех сотрудников в поиске удачных решений главный инженер, а затем и директор института Юрий Александрович Максимов.

15 сентября 2006 года состоялся торжественный пропуск воды по четвёртой очереди БСК до конечного сброса в балку Камбулат. По сути эта уникальная стройка только подошла к самой засушливой зоне, где и отдача воды ожидается самой ощутимой! Но на выделяемые сегодня средства невозможно вообще организовать достойную самую идею этого канала работу.

В самом конце затянувшейся беседы Константин Николаевич Носов неожиданно заговорил о печально почившем проекте века, в рождении которого он принимал непосредственное участие и вместе с которым оказалась захороненной его заветная мечта. Он никого не винит – только себя. Похоже, в отца пошел, в его крестьянскую мудрую жилку – уж коли взялся за дело, то пеняй только на себя.

Проект отстаивали всем институтом. Но тогда еще никто не понимал, что дело жизни многих ученых, практиков – всех мелиораторов Ставрополя – тесно переплелось с политикой, что не ради истины шли в бой новоявленные «зеленые». Где они сегодня? В государственной и краевой Думах, на других теплых местах – своего добились. Резали по живому. Да и сегодня будут резать, не оглядываясь, если это посулит малейшее преуспевание политическому «я». Сколько копий было сломано и в кабинетах, и в прессе. Жаль, что не спросили тех, кто уже покинул обжитые было бурукшунские степи и кто собирает пожитки сегодня, окончательно убедившись, что живительная вода матушки Волги уже не попадет в Чограйское водохранилище, по крайней мере, на нашем веку. А что в итоге? Уже и зарубежные исследователи бьют тревогу по поводу того, что в Калмыкии началось опустынивание степи. И эта беда будет похлеще сайгачьей.

Жизнь опровергла доводы «зеленых», боявшихся, что обмелеет главная река России, что не станет осетра и икры, что сайгаки переведутся. Ну где еще могло такое случиться – отказаться от оазиса в степи, ведь вода и солнце все еще, в отличие от человека, творят свои добрые дела. 50 лет щедро раздаёт кубанскую воду ожившим районам края Невинномысский канал, а Кубань не обмелела. 50 лет каскад гидроэлектростанций даёт самую дешёвую электроэнергию. 50 лет плодотворно поливают черноземы.

Сайгаки перевелись и без канала, 70 уже проложенных километров которого пришлось засыпать землей, чтобы не перекрывать маршруты миграции степных красавцев.

Носов принял на свои плечи институт, будучи умудренным поражением. Отсюда жесткая позиция – никаких уступок. Никогда! Но и работать так, чтобы ни один шаг, ни одно решение не вызывали кривотолков. А что для этого надо? Очень многое, но главное – современное техническое оснащение, живую связь с первопроходцами науки. На все это нужны средства по нынешним временам немалые. К примеру, за современный электронный тахеометр, позволивший на порядок поднять точность всех измерений в процессе топосъемок, – основу основ любого проекта – институт выложил, урезав все остальные потребности, 25 тысяч долларов. К сожалению, времена, когда бывший Минводхоз в порядке экспериментальной обкатки направлял сюда всю самую современную электронно-вычислительную технику, включая громадину ЕС-1045, уже не вернуть. За все надо платить. Компьютерная, да и полиграфическая техника тоже обновляются здесь постоянно.

Но есть и прекрасный пример первопроходцев! Им вообще приходилось всё начинать с нуля...

...В условиях «Великой криминальной революции»¹, как окрестил девяностые

¹ С. Говорухин. Великая криминальная революция. «Эрго-Пресс», Москва, 1995.

годы минувшего века публицист Станислав Говорухин, выжить отдельно взятому предприятию было практически невозможно. Но вопреки всем прогнозам институт ОАО «Севкавгипроводхоз» не только сохранил свои позиции, но и заметно расширил сферу влияния. Обновленный автопарк, прекрасное здание на проспекте Кирова, уникальная лаборатория – не в каждом НИИ есть такая, – все поддерживают в хорошем рабочем состоянии. Жизнь заставила активнее проявлять и собственную конкурентоспособность. Институт получил необходимые лицензии на право осуществления работ в коммунальной сфере. По разработанному здесь проекту построена высоконапорная плотина в Алжире, осуществляются в этой далекой стране и другие разработки пятигорчан. Пачка лицензий все время растет, и это позволяет получать заказы, вовремя выдавать зарплату сотрудникам.

Очень важно, что теперь, в соответствии с международной практикой, институт несет полную ответственность и за исполнение своих проектов.

К счастью, остались позади самые тяжелые годы выживания, когда зарплату сотрудникам выдавали картошкой, семечками, кукурузными початками, мукой, медом, рыбой и другими продуктами – работали только по бартеру. Но худа без добра не бывает – сохранились добрые отношения и с хозяйствами, и с фермерами. Теперь они нередко завозят для сотрудников института лучшее из того, что производят, ибо выручка эта всегда была взаимной.

ВОТ ТАКИЕ ОНИ ВСЕ И ЕСТЬ

Соползневым явлением Носов впервые столкнулся в детстве, на въезде в Черкесск, где, кстати, до сих пор не удается остановить «ползучий процесс». Вспомнил Константин Николаевич об этом в связи с аналогичной проблемой, периодически повторяющейся на дороге в краевой центр. Вот и сейчас в Ставрополь можно проехать только по объездным маршрутам. А ведь, казалось бы, совсем недавно укрепляли оползни.

Чтобы ввести в курс, Константин Николаевич подробно рассказывает о том, как в свое время изыскатель Э.В. Запороженченко приглашал в Пятигорск специалистов из Белгородского института ВИОГЕМ, едва прослышав о том, что они практически впервые в мире успешно применили на практике геофизические методы наблюдения за напряжениями грунтов в оползнеопасных местах. И тут же эта методика была использована на объектах водоснабжения Ставрополя.

– Теперь мы знаем, – рассуждает Константин Николаевич, – что в этих местах начались подвижки по древним плоскостям скольжения на глубине 50-60 метров. А это значит, что надо быть готовыми к любой катастрофе.

С учетом проведенных изысканий институт разработал и утвердил технико-экономическое обоснование новой системы водоподачи. Время не терпит, от первой и второй очередей системы остались только следы на склоне, да и последняя, третья – на грани остановки. Естественно, строительство этих объектов началось немедленно.

– В этих условиях, – заметил мой собеседник, – основная мера борьбы одна – уйти от оползня. В этом мы убедились еще на реконструкции дюкерных переходов Алханчуртского канала.

Вот и сегодня Константин Николаевич вместе со своими специалистами доказывает, что «спичками Божью силу не удержишь», как говаривал один из его учителей.

– О чем еще спорить, – продолжает он, – если забитые в 1993 году вдоль дороги пятнадцатиметровые сваи уже переместились на 80 метров. Сейчас, когда дорожники стали и нас привлекать, выясняется, что в предыдущие годы они применяли стандартные методики, которые в данном случае непригодны...

Два года назад Константин Николаевич тоже вспоминал Божью силу, доказывая, что расчистка русел рек – занятие, как минимум, бессмысленное.

– И тем не менее, – подчеркнул он, – на эту пустую, абсолютно бесполезную работу в каждом прибрежном населенном пункте списываются немалые средства, а на самое необходимое – поддержку каналов в рабочем состоянии – их нет.

Но вернемся к беседе по дороге в Ставрополь. Константин Николаевич сам за рулём. Признался, что эту страсть к технике у него пробудили старшие братья. Здесь же он, притормозив, наглядно показал все эти подвижки на дороге.

Потом долго рассказывал о Юрии Александровиче Максимове – инженер высочайшего класса, затем директор института, он и художник-любитель, с которым считались профессионалы. Кстати, одна из его работ представлена на обложке этого номера альманаха. Максимов, как и Николай Николаевич Михеев, бывший директор института, выросший до министра мелиорации и водного хозяйства, в 1984 году был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Стоит ли удивляться, что построенные по проектам института гидротехнические сооружения отличает не только высокая надёжность, но и отвечающая самым высоким художественным вкусам эстетика, а это тоже традиция!

Давайте вспомним Эдуарда Валентиновича, как хороший пример того, чем отличается мышление профессионала своего дела от изысков недобросовестных политиков. Это случилось ещё в 1983 году, когда на всю страну прозвучала трагедия с альпинистским лагерем «Джайлык». 19 июля, в разгар альпинистского сезона, в шесть часов утра мощный селевой поток вырвался из ущелья и устремился по руслу реки Куллумкал-Су вниз, сметая всё на своём пути, разрушая постройки и накрывая их восьмиметровым слоем наносов. Такое случается один раз в 600-700 лет. Под слоем камней и песка был погребен «Джайлык». Но ни один человек не пострадал. За несколько часов до катастрофы, поздней ночью, Эдуард Валентинович Запорожченко (почувствовав неладное) двумя днями раньше вышел в высокогорье к известному ему месту возможного формирования селя, по рации связался с альплагерем и потребовал немедленно покинуть всем опасную территорию. Даже самые современные сейсмодатчики не могут спорить с интуицией профессионала, тем более, если он по природе своей мечтатель. Или благодаря этому! Так он спас большую группу – 270 своих коллег-альпинистов.

Запорожченко – альпинист самого высокого ранга, кандидат геолого-минералогических наук, стал крупным учёным и в области инженерных изысканий, а сегодня считается в округе и одним из лучших специалистов по экзогенным (особенно оползневым и селевым) процессам – этой сверхактуальной проблеме для многих населенных пунктов. Эдуард Валентинович – автор и соавтор инженерно-геологической части проектов крупнейших водохозяйственных объектов не только СКФО, но и всей России, автор ряда уникальных проектов защиты объектов от опасных природных явлений. Работал и во многих зарубежных странах. Прошел путь от инженера-геолога (с 1956 г.) до заместителя технического директора по изысканиям и заместителя генерального директора по научной работе.

Как альпинист Запорожченко имеет более 40 своих собственных маршрутов. Под его руководством совершено более тридцати восхождений на вершины, где ещё не ступала нога человека. Имея право первопроходца, одну из них, в горах Карачаево-Черкесии, он назвал «Мелиоратор» – именем отрасли, которой он верой и правдой служит уже 56 лет.

Ему принадлежит ещё одна необычная идея. В июле 2002 года в скверике, возле здания института «Севкавгипроводхоз» был торжественно открыт символический памятник мелиораторам – необычного размера валун. Теперь это не просто валун, а уникальный геологический объект, так как возраст его определен специалистами в пределах от 250 до 300 миллионов лет. Здесь нередко останавливаются экскурсанты, а сотрудники института знают – достаточно в обеденный перерыв посидеть рядом с ним на лавочке минут 10, как любой стресс уходит. И вообще

валун этот, перекочевав к людям с одной из вершин Кавказского хребта вблизи г. Тырныауза, теперь приносит удачу. И не только им, а всем, кто служит добру.

А как она нужна сегодня мелиораторам! Особенно в очередной битве за теперь уже новый вариант проекта «Волга-Чограй II»! В отличие от первого, второй предусматривает забор воды не из Волги, а из Волгоградского водохранилища, что позволит брать воду для шлюзования из канала, а не из Дона, а также избавит от необходимости водозабора из устья Волги, сохранив его для нереста осетра. Пройдет канал по степям Калмыкии (помните опасность опустынивания) с заходом в Ставропольский край, пополнит и сохранит Чограйское водохранилище и далее пойдет в Дагестан на рисовые чеки, превращая прилегающие уголья в оазисы.

Споры продолжают. Не столь горячие, как по проблеме «Волга-Чограй I», но в чем-то очень схожие. И эта параллель позволяет еще раз задаться простым как мир вопросом: ну до каких пор мы будем считать, что «нет пророков в своем отечестве»? Есть прекрасные специалисты, ученые, прошедшие уникальную 85-летнюю (а по сути в два раза большую) школу жизни. Это их трудом создан и поддерживается на плаву уникальный водохозяйственный комплекс края. Но почему степняки, продавая электроэнергию, ни копейки не платят за эксплуатацию каналов, хотя бы для поддержания тех же каналов в рабочем состоянии. Не платят за воду и сельхозпредприятия. А в итоге основные гидротехнические сооружения Невинномысского канала оказались на грани катастрофы. В 2003 году четвертый затвор на плотине заклинило – сломалась «нога». А следом пошел на изгиб шестой затвор. За два срока допустимой эксплуатации металла в водном режиме «устали» все сооружения. А вот люди держат марку! Мечтают о том времени, когда на ремонт БСК будут выделяться необходимые средства. Как же тут жить, если ещё и не мечтать!

Было и серьезное испытание – паводок 2002 года. Губернатор Краснодарского края Ткачёв официально поднял вопрос о том, что во всех бедах его края виноваты, мол, Ставропольские каналы. Была даже проверка с привлечением соответствующих специалистов, вплоть до ФСБ: обвинение-то посчитали архисерьёзным. Тщательная проверка подтвердила, что несмотря на то, что многие ирригационные сооружения уже перешагнули отведенный им срок эксплуатации, вся водоподача проходила в нашем крае строго в соответствии со сложившейся ситуацией, что как минимум на порядок сократило убытки (!) от потерь (в том числе и краснодарских), если бы сооружений БСК не было бы вообще.

Это и есть настоящая победа коллектива института. Хотя никто ему за это даже «спасибо» не сказал, а чиновник, затеявший сыр-бор, не только в отставку не подал, но даже не извинился.

Справедливости ради заметим, что испытание выдержали, но было оно на самом пределе.

Сколько подобных глупостей уже было и сколько ещё будет, если чиновники не прислушаются к голосу разума – голосу специалистов и профессионалов, а не менеджеров, порхающих по верхам в поисках собственной выгоды. Ведь практически все трагедии с мощнейшими обвалами и селями, с жертвами и разрушениями были так или иначе спрогнозированы отсюда – из ОАО «Севкавгипроводхоз», с проспекта Кирова, 78. Но об этом чуть позже, а сейчас несколько цифр о том, какие следы уже оставил на нашей планете этот коллектив.

Достаточно сказать, что в странах бывшего СССР и за рубежом по проектам института построены более 50 крупных водохозяйственных объектов и уникальные оросительные системы на площади свыше 1,2 миллиона гектаров! Только на Ставрополье площади орошаемых земель перевалили уже за 400 тысяч гектаров, с удвоением и даже утроением урожаев в засушливые годы.

К сожалению, уже истекли все сроки эксплуатации мелиорированных площадей. Предложения института по этой проблеме вот уже более 20 лет безрезультатно кочуют по кабинетам на разных уровнях. Институт разрабатывал свои проекты для 15 зарубежных стран: Китая, Монголии, Кубы, Алжира, Ирана, Ирака,

Лаоса и других. В большинстве из них эти объекты поддерживаются в рабочем состоянии. Кроме России.

О высоко профессионализме коллектива говорит и тот факт, что здесь выпестованы два лауреата Государственной премии СССР, 16 заслуженных мелиораторов России, 30 орденосцев и 150 обладателей медалей различного уровня. Этот факт из биографии трудового коллектива, согласитесь, достоин книги мировых рекордов Гиннеса.

Первопроходец строительства каналов князь Эристов мечтал о том, чтобы напоить сухие степи Ставрополя живительной водой. Его мечты обрели жизнь благодаря крупнейшим в России, да и в мире Большому Ставропольскому каналу, Правоегорлыкской, Терско-Кумской, Наурско-Шелковской, Караногайской, Лео-егорлыкской и многим другим голубым артериям, несущим жизнь.

Не значит ли это, что именно его идеи лежат в основе всей яркой деятельности института ОАО «Севкавгипроводхоз». Не случайно ведь вместе с ним, через 260 лет, имя князя Эристова уже перешагнуло из XVIII века в век XXI? И было бы на наш взгляд справедливо и вполне заслуженно, официально, Указом Президента России увековечить его имя в названии института, которому уже есть чем гордиться, а впереди столько дел, что он без сомнения перешагнет, как минимум, и в век XXII?

Итак: проектный институт ОАО «Севкавгипроводхоз» имени князя Григория Романовича Эристова. Звучит! Россия не должна забывать имена, которыми вправе гордиться.

Здесь, как говорится, сам Бог велел ещё раз в этом номере процитировать строки великого мечтателя-провидца, сына поморского рыбака Михайлы Ломоносова о том: «Что может собственных Платонов Российская земля роджать».

ТО ЛИ ЕЩЁ БУДЕТ

Константин Николаевич Носов родился 22 июня 1948 года в селе Юца. В большой крестьянской семье он был самым младшим. В школе легко давались точные науки – математика, физика, химия. Но подружился он на всю жизнь с учительницей русского языка и литературы Валентиной Петровной Алдошиной и ее супругом Владимиром Ивановичем, который впоследствии и пригласил молодого специалиста на работу в институт.

Носову везло на учителей. Впрочем, и учителям везло на Носова. Это ведь всегда процесс взаимный, как вообще все на земле: есть солнце и вода – значит, есть и жизнь. Исключи хоть одно из слагаемых, и все постепенно остановится. Что и происходит сегодня на всем протяжении так и не родившегося канала «Волга-Чограй I».

Однажды Константин Николаевич обронил фразу: «Проект, он ведь никогда не останавливается, всегда идёт». Я не сразу понял, что за ней скрывается и сам стиль его работы, да и жизни всего коллектива.

...Носов убежден в том, что наша большая, самодостаточная страна не должна зависеть от продовольственных проблем других стран. Иначе этот дамклов меч появится и в небе над Россией, если уже не завис.

Сегодня это важно, хотя бы в том плане, что «новоявленные ястребы», осознав неизбежность заката Нового света, на уже четыре века стоящий перед человечеством вопрос Шекспира¹ «Быть или не быть?» ответили не задумываясь: «Быть, если уничтожить население Китая и России». Это, конечно, бред. Но продовольственная проблема будет вставать перед человечеством всё острее и острее. И это уже факт.

В это же примерно время кабардинский писатель Владимир Вороков завершил

¹ Шекспир – потрясающий копьём (англ.)

работу над романом – дилогией о кавказской и гражданской войнах, в самом названии которого заключён ещё один ответ на этот же вопрос: «Прощающие да простят». Так что есть пророки и в нашем Отечестве. А выбор остается за человечеством.

Мне лично импонирует ответ Владимира Ворокова, тем более, что ещё в конце XX века Россия уже сделала такой шаг по отношению к Германии: прощающие да простят! Это, однако, не означает, что забудут.

...Постепенно, шаг за шагом, но достаточно эффективно институт стал проникать и непосредственно в сельскохозяйственное производство. А занимается этим выпускник Ставропольской сельхозакадемии, кандидат технических наук, сын Носова – Алексей Константинович. Тихо и спокойно, наряду с весьма хлопотными обязанностями заместителя генерального директора по производству, он каждые два года (на общественных началах) выдает на гора вкупе с другими учеными СтавНИИГиМа научные труды по методике эффективного использования современной дождевальной техники, предусматривающей экономное расходование воды. Разрабатывает и издает методические рекомендации по возделыванию различных культур на орошении.

Алексей Константинович мечтает о тех временах, когда на орошаемых полях появится спецтехника для орошения туманом, при котором расход воды сократится на порядок, но возрастет урожайность и резко улучшится качество конечного продукта.

По сути, это не орошение, а создание идеальных условий для роста и накопления урожая. При обычном орошении капли воды на растении превращаются в маленькие линзы и повреждают листья, прожигая их.

Дочь Носова Инна Константиновна Бучнева – человек тоже весьма неординарный. Она с отличием окончила школу, затем техникум и Пятигорский государственный технологический университет, тоже с отличием, какое-то время не могла найти работу. Отец предложил ей попробовать себя во вновь создаваемом аналитическом отделе. Попробовала, получилось как всегда на отлично, да так увлеклась, что вскоре и возглавила отдел. Прекрасно понимая, что требовать с неё будут строже, чем с других. Так оказался при деле весь кругозор её познаний.

И это тот самый (нечастый) случай, когда во главу угла при совместном принятии решений ставятся не родство, а интересы дела – здесь они превыше всего.

Вот уже и внуки подрастают и тоже есть чем гордиться: старшая Татьяна уже в аспирантуре, Иван и Дмитрий – школьники, учатся отлично. А как радуют успехи Анфисы, студентки 3 курса ПГЛУ, окончившей и художественную школу. Ведь вторая после музыкальной классики страсть деда принадлежит живописи и тоже классической.

Более того, сегодня весь институт постепенно превратился в настоящий художественный музей, начиная от просторного холла, мрамора лестничного пролета, рабочих кабинетов, до актового зала на четвертом этаже. Вместе с запасником наберется не менее полусотни нередко лучших художественных полотен Кавминводских мастеров живописи. Один из них, Виктор Фёдорович Комаров (см. альманах «ГК» № 3'2009) при первом же знакомстве с восторгом говорил мне о том, что Константин Николаевич любит живопись и художников, и отметил особо:

– Он часто бывает на выставках и безошибочно, по почерку, узнает работы каждого из нас, – подчеркнув, – такое сегодня не часто встретишь...

В институте собрана самая, пожалуй, большая на Кавминводах экспозиция местных художников. И с каким интересом, широко открытыми глазами смотрят на эти полотна ребята из подшефной средней школы № 11, которая находится рядом, через проспект, где когда-то учился выдающийся российский поэт Геннадий Колесников.

Особая гордость Носова – молодое поколение. Молодёжь здесь помогают и учиться, и обустроиваться с жильём. А главное – молодёжь здесь уважают и принимают такой, какая она сегодня есть. «Другой не будет».

Трудно придумать более творческую обстановку чем та, которая царит здесь. Константин Николаевич даже мечтает о том дне, когда все сотрудники бросят курить. Здесь с согласия коллектива уже перенесли начало рабочего дня с 8 на 9 часов с тем, чтобы утренний час использовать для прогулок на свежем воздухе.

Именно здоровый образ жизни и творчество лучше всего объединяют коллектив. И ещё – учёба. Здесь она, как и проекты, тоже на месте не стоит. Такое я встречал разве что в авиакомпаниях, где постоянная учёба возведена в ранг закона.

В солидную техническую библиотеку приходит по подписке до 60-ти специальных технических изданий периодики, а «теперь в неё регулярно поступает и художественная литература – с автографами авторов в адрес альманаха «ГК». Институт регулярно выписывает для сотрудников ведущие центральные, краевые и местные газеты.

Специалисты направляются на различные курсы, где бы они ни организовывались, с последующим кратким письменным и подробным устным рассказом обо всём услышанном.

Поддерживается связь с профильными вузами и НИИ страны, нередко курсы организуются прямо в институте с приглашением ведущих учёных и авторов научных публикаций, в том числе и из-за рубежа. В последние годы обязательным стало участие сотрудников института во всероссийских и международных конференциях.

– Постоянный творческий поиск, – считает Носов, – всегда отличает стиль работы Б. Васильева, Э. Запороженко, Е. Деревягина, А. Селина, В. Хижнякова, А. Падня, Т. Мыльниковой, А. Бутенко и многих других. Это лучшие традиции, доставшиеся нам по наследству.

Носов до сих пор помнит первую встречу с поразившим его воображение Черным морем, когда в составе хорошо поработавшей ученической бригады их на недельку возили в Анапу. Помнит неповторимую мелодию прибоя. Возможно, там или еще раньше, на самой вершине Джуцы, открытой всем ветрам, где прошли счастливые минуты детства, он научился слушать музыку жизни. И эта любовь – тоже на всю жизнь. Живую музыку он может слушать часами, будь то классика, песня или шум дождя. Но именно живую, которая одна в состоянии превратить энергию задумок в мелодию конкретных дел.

Константин Николаевич легок на подъем. Его хорошо знают не только во всех республиках СКФО, но и во многих областях России. А в последние годы зачастил к соседям и в Краснодарский край. Сочи стал домом родным. Институт получил заказы на топосъемку взлётно-посадочной полосы междугородного аэропорта в Адлере, на разработку проекта лесохозяйственных и противопожарных дорог на Красной Поляне и в Сочинском Национальном парке! По два-три раза в месяц приходится наведываться туда. А попутно заезжать в Новороссийск, Туапсе, Анапу, где тоже намечаются интересные работы – Черноморское побережье готовится к зимней Олимпиаде 2014 года.

– Губернатор края подписал принятый краевой Думой Закон «Об организационной, экономической и финансовой основах функционирования водохозяйственной системы Ставропольского края», – продолжает беседу Константин Николаевич, – а это значит, что впереди – большая и интересная работа. По этому закону водопользователи, включая энергетиков, будут платить за воду, появятся средства на реконструкцию гидротехнических сооружений.

Как-то я поинтересовался, чем объяснить тот факт, что проекты и предложения института зачастую идут впереди времени, но не всегда им внимают те, кто должен не только слушать, но и слышать?

– По поводу «слышать», – ответил Константин Николаевич, – действует, думаю, старый заезженный комплекс якобы «финансовой несостоятельности», – хотя в каждом подобном случае затраты в итоге оказываются на порядок больше. Ну, а порой «вперед трамвая» мы оказываемся в силу того, очевидно, что дружим с природой и её естественными законами. И ещё – мы всегда говорим правду, какой бы горькой она ни была. И тут же привел убедительный пример:

– Наши специалисты, и мы гордимся этим, – Юрий Гнездилов, Святослав Флоринский и Наталия Харина создали модель вековых колебаний воды озера Тамбукан – этого уникального источника целебной грязи, тем самым научно обосновав и пути его сохранения для будущих поколений. Появились неоспоримые факты того, что грязь начинает терять целебные свойства.

К сожалению, ещё бытует ошибочное мнение о том, что нынешний (уже 30 лет) период больших вод – природный процесс и вмешиваться в него, мол, не следует.

Как известно, у Тамбуканской грязи нет аналогов ни в России, ни в Европе. И угроза потерять её навсегда до сих пор сохраняется.

Нельзя не сказать несколько слов и об уникальном проекте канала «Евразия», который обязательно придёт на смену Великому шёлковому пути. И наконец-то соединит Европу с Азией. Может быть, в этом и заключается особое предназначение России, уютно раскинувшейся между ними.

Взаимообмен товаров и услуг – лучший путь к примирению и согласию, и пройдёт он по России. Иного пути просто нет.

Человечеству ещё только предстоит осознать значимость этого шага, как очередного прорыва России в космос – Космос человеческого сознания.

Но вмешалась большая политика: «Не время, мол, ждите!» Но здесь ждать не принято – «проект никогда не стоит». И вот уже новая идея будоражит сердца: а ведь есть не менее шёлковый, абсолютно безопасный и экологически чистый путь – над землёй, с помощью аэростатов! А почему бы и нет? Главное – связать две части света, не так ли? Помните: «с тех пор институту всё удаётся». «Если мы не успеем, то наши дети это сделают обязательно».

С созданием Межрегиональной селевой ассоциации, президентом которой избран Константин Носов, а вице-президентом – Эдуард Запороженко, институт постепенно, шаг за шагом, превращается в один из центров изучения проблем селевой опасности, уже, кстати, обладая международным сертификатом качества. В условиях нарастающих подвижек земной коры и пробуждения вулканов всё более актуальным становится прогнозирование селей и возможной защиты от них.

В сентябре 2008 года на базе института состоялась международная конференция селевой ассоциации «Селевые потоки: катастрофы, риск, прогноз, защита»¹. В её работе приняли участие ведущие учёные в этой области науки из России, Армении, Грузии, Италии, Тайваня, Казахстана, Украины, Китая, Британской Колумбии, Канады и других стран. Сейчас Константин Николаевич готовится ко второй конференции, которая посвящается 100-летию выдающегося селеведа и автора учебника «Сели», 15 лет возглавлявшего селевую комиссию при Академии наук СССР, руководителя селевого отдела в лаборатории снежных лавин и селей географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора, доктора географических наук Семёна Моисеевича Флейшмана. Она состоится в Москве 18-19 октября 2012 года в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Более того, коллектив института уверенно продолжает стезю одного из лидеров экономического развития России и социального обеспечения сотрудников. И даже кризис не в состоянии свернуть его с этого пути.

Об этом говорит и официальное заключение Международного центра инве-

¹ С материалами конференций можно ознакомиться на сайте Межрегиональной селевой ассоциации: www.df08@narod.ru.

стиционного консалтинга, признавшего ОАО «Севкавгипроводхоз» предприятием, обладающим высоким качеством финансового и производственного менеджмента, высокой рентабельностью, стабильной платежеспособностью, отлаженностью всех процессов технологического цикла.

«На селе, – считает Носов, – как и вообще в жизни всё взаимосвязано. Появились инвестиции – стали развиваться крупные животноводческие комплексы и кормовая база, которая без мелиорации не может быть стабильной. Именно таким предприятиям под силу создавать специальные хранилища для своей же продукции и даже перерабатывающие цеха: тогда само собой станет исчезать и преступное по сути своей посредничество, диктующее всем (и производителям, и покупателям) свои цены.

В моем понимании, жизнь невозможна не только без воды. Она невозможна и без мудрого доброго слова поэта и писателя, без полотна, одухотворенного кистью художника. И пусть будет все, что дает каждому из нас право называться человеком!»

В активе коллектива десятки Почетных грамот, дипломов, благодарственных писем и других, в том числе и спортивных признаний, а на самом почетном месте – Патриаршая грамота Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с текстом: *«Дана Носову Константину Николаевичу, генеральному директору ОАО «Севкавгипроводхоз» во внимание к помощи в строительстве Спасского собора в. Пятигорска. 5 апреля 2011 года в граде Москве».*

Ну а что касается проекта «Волга-Чограй I и II» – то это, согласитесь, тот самый редкий случай, когда поражение становится с годами победой. Победой всего коллектива института и его генерального директора – академика Международной академии минеральных ресурсов, члена-корреспондента инженерной академии России, академика Академии экономического и социального развития РФ, заслуженного мелиоратора России Константина Николаевича Носова. Удачи им на этом непростом пути! Жить и мечтать! Что может быть лучше этого?

Мелиораторы содействуют самому чудодейственному в природе союзу земли и воды. Не потому ли, что это и есть самое близкое к Божьему промыслу ремесло, ибо оно в итоге кормит всех независимо от цвета кожи, языка, разреза глаз и вероисповедания. Ближе может быть только рождение ребёнка – будущего России.

Разговор о наболевшем продолжают участники IX Симпозиума VI Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество»*

СУДЬБА ЯЗЫКА И ЯЗЫК СУДЬБЫ

М.-А. Г.-А. САФАРОВ
(Ставрополь, Россия)

Судьба народа тесно взаимосвязана с его языком. Язык живёт в созданной им литературе. Английский стал средством международного общения потому, что основной вопрос Нового времени был задан на нём. Дилемма «Быть или не быть» закономерно возникла перед людьми как следствие научно-технического прогресса. Впервые за всю известную нам историю у людей появилась возможность уничтожить свой биологический вид и даже саму жизнь как явление. Таким образом, вопрос приобрёл сверхактуальность. Но первоначально в самом начале рывка научно-технической революции этим вопросом задался датский принц, герой драмы Шекспира «Гамлет». И это определило выбор международного языка.

Вторым по распространению в западном мире является испанский, что тоже неслучайно. Почти одновременно с «Гамлетом», с разницей в несколько лет, в свет вышел роман Сервантеса «Дон Кихот». Достоевский говорил, что в день Страшного суда главным оправдательным документом человечества, возможно, станет книга о Рыцаре печального образа.

Осознание нерасторжимой связи судьбы языка и судьбы народа очень важно для понимания нашей сегодняшней ситуации.

Ещё недавно население шестой части суши использовало русский в качестве языка межнационального общения. Большинство объединённых русским языком людей никогда не читало произведений русской литературы, а зачастую и не знало о них, но созидаящая и объединяющая сила этой литературы создавала поле общения для представителей разных традиций. Но вот СССР распался, и параллельно с этим трагическим процессом началась агония русского языка.

Как дьяволы из преисподней выскочили антиписатели, косноязычные, лишённые способности видеть и слышать то, что напрямую не связано с физиологическими функциями или финансовыми возможностями. Автомобиль героини романа описывается с той же подробностью и вкусом, что и очертания её деликатных мест. Отмечу, что происходит это всё на том языке, на котором были описаны любовь и трагедия Анны Карениной.

Пишут книги с матом на языке, на котором даже каторга была описана ярко, но без единого ненормативного слова.

Обратившись к истории, мы видим, что стадия роста Российской империи совпала с так называемым «золотым веком» русской литературы. Русский мир рос не только шире, но и вверх. В арьергарде наступающей на юг армии ехал весёлый штатский

* Начало разговора в альманахе «ГК» № 4'2011, стр. 168. В полном объеме статьи можно найти (пофамильно) в сборниках Конгресса с пометкой «Симпозиум IX». ЦИИОТ, ПГЛУ, Пятигорск, 2010.

человек, оставивший нам «Путешествие в Арзрум», где всё это описано. И его присутствие было одной из причин военных и политических успехов державы.

Однако немногие согласятся признать эту причинно-следственную связь. Чтобы сделать её очевидной, проследим за совпадениями хода новейшей русской истории и литературы.

Наступивший после «золотого века» «серебряный век» литературы совпал с моментом экономического роста страны.

На протяжении всего этого времени шло формирование литературной среды, большое количество людей пробовало свои силы и в качестве писателей, и в качестве читателей. Да, это не оговорка, появление слоя профессиональных читателей – чисто российское, позже – советское явление. Этот процесс набрал такую силу, что даже потрясения двадцатого века не смогли его остановить или ослабить. Стоит задуматься, а задумавшись, восхититься. Люди, пережившие крушение своего государства в семнадцатом году, индустриализацию, страшную войну, зачастую потерявшие всё, что связывает человека не только с культурой, но и с самой жизнью – родных, дома, друзей, продолжили своё участие в духовно-интеллектуальной жизни. Вынужденные переселяться, менять социальную среду обитания, эти люди читали книги и не просто читали, но понимали и оценивали их, опять-таки, на высочайшем читательском уровне. И наша страна, самая читающая в мире, продолжала свой стремительный путь вперёд и вверх.

Крах наступил только сейчас, с наступлением каменного века русской литературы.

Сейчас настоящая литература стала достоянием даже уже не меньшинства, а исчезающе малой части населения. И это действительно нездоровое и угрожающее положение.

Конечно, нельзя налить воду в пересохший колодец, нельзя требовать создания литературных шедевров от тех, кому богом не дано их создавать. Но дело в том, что написанного в прежние времена вполне хватит на обеспечение существования языка и народа, его носителя, на долгое время. Это богатство нельзя растащить на ваучеры, оно обладает странным свойством увеличиваться по мере роста числа тех, кто им владеет. Задача лишь в том, чтобы его сохранить и довести до законных владельцев известие о его существовании. Рассказать, например, о том, что повесть Достоевского «Игрок» по степени увлекательности далеко превосходит все бандитские сочинения новых литераторов, что стилистическое совершенство не затрудняет чтение, а наоборот, делает его лёгким и интересным.

Существует предубеждение, что успех науки определяет успех общества, а искусство служит чем-то вроде украшения, без которого можно и обойтись. На первый взгляд поиск формулы важнее поиска метафоры. Но это только на первый взгляд. Главное открытие нового времени – понимание того, что все действительно великие дела людей творятся на крошечной, хрупкой, затерянной во мраке мирового пространства планете, были сделаны благодаря совместным усилиям учёных и служителей муз. Перед этим творческим союзом громоздится огромное количество трудных проблем, ждущих своего скорейшего разрешения. Но утрата искусства, или перевод его на второй план, делает все эти проблемы неразрешимыми.

В.А. АЛЕКСЮТИНА
(Кемерово, Россия)

Отражение катастрофизма мира в многообразии его форм стало главной приметой текущего процесса в русской литературе. Тем важнее оказывается поиск опор, выявление вечных истин, непреходящих ценностей. Эта тенденция сближает писателей начала и конца XX в.: те и другие оказались свидетелями крушения культуры, разрушения основ человеческого бытия, тектонических сдвигов сознания, сотрясающих Россию.

Х.М. АКИЕВА
(Назрань, Россия)

Современные реалии на территории России, в частности Кавказа, демонстрируют необходимость знаний особенностей духовного развития народов, тем более, национальных окраин. Секрет глубокого восприятия культуры в том, чтобы понять, что в любом ее явлении несложно обнаружить проявление трех тенденций, порожденных менталитетом нации – это стремление к красоте, идея свободы, кодекса поведения.

С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной «широкой, раздольной воли, неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний».

В ранних произведениях М.Ю. Лермонтова прослеживаются социальные и моральные признаки изображаемой действительности, осмысление реальной жизни героев: традиций, обычаев, религиозных верований.

Социокультурная парадигма «двойка»: она должна объяснять не только культуру общества, но и само кавказское общество, как единое целое. Народы Кавказа владеют богатейшей и во многом не востребованной в российской и мировой истории культурой. Именно Кавказ явился колыбелью древнейших культур: колхидской, майкопской, чохской, кобанской, скифо-сарматской, хазаро-булгарской и др. Р.Г. Абдулатипов отметил прогрессирующие перспективы Кавказа: «Культура народов Кавказа стала источником и регулятором многих этнических культур народов Европы и Азии».

Таким образом, историко-археологический и этнографический материал по культуре и искусству народов Северного Кавказа, в частности ингушей и чеченцев, дает богатую фундаментальную основу для трансляции идей данных культур на международном уровне.

Так, например, для реализации одного из направлений, заданных Президентом Российской Федерации Д. Медведевым – развитие международного туризма в Северо-Кавказском федеральном округе, наиболее оптимальными и логичными были бы пропаганда и трансляция культурного наследия северокавказских народов. В этой связи представляется необходимым в преддверии Олимпийских игр 2014 года создать единый центр культуры и искусства, открывающий индивидуальное своеобразие материальной и духовной культуры каждого субъекта Северо-Кавказского федерального округа. Таким центром мог бы стать альманах «Голос Кавказа».

Н.Ф. БЛОХИН
(Ставрополь, Россия)

Мы всегда помним о том, что народы Кавказа, его литературу и искусство объединяет русский язык. И в этом стремлении к объединению нет противоречий, оно отвечает внутренним и растущим возможностям национальных литератур. Но при этом наивысших вершин на поприще литературы достигают именно те произведения, которые раскрывают общечеловеческие ценности, особенности национального самосознания, традиций, духовной культуры.

Но мы живём в такое время, когда «у нас в России всё... перевернулось и только начинает укладываться». В этих словах толстовского героя дана точная характеристика тех периодов русской истории, которые принято называть переходными.

Но когда «всё перевернулось и только начинает укладываться», что должен делать писатель? На мой взгляд, писателю необходима моральная смелость – не отступить от задачи художественного отражения действительности во всей её пугающей противоположности, показать борьбу противоположных начал (как в обществе, так и в душе человека) во всём её страшном размахе. Но этого недостаточно. Человек – существо нравственное, в нем заложено созидательное начало. Жизнь должна торжествовать над смертью.

Сегодня пишут многие, прилавки магазинов завалены книгами авторов, имена которых ещё недавно Россия не знала. Пишут бывшие милиционеры, бывшие следователи, бывшие прокуроры, бывшие судьи, пишут все бывшие... Я не стану называть их имена. Они вам известны не только по их макулатурно-книжным изданиям, но и по

сценариям телесериалов, далёких от художественных достоинств.

Кто герои этих книг и этих сериалов? Хорошие милиционеры и жуткие бандиты, умные следователи и отъявленные преступники, справедливые судьи и отпетые уголовники... Возможно, мне возразят, что эти книги не имеют никакого отношения к литературе и никак не влияют на литературный процесс!

Сегодня немногие знают, что нового пишут и издают писатели Москвы, Санкт-Петербурга, еще меньше знают, над чем работают писатели в Элисте, Махачкале, Нальчике, Грозном, Назрани, Черкесске, Краснодаре, Майкопе, Ставрополе.

Родит ли и наше время новые имена, которыми будут гордиться потомки и Россия?

Кто сегодня вслед за литературным героем из повести Нилина «Жестокость» наберётся мужества и скажет: «Я отвечаю за всё, что есть и будет при нас»?

Народы Кавказа устали от отчуждения, от навязанной Западом псевдонезависимости, устали от разрушений, устали от войн, цинизма, от ежедневного абсурда и чёрного юмора телевидения и литературы. Сегодня литература, помогающая человеку жить, нужна больше, чем литература, оплёвывающая наш мир.

Преобразовывать Северный Кавказ следует не столько военными и административными мерами, сколько культурой, преобразовывать и широко освещать регион, показывать народам федерального округа всю силу новых для них реформ.

Поэтому роль литературы и искусства, роль просвещения как главного средства ознакомления, убеждения и вовлечения народов Северного Кавказа в мир России сделалась на современном этапе развития Российского государства на Северном Кавказе не только средством вспомогательным, но и равноценным со всеми другими мерами, менее быстротечными по результатам, но зато более глубокими и надёжными.

«Журнал в России стоит кафедры», – утверждал Виссарион Григорьевич Белинский, редактировавший в своё время «Отечественные записки», которыми зачитывалась вся Россия.

Сегодня как никогда назрел вопрос о создании такой «кафедры», которая бы объединила творческие силы нашего уникального округа. Я имею в виду создание литературного журнала, отражающего современные литературные процессы на Северном Кавказе.

Мне бы хотелось обратить внимание на альманах «Голос Кавказа», основанный 7 октября 2005 г. Редакция альманаха привлекает для своего издания лучшие творческие силы не только Северного Кавказа, но и России. Жаль, что выходит альманах пока один раз в год. Сегодня как никогда очевидно, что нам необходимо это единственное, объединяющее Кавказ издание, с реализацией всех направлений уникального проекта.

М.П. ЖИГАЛОВА
(Брест, Беларусь)

Осмысление читателем творческого и языкового синтеза межкультурных систем в художественном произведении связано в первую очередь с умением читателя определить те культурологические элементы, которые отражают национальную картину мира.

Комплексный анализ художественных произведений дает возможность рассматривать их как межкультурный универсум, который формирует не только целостное представление о человеке во Вселенной, но и о характере коммуникации и взаимоотношений между людьми, носителями разных культур.

А.М. КАЗИЕВА
(Пятигорск, Россия)

С точки зрения художественного перевода этническая ментальность – это этнопсихологическая характеристика языкового и надъязыкового бытия этноса, которая находится в диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии с соответствующим языком. С целью адекватного перевода соответствующих этнических текстов она нуждается в особенном внимании переводчика.

Особое значение в достижении адекватности художественного перевода приобретает лингвопсихологический барьер – расхождение лингвоэтнической коммуникативной компетенции носителей языка оригинала и языка перевода. Он определяется рядом факторов, одним из которых является расхождение квазиинформационных запасов носителей языка оригинала и языка перевода (запас квазилингвистических знаний). К квазиинформационным запасам следует также отнести знание переводчика о специфике ментальности соответствующих этносов (наций).

Н.П. КЛИМЕНКО
(Пятигорск, Россия)

Серьезные задачи сегодня стоят перед образованием и каждым педагогом в воспитании экологии культуры посредством мирового культурного наследия. Бесспорное преимущество на этом пути у художественной литературы, так как она – основное средство формирования общечеловеческих норм морали. Д.С. Лихачев ставил ее над всеми другими видами искусства и рассматривал как источник межнациональных тем, идей, воплощающихся во всех остальных видах искусства мировой культуры. «Художественная литература хранит, накапливает и передает от поколения к поколению эстетические, нравственные, философские, социальные ценности», – утверждал он, определяя культурного человека как человека, прежде всего умеющего понимать художественные ценности русской литературы, а значит и «ценности искусства Византии, Европы, Египта, средневековья и многого другого...» Именно к такому пониманию стремится приблизить читателя русская литература.

Г.А. КОЗЛОВА
(Армавир, Россия)

Детский фольклор представляет собой сложное единство трех составляющих – творчества взрослых для детей, произведений традиционного фольклора взрослых, перешедших в детскую среду, и оригинального детского творчества. В ходе исторического развития стран третья составляющая все более усиливается, в том числе и за счет обновления ее авторскими литературными приемами.

Детский фольклор разных стран имеет общие жанры, которые в разной степени акцентированы в творчестве того или иного автора и определены национально-исторической и типологической спецификой литературы.

Мы согласны с мнением Ф.С. Капицы в определении атрибутивных признаков русского детского фольклора и считаем их общими для мировой детской литературы. Среди них: «простота конструкций, несложный, но динамично развивающийся сюжет, запоминающиеся образы, несложные синтаксические конструкции, четкий внутренний ритм, куммулятивность, звукоподражание, аллитерации, ассонансы. Тексты рассчитаны на образное, зрительное восприятие, быстрое запоминание. Часто в них повторяются одни и те же сюжетные мотивы».

А.М. КРАСНИКОВ
(Кисловодск, Россия)

Похоже, что все наши главные проблемы сейчас связаны именно с культурой. Чтобы войти в ряды передовых стран по уровню экономического и социального развития, нам нужно взять «культурный барьер», то есть решить целый ряд проблем, связанных с особенностями и недостатками нашей системы ценностей. Святейший Патриарх Кирилл неустанно подчеркивает, что никакая политическая и экономическая модернизация невозможна без духовного возрождения и культуры. Через культуру, которая определяет суть общества, не перепрыгнуть ни в какой общественной формации.

Высшая политическая элита уклоняется от оценок культуры, и особенно развра-

щающего отечественного телевидения. Деятели культуры если и появляются на экранах ТВ, то в связи с какими-нибудь, в основном лично-пиаровскими скандалами. Политиков, разъясняющих политику, в эфире тоже нет. Умных заменили пробивные. А вспомните, как тщательно отслеживал театральные премьеры и новинки литературы Сталин и ближайшее окружение. Часто ли теперь вы увидите на спектаклях или поэтических вечерах министров, губернаторов или мэров. Разумеется, неизбежное появление послушных и даже подхалимствующих литераторов всегда таило определенную опасность, но ведь наряду с придворным славословием неизбежно прорастает и высокое художественное слово несломленного Паустовского, и разящая сатира Зощенко, и яростная публицистика Аграновского.

Бытует расхожая фраза, что Россия больна политикой, но лечить ее надо экономикой. Все верно, если не забывать, что нравственность и культура взаимосвязаны с политикой и экономикой. В кризис это особенно очевидно. Как и то, что мы скатились до критической черты в нравственности. А растлевающий общество шоу-бизнес – лишь одна из составляющих нашей жизни, которая со всей очевидностью убеждает, как нужен России национальный проект «Культура».

В.Н. ОЛЬХОВ
(Пятигорск, Россия)

Культура, несущая миру свет человеческой души, оказалась без защиты, как со стороны государства, так и общества. Она заблудилась в тенетах рынка, который, хотим мы того или нет, диктует закон «золотого тельца», и самая читающая в мире страна на глазах превращается в свою противоположность.

Мы выступаем за возрождение традиций доступности к СМИ всех, а не только рекламодателей и чиновников, с этой целью предлагаем:

- газетам и журналам, где 50 и более процентов площади отводится самоотчётам чиновников и рекламе, включая скрытую, там, где нет авторского актива и отдела писем, следует ограничить любые формы госдотаций, либо вообще исключить их;
- принять закон (подзаконный акт), который бы разрешал органам прокурорского и следственного надзора рассматривать критические статьи в СМИ как личные обращения авторов на предмет возбуждения административных либо уголовных дел;
- нельзя мириться с тем, что в самой богатой лесом стране цена на бумагу остаётся самой высокой в мире и продолжает расти;
- ввести на государственном канале ЦТ программу традиционной культуры народов России и сегодняшнего её состояния;
- вернуть в лоно культуры все противоправно изъятые у неё дома и дворцы культуры, музеи, кинотеатры, художественные салоны и галереи, другие объекты соответствующего предназначения;
- возродить традиционную для России деятельность кинопередвижек для демонстрации фильмов в отдалённых посёлках, аулах и хуторах.

Мы уже, к сожалению, стали забывать о тех 20 миллионах наших сограждан, волею политиков оставшихся за пределами России. Разве мы не в состоянии издавать книги (а для них бесплатно, представьте, как это порадует, к примеру, севастопольцев). Добавьте к этому обнищавшие библиотеки, в том числе школьные, и тираж лучших книг, в том числе классиков, в 250-300-500 тысяч экземпляров станет обычным делом, а стоимость такой книги будет доступна всем.

Книги для многотиражных выпусков должны пройти, как минимум, два или три объединённых худсовета: региональный, Северо-Кавказский, издательский, а в исключительных случаях и высший литературный совет России.

Словом, при сравнительно небольших затратах будут обеспечены интересы всех сторон, включая государство, так как все издания, поступающие в библиотеки, зачисляются в основные фонды, то есть, по сути, остаются в государстве, способствуя поступательному развитию самой литературы и её будущего.

Против могут быть только издатели и чиновники, которым по разным причинам экономически выгоднее малые тиражи. Но компромисс возможен в любом случае. Нельзя допустить того, чтобы алчность и стяжательство одних вели к невежеству всё общество. Известный дагестанский поэт и писатель Мариам Ибрагимова, вернувшая Кавказу его героя, Шамиля, свою последнюю фразу написала на конверте: «Невежество и алчность – источник всех земных бед». Она очень хотела, чтобы мы не забывали об этом...

О.М. ПАВЛЮК
(*Пятигорск, Россия*)

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался очевидным расцветом «литературы факта», художественно-документальной, мемуарно-автобиографической, дневниковой – словом, той литературы, которую нынче в критике принято называть non-fiction.

В «кавказском тексте» русской литературы конца XX – начала XXI вв. широко представлены произведения мемуарной формы, т.е. «повествования от лица автора о реальных событиях прошлого, участником и очевидцем которых он был». Особенностью подобных произведений является отсутствие сюжета, хроникальность, иногда фотографичность, достоверность материала, отсутствие вымысла. «Мемуарист, воспроизводя лишь ту часть действительности, которая находилась в его поле зрения, основывается на собственных впечатлениях, при этом на первом плане или он сам, или его точка зрения на описываемое».

Автобиографический дискурс «кавказского текста» русской литературы начинается с «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина и продолжает эволюционировать в литературе non-fiction настоящего времени.

Т.Д. САВЧЕНКО
(*Пятигорск, Россия*)

Современное литературоведение, определяя феномен литературы путешествий, отмечает, что в жанре путешествия, как ни в каком другом, переплелись два начала: документальное и художественное. В нем органически сочетаются документ, реальные факты, с одной стороны, и художественно-предметный мир автора – с другой.

Традиция путешествия на Кавказ получила богатое воплощение в многочисленных литературных памятниках. Благодаря этим произведениям кавказский мир постепенно обретал в сознании читателей «плоть и кровь», переставал быть «лишь сферой бытия романтических героев, экзотической природы и экзотических страстей, жестоких войн и обычаев» (Я.А. Гордин).

Ж.Ж. ТОЛЫСБАЕВА
(*Актау, Казахстан*)

Содержание и направление развития русскоязычной поэзии Казахстана конца XX – начала XXI столетий свидетельствуют о ее переходе на новый виток развития. Важнейшей отличительной чертой современной поэзии Казахстана является то, что в настоящих тезисах предлагается называть новым формирующимся текстологическим сознанием. В основу рождающейся поэтики положено обновленное чувство Текста как Мира. В поэзии сегодняшнего дня гетерогенность постмодернистской картины мира на глазах теряет свою востребованность. Поэзия вступает в период поиска новой целостности, когда «высший пилотаж» автора уже не измеряется его способностью «вписаться» в каноны сонета или демонстрацией полной версификационной раскованности в верлибрической поэтике. Установка на создание текста, как жестко организованного художественного целого, определяет поиск Другой поэтики.

Тексты, созданные в соответствии с новыми принципами организации поэтической речи, обнажают степень несоответствия научно-теоретической базы современного литературоведения практике самой поэзии. Сегодня появляется так называемая

рефлексирующая поэзия, которая в процессе познания Текста-Мира по-новому переосмысливает все его элементы. Так намечается абрис новой поэзии, цель которой – постижение «я» через погружение в стихию языка. Перечень поэтических инноваций, отмеченных нами выше, далеко не полный. Думается, что время позволит внести значительное количество замечаний и поправок по излагаемой проблеме.

И.Х. ХОЗИЕВА
(Владикавказ, Россия)

Ни язык, ни фабула, ни форма, ни характеры в отдельности, а все это вместе взятое и уходящее в сердцевину художественной литературы составляет национальное самосознание любой нации. Рассуждая об этой проблеме и ее месте в национальной художественной литературе, наша отечественная филологическая наука приходит к единому мнению о том, что одно немыслимо без другого. С этим, кстати, во многом связаны споры о национальной специфике и национальной самобытности литературы. Национальный колорит в истинном произведении не создается специально. Эти качества возникают сами по себе, неизбежно и неотвратимо. Они творятся сущностью национального самосознания стихийно и поэтому воспринимаются читателем как нечто особенное: сплав содержания и формы. Литература всегда национальна.

Поэтому вместо лишнего конструктивного смысла понятия интернационализации, видимо, следует использовать идеи консолидации национальных литератур и национального самосознания (это уже реалии, а не фантазия). Немаловажно и то, что само понятие консолидации (а не интернационализации!) опирается на феномен культуры (а не на сиюминутную политическую конъюнктуру) общения народов.

Итак, литература не интернационализирует, а консолидирует культуру. И вывод здесь однозначен – высокоразвитая литература рождает высокоразвитое художественное познание жизни.

Другого выхода у человечества попросту нет. Но вместо этого потребительская литература, возникшая на почве безыдейности, бездарности и нравственного вакуума, ведет себя агрессивно и бесцеремонно. Она имеет своих «кумиров» и своих «идолов», стремится приукрасить и романтизировать себя, приучить читателей к своей потребительской философии жизни и перевернутой системе ценностей.

Литература, если только она настоящая, не может не замечать и не бить тревогу по поводу интервенции (другое слово трудно подобрать) в нашу социально-политическую действительность потребительских представлений о ценностях жизни. Дешевый, просроченный и далеко не безвредный ширпотреб, широко рекламируемый через капилляры разнообразных и могущественных средств массовых коммуникаций, легко проникает в нашу среду и сеет безвкусицу, безыдейность, черный разврат и равнодушие.

МАРЗИЕ ЯХЬЯПУР.
ДЖАНОЛАХ КАРИМИ-МОТАХХАР
САМИРА ЭСМАИЛИ
(Тегеран, Иран)

В творчестве А. Шамлу и В. Маяковского есть очень схожая черта – оба были поэтами-новаторами и даже революционерами в поэзии. На протяжении всей своей жизни и Шамлу, и Маяковский боролись со старыми принципами и поэтическими традициями, считая их неактуальными для современного им мира.

А. Шамлу и В. Маяковский вошли в историю литературы своих стран как смелые новаторы, создавшие новый поэтический язык. Их отношение к поэтической традиции, стереотипам и авторитетам в поэзии было однозначно негативным.

Конечно, Шамлу, воспитанный на великой персидской поэзии, имел свой путь в искусстве, неразрывно связанный с историей и чаяниями своего народа. И все же именно ему, как никакому другому иранскому поэту, был близок стиль русского «горлана-бунтаря», именно он донес до иранского читателя лучшие строки российского собрата по перу, именно А. Шамлу называют «персидским Маяковским».

СИМПОЗИУМ IX. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В центре внимания участников симпозиума находились проблемы межкультурного взаимодействия на этическом, эстетическом и мировоззренческом уровнях.

Глобализационные процессы в начале XXI века ставят перед современными писателями и литературоведами актуальные проблемы интеграционного характера. В связи с этим предложения симпозиума сконцентрированы на вопросах взаимодействия науки и практики преподавания художественной литературы в средних и высших учебных заведениях РФ. Кроме того, выступающие отмечали необходимость более активного научно-методического осмысления корпуса современных текстов как на национальном, так и на мировом уровнях. Участники симпозиума уделили особое внимание также изучению культурных традиций в контексте современной исследовательской мысли.

Участники симпозиума предложили:

а) включить в Государственный план социально-экономического развития СКФО издание, объединяющее народы Кавказа на базе русского языка – Северо-Кавказский некоммерческий литературно-публицистический и художественный альманах «Голос Кавказа», основанный 7 октября 2005 г. и издаваемый на общественных началах, с переводом его на языки Олимпиады (английский и французский);

б) на базе расширенной редколлегии альманаха «Голос Кавказа» открыть Северо-Кавказский филиал ФГУП «Издательство «Художественная литература»;

в) творческим союзам округа определить пути взаимодействия с последующим объединением творческих союзов в рамках единого для СКФО творческого союза;

г) возродить работу объединенных худсоветов как школ творческого мастерства в регионах и в округе;

д) региональному телевидению и радиовещанию в СКФО рекомендуется возродить взаимообмен культурными теле- и радиoproграммами, а для лучших из них добиваться выделения времени на центральном государственном телевидении и радиовещании;

е) необходимо принять меры для введения в разумные рамки почтовых тарифов на доставку печатных изданий, которые уже давно превышают стоимость самих изданий.

Далее:

Участники симпозиума поддержали:

а) идею финансового участия всех республик и края в строительстве в окружном центре самого современного Дворца культуры – центра Дружбы народов;

б) всемерное повышение ответственности каждого члена творческих союзов перед своим народом и страной за утверждение в своих произведениях, своем творчестве идей патриотизма, свободы, добра, любви и взаимопонимания;

в) стремление поднимать на высшие пьедесталы почета не только чиновников и звезд эстрады, а в первую очередь самых достойных писателей, поэтов, художников, публицистов, деятелей театра и кино, формирующих культуру страны, но остающихся за бортом ее внимания;

г) массовое тиражирование лучших произведений, в том числе по госзаказам для всех библиотек СКФО, России и стран СНГ. Это возможность при минимуме затрат: обеспечить книге самую доступную цену; гонорар автору и переводчику; самые высокие отчисления в литфонды и издательства.

В работе симпозиума участвовали два академика, 9 докторов наук, 19 кандидатов филологических наук, 10 доцентов и аспирантов, преподаватели и студенты, в том числе авторы 59 публикаций.

Наследие

К 90-летию великого калмыцкого поэта

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ:

*Меж миром и мною
исчезли границы.
Я – воздух.
Я – ветер.
Я с далями сплп...*

ВЯЧЕСЛАВ НАСУНОВ

СТИХИ И ЛАГЕРЯ

Давид Никитич Кугультинов – один из ярчайших представителей многонациональной российской литературы, народный поэт Калмыкии, он был участником Отечественной войны, дважды репрессирован – сначала вместе со своим народом по национальному признаку, затем уже по другому, более опасному для сталинского режима признаку – идеологическому. Норильские лагеря, освобождение, поздняя учеба в Литературном институте, восстановление автономии Калмыкии. Все эти разные по свойствам и содержанию события его судьбы сформировали зрелого поэта с ясным, философски глубинным слогом.

Как всякая крупная творческая личность, Кугультинов был, как принято говорить, фигурой противоречивой. Он был знаком с Хрущевым, Брежневым, дружен с Горбачевым, встречался и с Ельциным, и с Путиным.

Настоящее признание властей Калмыкии Кугультинов получит только в конце 80-х. Вот тогда-то и прорвало – он получил все, что тормозилось долгие годы в Элисте. Стал Героем Социалистического Труда, членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро ЦК компартии РСФСР. Страна узнала его и как выдающегося общественного деятеля.

Власть может вознести, а может и наказать. Единственное, что теперь утешает, – Кугультинов навсегда свободен от опеки или равнодушия любых властей. Он теперь действительно целиком и полностью принадлежит своему народу.

Одними из самых потрясающих его поэтических строк были такие:

*Никто не помнит
своего рождения,
Никто не вспомнит
свой последний час,
Два рубежа, две грани,
два мгновенья,
Неведомы ни одному из нас...*

Теперь самая великая тайна человечества ему ведома. Но рассказать нам об этом Давид Никитич уже не сможет.

БОРИС РЯБУХИН

СУЩЕСТВОВАНИЕ ДОБРА

«Если литература талантлива, если это искусство, – говорил Давид Кугультинов, – то оно помогает человеку и обществу осознать самих себя. А это очень важно во все времена. Это необходимо и человеку, и человечеству».

Давид Кугультинов давно стал златоустом калмыцкого народа. Но и, благодаря прекрасным русским переводам, признан как выдающийся поэт современности не только в нашей стране, но и за рубежом. Он отразил в своем творчестве коренные моменты эпохи. Его глубоко народные произведения – вклад поэта в золотой фонд многонациональной российской литературы.

Давид рано стал «воителем за правду». Он родился 13 марта 1922 года в селе Гахан-Абганеры Большедербетовского улуса Калмыкии, в семье сельского учителя. С детства писал стихи. Он учился в 10 классе, когда был издан его первый сборник «Стихи юности». Молодого поэта заметили в 1940 году, когда в Элисте праздновали 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар». В 18 лет его приняли в Союз писателей по рекомендации Александра Фадеева. И на пленуме СП назвали «надеждой калмыцкой поэзии». Он успел проучиться два года на историческом факультете Элистинского пединститута и ушел на войну литсотрудником дивизионной газеты. Дороги войны свели его с писателем Василем Быковым. Вступил в партию.

И вдруг в 1944 году был «демообилизован за принадлежность к калмыцкой национальности», как написал в автобиографии на страничке тетрадного листка в клеточку.

В пору лихолетья, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года все калмыки как «изменники и предатели» подлежали выселению в Сибирь, а Калмыцкая автономная республика ликвидировалась. Вот такая историческая несправедливость постигла народ, участвовавший в сражениях за независимость России, от Полтавской битвы до Великой Отечественной войны. Кстати, боевой клич храбрых калмыцких воинов «Урала» стал в русской армии победным «Ура!».

В 1946 году поэт был осужден за свою, фактически правозащитную, деятельность по статье 58/10 на 10 лет и отправлен в Норильский государственный особый режимный лагерь. Последовали 12 лет каторги и ссылки.

По окончании срока в Норильском ГУЛАГе Кугультинов вернулся в Элисту. А в 1956 году был полностью реабилитирован.

Как только освободился из лагерей, неумный Давид Кугультинов сразу написал письмо-ходатайство на имя Г.М. Маленкова с просьбой решить судьбу Республики Калмыкия. Уже в 1957 году в составе инициативной группы он принимал активное участие в восстановлении автономии Калмыкии.

«И 1958 год был годом активного возвращения калмыков из ссылки в родную степь, – вспоминает поэт, – да и вся страна, мне казалось тогда, была на подъеме...»

Давид Кугультинов получил известность философа, мыслителя, оратора. Он экстерном закончил аспирантуру Литературного института. Возглавил Союз писателей Калмыкии.

В 1970-е годы стал членом правления Союза писателей СССР. И даже какое-то время заседал в Политбюро.

Его стали активно переводить на многие языки. Среди его переводчиков – Михаил Светлов, Семен Липкин, Юлий Даниэль и Новелла Матвеева.

Но поэт всегда находил добрые слова для тех, кто сохранил чувство собственного достоинства, пережив ГУЛАГ. Даже вспоминая о нелегкой жизни калмыков в Сибири, Кугультинов называет сибиряков лучшими русскими, щедрейшими в мире, делившими с ними и судьбу, и хлеб. И говорит об этом не просто по своей доброте душевной.

*Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог...
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.*

*Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя, Господь!»*

*Хотелось мне, её не зная,
Воскликнуть: «Бабушка, родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.*

Воспитанный на духовных традициях калмыцкого народа, многовековой русской культуре, Давид Кугультинов всей своей жизнью и творчеством утверждал незыблемость единства истории своего народа с историей великой России.

Еще очень важная особенность Давида Кугультинова – забота о начинающих авторах. Он тысячу раз прав, убеждая мастеров пера: «Дайте, дайте первую удачу./ Пусть в себя поверит человек./ Пусть в приливе радости горячей/ Ощутит себя потомком всех». Кугультинов вообще милосерден: «О людях забывать не смей /И счастьем одели друзей», – таково кредо поэта.

Философская глубина и строгая афористичность мысли сочетаются в стихах Кугультинова с щедрой, при всей внешней скупости, живописностью поэтических образов.

И вот 17 июня 2006 года его не стало. Поэта хоронил его президент. Только на три месяца пережил он свою вечную любовь, супругу Аллу Григорьевну.

Но свет его не меркнет. Теперь Планета № 2296 под именем «Кугультинов» несет на себе знак большой российской Поэзии в космическом пространстве.

*Он мягко озаряет всё живое —
луч нежности, Запеленный побой*

МЫСЛИ ПОЭТА О ПОЭЗИИ
И ЕГО ЛИРИКА

Истинный поэт силой таланта может проникать в сокровенное души, ловить тончайшие её нюансы и обращать в волнующую поэзию. Мне всегда казалось, что тайна, сокрытая в самом человеке, гораздо сложнее тайны природы, как бы ни была она сложна. И тайну души открывает магия музыки и мудрость поэзии.

Возможно, литература – единственная сфера деятельности человека, где ценности создаются не коллективным соавторством, а индивидуальностью художника. Сто эпигонов, современников Лермонтова, собравшись вместе, не смогли бы создать даже маленькое стихотворение, равное стихам гения. Это качество литературы требует от нас того, чтобы, рассматривая общий процесс развития литературы, мы видели творческое лицо каждого писателя. Индивидуальность художника начинается от его собственного видения мира, нравственной высоты, внутренней культуры.

Воспитание, песня, услышанная в детстве, ранняя боль, повышенная чуткость слуха, зрения – формируют готовность к восприятию более высоких духовных впечатлений жизни.

Надо думать самостоятельно, надо видеть самостоятельно.

Глядящий на мир чужими глазами, вдохновляющийся чужой страстью никогда не создаст произведение, которое тронуло бы сердца.

Стихи – не жевательная резинка интеллекта и не ребусы для тренировки мозга. Они должны быть ясными и нести новую мысль, делающую открытие истины.

Неясность мысли рождает неясность формы. Форма и содержание так взаимосвязаны, что одно без другого не могут существовать, как не могут существовать врозь истинно любящие. И только благодаря этой взаимной любви, содержание и форма рождают прекрасных детей – произведения искусства.

Но грустно, когда подумает о том, сколько авторов принимают за мету судьбы родимые пятна, а вместо волшебного растения подают читателю обыкновенную горькую полынь.

Я люблю жизнь – и потому пишу стихи.

БОЛЬ

Кольнув нежданно изнутри
И затемнив благополучье,
Предупреждает боль: – Смотри!
– И, как дозорный самый лучший,
Тревогу бьёт, гремит в набат...

И вот – покой убит, разъят.
Мобилизует сил запас
И чувства стынущие будит...
Нет, если боль отнять у нас,
Добра от этого не будет!
Ведь я живу, покуда чую
И боль свою и боль чужую.

ИЗ ЦИКЛА «ЗОВ АПРЕЛЯ»

* * *

Ветерок раздул занавеску,
Поиграл, да и был таков!
Но занёс мне частицу блеска
Распустившихся за ночь цветов,
Свист стрижей и весёлый щебет
Всё ж добросил он до меня...
Жизнь как будто бы заново лепит
Золотое начало дня.
Новый день! Ты опять со мною!
Свежесть утра, голубизна
Со струёю воды ледяною
Прогоняют остатки сна.
Что с тобой появилось вместе?
Только солнце?.. Иль всё же тень?
Ты какой одаришь меня вестью?
Я люблю тебя, новый день!
Принимал я тебя, не хныча,
И у пропасти на краю...
Что же ты впечатаеть нынче
В ненасытную память мою?

ПОЛЫНЬ

Когда апрель рассыпал горсти
Лучей – сверкающих монет,
Я собирал в степи букет...
Цветы, как праздничные гости,
Меня пьянили пестротой –
Пунцовы, золотисты, сини...
А я не замечал полыни –
Такой привычной и простой.

Жарою сделалась теплынь,
И перешли в другие страны
Ромашки, лютики, тюльпаны.
Осталась горькая полынь.

Но помышляя о разлуке,
Она выносит знойный ад.
Струит целебный аромат,
Со степью, с нами делит муки
И машет мне рукой своей,
Как будто вовсе не в обиде,
Что, обольстясь красой гостей,
Я проходил,
её не видя.

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ О ЛЮБВИ»

* * *

С тех пор как я люблю тебя, с тех пор
Чудес не счесть во мне и во вселенной.
И нынче, рассмотрев себя в упор,
Был поражён я новой переменной:
Все люди, что мне издавна знакомы,
Теперь предстали как-то по-другому.

Я вижу то, что в них не различал
Иль, может быть, отталкивал упрямо?
И кажется, что к солнечным лучам
Прибавился один – пытливый самый...
Он мягко озаряет всё живое –
Луч нежности, затепленный тобою.

* * *

К самому красивому тюльпану
Тянется рука сама собой.
Самый смелый погибает рано:
Первым он вступает в смертный бой...

Затмевать других мне не хотелось,
Думал я, что проживу, как все, –
В меру проявляя ум и смелость,
Не завидуя чужой красе.

Но в то лето – лето нашей встречи –
Жизнь, переместясь, пошла вверх дном.
Самому себе противореча,
Я мечтаю только об одном:

Лучшее в себе хочу взрастить я,
Что таил до времени, пока...
Понял я закон самораскрытья
И людей, и каждого цветка.

Разгадал сокрытую причину
Буйного прилива свежих сил:
«Лучше быть!» – таков закон единый
Тех, кто всей душою полюбил.

* * *

Ты счастье мне пророчишь взглядом,
Не подтверждая взгляд словами.
Нередко ты со мною рядом,
Но будто пропасть между нами.

А через пропасти громадность,
Через молчанье, через холод
От сердца к сердцу грусть и радость
Дугою огненной восходят.

* * *

Жду тебя...
Жгучий ветер, протяжно трубя,
Обжигает лицо...
Жду тебя...
Снег позёмкой шуршит, под ногами
скрипя...
Жду тебя... Жду тебя... Жду тебя...
Жду тебя...
А мороз, белым просом слепя,
На ресницах застыл...
Жду тебя...
И бросает меня не от холода в дрожь,
А от мысли, что ты не придёшь!

ИЗ ЦИКЛА «ВОЗРАСТ»

* * *

В поблекшем парке городском,
Где пахнет пылью и горючим,
Журчит целебным родником,
Будя мечту о самом лучшем
Волшебной музыкой своей,
Неутомимый соловей.

Будь благодарен соловью!
Не розы вокруг него, не травы.
Творит он музыку свою
Из горькой городской отравы
И шлет тебе поток рулад,
Внутри себя оставив яд.

МОЙ СТИХ – ВЛАДЫКА МОЙ

Пока не кончена строка,
Пока не дописал, пока
Метафоры издалика
Еще ведет моя рука,
Пока не завершен мой стих, –
Владыка я стихов моих.
Но завершился он, и вот
Своей судьбою Он живет,
В сердца закинет сеть и ждет...
Сто радостей иль сто невзгод,
Что принесет он мне домой?!
Теперь мой стих – владыка мой.

*Перевод с калмыцкого
Юлии Нейман*

Юбилейную подборку подготовила
публицист Людмила Панкова

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Яричев Умар. Между прошлым и будущим. Сборник стихов.** «Валторна», Москва, 2011.

КРЕСТЫ И ПЬЕДЕСТАЛЫ

ПОЭМА

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕСАНТЕ

Сыну Олегу

1

Кладбищенская арка высока.
И цвет ее тяжел,
Как цвет засохшей крови.
И темный крест над аркою плывет,
Встречая всех входящих
Невыразимо скорбным взглядом
Иисуса.
Живых он просто видит,
Наклонясь,
А с мертвыми встречается глазами
И словно говорит:
«С приходом, брат,
к любви и тишине в твоей душе...»

Как долго здесь я не был!
Сорок лет,
Теперь уж с лишком,
Но песок все тот же.
И бедненький суглинок.
И выплески извёстки на стене,
Там, где дорога кузова колышет
Машин, везущих жиденький раствор.

Опять апрель над польскою землей.
Опять сирень тяжелая свисает
Над серым камнем чистеньких надгробий,
Где надписи тихи и аккуратны,

«Ниц не веем, пан», –
я вновь и снова слышал,
когда уже нашел места могил,
заросшие травой,
без обелисков,
без памятного знака,
кто здесь был.

2

...Мы подлежали выброске с утра.
От Балтики по Одру летели
В сплошном тумане бронекатера.
Год сорок пятый.
В слякотном апреле.

Туман был кстати.
В новых сапогах,
В сырых бушлатах,
Путь крутя неблизкий,
Сидели мы, как сели второпях,
Запасные ощупывая диски.

Вода шипела,
 Пенясь за кормой,
С двух берегов посвистывали пули.
Оранжево светился ближний бой.
Но мы сидели тихо. Как уснули.

Нас до поры не видеть,
Не слышать.
Десантов увеличивая славу,
Должны мы были молчаливо взять
Тюрьму,
Каналы
И вокзал Бреслау.

Но взяли мы, расталкивая тьму,
В долбежке пулеметов и истерик,
Вонючие каналы
И тюрьму,
И этот грязный, скользкий берег.

В тот день,
Среди сырых еще могил,
С тоской в душе сырые ямы видя,
В одной из них я тоже схоронил
Дружка и земляка,
Орлова Витю.

И слушал я, как от победы пьян,
О вечной дружбе русских и поляков,
На кромке стоя,
Польский капитан
И страстно говорил,
И трудно плакал.

– От имени товарищей моих,
клянусь всем драгоценным в человеке...
И верилось
Склонившимся в тот миг,
Что это – правда.
Присно и вовеки...

3

Вокзал.
Подземный зал для пересадок,
Еще хранящий запахи угля,
Чадившего из паровозных труб.
Теперь сюда. Налево.

Вдоль домов,
По вееру бульжной мостовой.
И вот тюрьма.
Та самая, с которой
Связала память грустная моя
Тупую ярость гулких пулеметов
С белесой маской длинного лица,
Мелькнувшего на вышке
И сейчас же
Упавшего мне под ноги.
Шинель
Задралась от сапог до головы.
И больше я лица того не видел...

А вот и Одер.
Узенький канал,
В который заходили катера
Десантов забываемой войны.
Все в мире забываемо, увы,
Лишь потому,
Что все в нем повторимо.

... Потом сквозь город в яблонях цветущих,
сквозь рощи аккуратных хуторов,
похожие на древние гравюры,
добрались мы в далекий городок,

где как грозою, боем скоротечным
сырой апрель когда-то отгремел.
Там нынче голубые тротуары.
И стекла окон,
Словно зеркала
Нарядных пани звонко отражают.
Там темный крест над аркою плывет
У входа на пасхальные аллеи.
И там сказал мне старый человек,
Ровесник мне
По жизни и войне:
« Ниц не веем, пан ...» –
о памятных могилах.
И, помолчав, добавил:
«Цо пан хце ?..»¹

4

А пан хотел бы знать,
Где ж те могилы,
Что в сорок пятом мы копали здесь,
На кладбище,
Еще по-детски хилом,
Под шум дождя,
Как под благую весть?

Где скорбь и слезы пана капитана.
Поклявшегося дружбой и судьбой.
Что никогда
Гореть не перестанут
Огни свечей
На камне под звездой?

И человек,
Цветок в руке сминая,
В пространство глядя,
Медленно сказал,
Что, кажется, он, да,
Припоминает:
Перевезли их на мемориал.

Там, за лесочком, где поля сереют,
Рябинники над русскими дрожат.
А здесь, как видит пан,
Среди сиреней,
Кругом одни католики лежат.

¹ «Чего вы хотите?» (польск.)

Зачем, мой брат,
Меня утешить хочешь,
Мол, там – герои.
Здесь – попроще люд.
Ведь я не прокуратор, между прочим.
Нужна мне просто память,
Не салют.

А схоронить возможно лишь однажды.
И незачем,
Хотя бы и стране,
Для куража
Своих тревожить граждан,
Пропавших в лагерях и на войне.

И потому
В движеньи жизни ровном,
И в городах,
И в поле, что окрест,
Хрустальным или мраморным надгробьям
Предпочитаю камень или крест.

Мне дорог столп
Из бронзы или стали.
Но тем уже могилы хороши,
Что у людей во все века рождали
Не ужас, а движение души.

Взгляните:
За полями и лесами,
Лишь праздники народные грядут,
К простым крестам
Приходят люди сами,
А к пьедесталам
Все-таки ведут.

Сюда приехав, я спросить готов,
У бывшей скорбной ямы молча стоя:
«В шеренге католических крестов
кому мешала ты, Звезда Героя?..»

5

Непросто говорить в стране друзей –
Кому ребята все-таки мешали?
За этими воротами под аркой
И за стеной высокой и округлой
Из белого от мела кирпича.

Куда ушли отсюда обелиски,
Похожие на остовы ракет,
В которых запломбированы души
Моих друзей, готовых к вознесенью,
Поскольку
Пронесли уже свой крест
На самую высокую Голгофу?

Я грустно думал о судьбе имен
Всех тех,
Кого снесли к мемориалам,
Когда уже опять сидел в экспрессе
У светлого просторного стекла
И наблюдал мелькание полей,
Охваченных простой заботой жизни.
Дымились пашни, поднятые плугом,
Вечерний свет
Скользил по зеленым.

И густо осыпались лепестки
Широких яблонь в розовых садах.
Да, имена пропали.
Голоса
Умолкли навсегда для всех живущих.
Но если люди счастливы –
То что ж!
За это ведь они и воевали,
Мои друзья, упавшие в бою.
Как говорил поэт –
Не ради славы,
А ради вечной жизни на земле.

6

Вот говорят:
Прошедшее – есть сон.
Но если правда только в настоящем,
То я, познав ее со всех сторон,
Завидую давно и крепко спящим.

Я помню воеводский городок.
И тихий переулок Реформатский.
На городок срывается снежок,
Похожий на скупой паек солдатский.

Потом все гуще квасится зима,
Потягивает в склепах духом бражным.
Одноэтажно высятся дома.
Лишь воеводство
Было двухэтажным.

Война уже полгода,
Как прошла.
Сверкали танцы
В местном клубе «Скала»,
Где каждый вечер девочка была.
Кого она глазами там искала?

А мне уже исполнилось семнадцать.

С ней – бантики.
Со мною – автомат.
С ней мама.
А за мною – глаз комбата.
И сверх того – выходит в первый ряд
Достоинство советского солдата.

Сегодня не смогу припомнить сам.
Как мы взглянули.
Как знакомы стали.
И, поклоняясь лунным вечерам,
По улицам заснеженным гуляли.

И я сказал, молчанье не стерпя,
Взлетая на заоблачные выси:
– Меня зовут Владимеж.
А тебя?
И девочка сказала тихо:
– Гжися.
С тех вечеров,
С зимы морозной той,
Забившей снегом горные долины,
В моей душе,
Как цветик полевой,
Сияла синеглазая Христина.

Не сберегли ни мама,
Ни комбат,
И вскоре я почувствовал сквозь гульбы,
Что не десантник я
И не солдат,
А недостойный сын Тараса Бульбы.

И вот тогда комбат,
В стране над Вислой,
Меня, как Бульба,
Пулей не убил.
Но в деле написал:
«В Россию выслать... »

Прошли года.
По сути – жизнь прошла,
С тех пор,
Как ел я
Жесткий хлеб солдатский.
Зачем же меня память привела
В зеленый переулок Реформатский?

Вот дом ее в сирени до бровей.
Зачем я здесь,
Скажи, судьба, на милость?
Как будто, если б встретились мы с ней,
То в жизни нашей что-то б изменилось.

7

Но так и не узнала пани Эва,
Зачем я ездил в этот городок,
Далекий,
Пыльный,
В зарослях акаций.
И потому безмолвно удивлялась,
Считая это прихотью
Иль блажью.
Да пусть и не узнает никогда...

Мой госпиталь мы истово искали
До самого обеденного часа.
И я хотел давать уже отбой,
Когда мой спутник,
Бывший пан полковник,
Сказал внезапно:
– Может быть, вот это?
И я, взглянув, увидел:
Это он.

Но где же Рокоссовского обитель?
Вокруг громады госпиталя бурой
Сереют глухо блочные дома.
Как будто на окраине Ростова,
Или Ижевска,

Или многих сотен
Больших и малых наших городов.
И это в Польше,
Господи, помилуй?
Куда кубистов наших занесло!..

И за кустами пламенной сирени
Увидел я старинный этот дом.
Чуть розоватый он.
И потому
Почти не виден за весенним цветом.
Но это он!
Его литые двери
И стрельчатые окна,
И высоко
Взлетающая к небу черепица.

Всему на свете свой конец приходит.
А сетка та добротная была.
Немецкие труды, холера ясна!
Ее мы лишь вчера еще срезали.
Там, во дворе, она лежит в рулонах...

8

Наверное,
Я все же правым не был
В том, что под вечер голубого дня
Друзья – поляки
Вытащили к небу
И потчевали водкою меня.

Но вот потом мы все уже по праву
Крутили песню,
Словно колесо:
«Варшава, кохана Варшава...» –
как будто это было в Тбилисо!

Да чем же мне то время приглянулось?
Ведь смерть была,
И голод,
И беда.
А дело в том, товарищи,
Что – юность.
Она всегда прекрасна, как звезда.
Сравнение старо.
И этим – хрупко.
Но дорого и сладостно оно,
Когда не убеждение,

А рубка
Владычествует в мире все равно.

Когда ничтожно то,
Что с нами было,
И нас самих
Меняло на гроши.
Прошла пора любви,
И наступила
Всемирная инфляция души.

Так думал я,
С друзьями в Польше сидя,
В зеленых травах,
Равный на пиру.
Простор слегка дымил под небом синим,
Слетались птицы к нашему костру.

И в качестве прекрасного припева,
Что к старым песням
Внове жизнь дала,
Сидела рядом с нами
Пани Эва.
Но, бог свидетель, водки не пила.

Я знал, что через день уже уеду,
И верил.
Или верить захотел,
Что в памяти оставлю встречу эту,
Как главное
Из всех забот и дел.

А может, поглядеть на вещи проще?
Печален вообще круговорот.
Мы умираем,
Как уходим в рощи,
А на полянах новое растет.
Так быть должно
На солнечной планете,
Родившейся когда-то для людей.
Раз лучшее на свете –
Это дети,
Надеяться давайте на детей.
Убережем их от проклятий века,
Благословляя
Праздничность и труд.
Во имя созиданья человека
В тепле и дружбе
Пусть они живут ...

«ТИШИНОЙ ТВОЕЙ НАДМИРНОЙ Я ДЫШАЛ, КАВКАЗ»

ПОЭЗИЯ И СУДЬБА
АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА

Сорок молодых счастливых лет, с 1933 по 1973, прожил поэт Анатолий Константинович Передреев (1932-1987) на Кавказе, в городе Грозном. В последние годы жизни Анатолия Передреева (1980-е) я училась в Литинституте и, как тогда водилось, часто хаживала в Центральный дом литератора. В те времена в «предбаннике» ресторана ЦДЛ – небольшом буфетном зальчике – вечерами часто видела столик, за которым сидела выпивающая братия с мало-разговорчивым Анатолием Передреевым в центре. Если бы я знала, что Передреев родом из моих краёв, – все же решила бы перекинуться с ним земляческим приветствием. Но Бог не дал мне тогда такого знания и не свёл нас. А потом оказалось поздно. Когда я всерьёз вчиталась в тонкозвучные стихи земляка и задумалась над внешне переменчивой, но в глубине укоренённо-русской жизнью поэта, его уже не было с нами...

Как это ни парадоксально, жизнь и литературная биография одного из замечательных русских поэтов XX века – Анатолия Константиновича Передреева (18.12.1932-19.11.1987) – до сих пор неизвестна.

Фамилия Передреев «говорящая». И немало. Происходит от существовавшего в XVI веке на Руси слова «передорщик», обозначавшего редкую профессию переписчика, а также печатника книг. Это значит, что предки Передреева из века в век, из поколения в поколение были грамотными людьми.

Сёла, такие как Новый Сокур, где родился Передреев, быстро обрастали деревнями. Здесь, на благодатной почве они прижились; семьи, имевшие до 10 детей, разрослись так, что в бывшем Николаевском городке и в окрестных деревнях их нынче сотни, иные разъехались по области, по России, по Саратову живёт немало Передреевых, которые меж собой в родстве.

Передреевы и в XX веке, случалось, переженивались меж собой. Так отец поэта Константин Васильевич (1892-1976) женился на Дарье Фёдоровне (1898-

БАЖЕНОВА Александра Ивановна, литературный критик, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Союза писателей России им. братьев Киреевских за книгу «Славян родные имена...». Автор книг «Мифы древних славян», «А.С. Кайсаров – забытый герой раннепушкинской эпохи», «Звездные взлеты русской культуры», «Русская энциклопедия. Том «Литература» и других. Живет в Саратове.

1979), урождённой Передреевой же. Родство супругов было невозстановимо дальше, однако, души оказались родными.

Дом деда (по отцу) Василия, где родился поэт, был небольшим, на три окна, печка, сени – как у всех в округе. Накануне вынужденного исхода из родного дома семью поэта (шестого ребёнка, которому тогда, в 1933-м, было меньше года) посетил комбедовец-пьяница и стал требовать четверть самогона. Константин Васильевич возмутился: «Где я тебе возьму?! Я же не гоню самогон!» Комбедовец пригрозил. Константин Васильевич знал, что это не просто угрозы, собрал пожитки и увёл семью от беды. Бежали они ночью по степи на железнодорожную станцию.

Семья поэта из семи человек (Анатолий – младший) поехала в русский город Грозный. По дороге к ним подсади «добросердечные» попутчики. Быстро узнали их историю, сочувствовали, жалели, заботливо помогали... А когда доверчивая семья вышла из купе – обещали посторожить вещички и малыша, Анатолия, лежавшего на нижней полке. Вернувшись, Передреевы увидели, что ловкие «профессионалы» их обворовали. Маленький Анатолий лежал голый на голой полке, все вещи исчезли. И приехали они в Грозный – в чём были. Слово «беженцы» тогда еще не вошло в моду, как и понятие «статус». Чаще беженцы этот свой «статус» тщательно скрывали.

Почему же тогда, в 1933-м, семья Передреевых ехала именно в Грозный? Там жила сестра мамы Дарья Фёдоровна. К ней и приехали Передреевы в саманный дом на две комнаты на окраине Грозного, заняв всемером одну комнату. Так пережили год, а на второй – всем «колхозом» родни и друзей построили неподалёку новый саманный дом, также на две комнаты на улице Шатооевской, позже – Сталинградской, а потом – Хрусталева 111, где прожили сорок лет (до 1974-го). Этому дому посвящено стихотворение-песня «Отчий дом».

Здесь родились еще двое детей – Борис и Валентина. Всего Передреевых было семь братьев: Виктор (1920-1941); Михаил (1922-1997); Александр (1923-1943); Илья (1926-1944); Иван (1928-1928); Анатолий (1932-1987); Борис (род. 1937), живёт в Энгельсском районе Саратовской области; и сестра Валентина (род. 1940), которая живёт в Ставрополе.

Виктор и Михаил были офицерами, окончили Астраханское военное училище. Трое братьев – Виктор (ему посвящено «Воспоминание о старшем брате»), Александр, Илья погибли на войне. Об этом Анатолий Константинович написал одно из первых стихотворений «Три старших брата было у меня...» (1958), и напечатано оно было первым:

*Три старших брата было у меня...
От них остались только имена.
Остались три портрета
на стене,
убиты братья на большой войне... –*

а также стихотворение «Сон матери» («И входят в дом её живые дети, встанут над нею три богатыря»). Надо сказать, что все Передреевы были высокими, статными, голубоглазыми, русоволосыми: настоящими богатырями из сказок Земли Русской.

Брат Михаил вернулся с войны без ног. О нём – «Баллада о безногом сапожнике», опубликованная в «Литературной газете» и сделавшая Передреева известным на всю страну. О брате же можно было написать не только балладу, но драму или трагедию, а роман уж точно.

Уйдя на фронт прямо из военного училища, Михаил Передреев попал в окружение под Киевом. Девятнадцатилетний лейтенант командовал бронепоездом. Долго сдерживал атакующего врага, прикрывая своих отступавших бойцов. Но бронепоезд все же подбили... Выбрался ночью, пришёл в ближайшее украинское село, попросился переночевать к одному старику... Наутро, когда Михаил, раздевшись до пояса, умывался, старик залюбовался на красивого породистого хлопца, пожалел его: «Оставайся у меня, запишу как сына, переждёшь войну, а

там видно будет...» Но русский офицер не мог отсиживаться дезертиром: «Я не так воспитан, дед!», – ответил он. Пробрался к своим. Вывел из окружения еще 22 бойца. Особисты проверили вышедших и, убедившись, что они не лгут, снова зачислили их в строй.

Тут же Михаил попал в бой, где был ранен в ноги. Отступавшие под огромным натиском наши войска оставили раненых на снегу, на поле боя (уносить их было просто некому). Его подобрал немец. Вместе с другими пленными бросили в крестьянский табачный сарай. Благодаря тому, что Михаил упал прямо у дверей, а может, ещё и потому, что все Передреевы красивые мужчины, – он выжил. Одна украинка – Мария – носила ему еду. Немцы, видя, что у пленного начинается гангрена, переместили его в госпиталь. Сделали операцию – ампутировали ноги, но гангрена продолжала распространяться... Пилили ещё два раза, пока не остановили заражение. Долго лежал в госпитале, где лечили отменно, употребляя все достижения тогдашней европейской медицинской науки. Даже привезли ему из Германии высококачественные протезы, изготовленные индивидуально (он на них потом бежал, а дома – ездил на велосипеде и мотоцикле). Пунктуальные врачи выполнили свой профессиональный долг, а когда пациент выздоровел, вышвырнули его за ворота больницы.

Его взяла к себе Мария. Михаил страдал. Страдал оттого, что оказался в плену, в неизвестности, с висевшим над ним дамокловым мечом, и оттого, что теперь он – калека. Когда немцы отступали, им был дан приказ: ликвидировать военнопленных. Михаил спрятался на кладбище, где Мария заранее приготовила схрон с запасом продуктов. Пришла передовая часть, офицер-особист проверил его, поблагодарил, дал двуколку и отправил домой. Так он въехал в Грозный на паре вороных.

Потом работал сапожником. Кормил всю семью, вскоре женился на соседке Евгении Алексеевне Саломатиной, у них родилась дочь Галина. На Украине Мария ждала его, у неё тоже родилась дочь. Михаил порывался съездить туда, но жена не пустила, боялась потерять мужа. Михаил писал стихи «для себя», иногда читал их братьям Анатолию и Борису. Анатолий порой сам перечитывал черновые наброски брата. Может семейные занятия поэзией и подтолкнули его впоследствии к собственному творчеству.

В 1956 году начали возвращаться назад выселенные Сталиным чеченцы. Не сразу, но Михаил переехал к дочери в Ленинград.

В Грозном семья Передреевых жила небогато, но дружно. Мама воспитывала детей (кстати, она была награждена «Медалью материнства» II степени) и вела хозяйство. Немало хороших строк Анатолий посвятил матери.

Завораживало его душу таинство общения матери с Богом:

*Я вижу, как заперла двери,
как свет погасила она
и шепчет молитву, и верит,
что Богу молитва слышна.*

Может быть, благодаря её молитвам, семья, хотя и не в полном составе, но выжила, и Анатолию Бог даровал удачи. А сколько семей в то время сгинуло бесследно!

Отец, Константин Васильевич, славился благородством и трудолюбием, работал на железной дороге промывальщиком-пропарщиком цистерн в вагонном депо, а поскольку он грамотный (ещё в царской армии был писарем), то вскоре стал мастером промывочно-пропарочного цеха. Но и зарплаты мастера на такую семью не хватало. Поэтому в 12 км от Грозного, на станции (потом район Грозного) Примыкание, он с семьёй обрабатывал 4 огорода: на одном – кукуруза, на других – картофель, овощи. Все дети работали на этих огородах, понимая, что иначе не выжить.

В Грозном Анатолий по 1946 год учился (всегда хорошо и легко) в неполной средней (семилетней) школе №5. Сестра Валентина вспоминает: после войны она опоздала с оформлением в первый класс на неделю. Все 10 (столько детей

рождались до войны!) первых классов этой школы были переполнены. Валентину отказывались брать. Но одна старая учительница, узнав, что она Передреева и сестра Анатолия, сказала: «Какой умный мальчик Ваш братик!»... И взяла Валентину к себе в класс. В 1950 году Передреев окончил 10 классов средней школы рабочей молодежи №6. Одновременно он посещал курсы шофёров и крановщиков. В 1951-1952 годах работал на автобазе «Грознефть» крановщиком крана АК-5, шофёром.

Передреев, как и многие тогда, был помимо желания выдвинут из деревни, оторван от корней, но – дитя окраин (на окраинах он жил в Грозном, Саратове, Москве) – не стал рафинированным горожанином. Позже, учась в Литинституте, в 1964 году он написал стихотворение «Окраина». Многие, знавшие Передреева литераторы, согласны с мыслью В. Кожина о том, что «Передреев написал программные стихи, прозвучавшие как манифест поколения, чья молодость пришлась на 50-60-е годы»: «И города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Анатолий Передреев творил ещё в то время, когда общество было способно оценить стихи, выражавшие сокровенные настроения большинства людей.

Передреев увидел Россию, перетекавшую из сёл в города и большие посёлки. Разросшиеся окраины городов поглотили теперь кажущиеся мизерными центры. Это новое пространство стало становым хребтом России. В «окраинной» провинции люди ещё не научились жить по жёсткому холодному ритму мегаполисов, ещё селились большими семьями с отцами-матерями, дедами... Ещё несли в душе свежесть, чистоту полей, тонкие этические законы предков, создавали свой стиль жизни.

Каждое лето (за исключением военных) Анатолий с матерью приезжали на родину в Саратов, и каждое лето они шли пешком от станции до деревни Новый Сокур. Там жила их многочисленная родня. И деревенские петухи запали ему в душу, и пение жаворонка, и туман в логу, и длинная степная дорога, которая помогала постигать пространства равнинной своей родины. Позже, когда Анатолий писал о Рубцове, он со знанием дела отметил: «Такое «проездом» не скажешь, надо «идти» пешком». Анатолий при виде родных мест говорил: «Мама, какая у нас земля красивая! Какая красивая деревня!» Одно из автобиографичных стихотворений Передреева о своей родине – «Воспоминание о селе»:

*...Там никого,
ни деда и ни бабки
нет у меня,
ни отчего двора...*

Именно это стихотворение Передреев закончил выводом-формулой, которая составляла его кредо: «...РУССКОМУ ПОЭТУ НУЖНА ЗЕМЛЯ И РОДИНА НУЖНА».

Родина – вечный источник вдохновения. Хотя Передреев знал: «Ничего не обещано мне, не завещано здесь ничего мне». Об этих краях стихи «Равнина», «Нет, бедность знаю не со слов я...» («За мной идёт сквозь мор и глад моя большая родословная, клеймлённая огнём заплат...»). Он опирался на свою родословную интуитивно, подробно и не зная её. Мысленно Анатолий Передреев вечно шёл по родной равнине к деревне, где родился. Путь к родине – тема многих его стихов. В воображении он даже на самолёте кружит над своей низенькой избой.

Множество стихотворений пронизано тоской по родине детства и юности: «Дома» («Заболев по родимым краям...»), «Отчий дом», «Я пройду тихонько вдоль заборов...», «Свети, как прежде, надо мною...», «Пускай закружат времена...», «Зачем ты снова, как с повинной, у всей округи на виду...», «Спустя двадцать лет» («Это взгорье... Этот мир просторный...») и, наконец, в 1985 году, за два года до смерти, произнесено слово-название «Ностальгия», кратко и точно обозначившее состояние души поэта, её стон:

*...Другие меня окружили
И ночи и дни навсегда,
Другие меня закружили
Дороги, края, города.
В какую я впутался спешку,
В какие объятья попал,
И как я, под чью-то усмешку,
Душою ещё не пропал?!
Я с вами, конечно, я с вами,
Другого пути не дано.
Одно у нас время и знамя,
И небо над нами одно.
И в той же безудержной страсти
Я в грохоте дней колесю...
Но помню, как тихое «здрасьте»
На улицу слышалось всю...
Где все узнавали друг друга,
Где радость на всех и беда...
Моя золотая округа,
Святая моя лебеда!*

По словам знавшего Передреева критика В.Бондаренко: «До конца жизни он оставался свидетелем трагедии русской деревни, но уже по той причине, что был выброшен из неё в годы самого Великого перелома. Его поэзия о деревне – это поэзия глубинного родового воспоминания. Поэзия депортированного русского о былом родном доме». Только знающий трагедию семьи Передреева поймёт всю горечь строк о потерянной родине, где всё дышит красотой.

В принципе Анатолию Передрееву были чужды всякие призывы. Нигде в его поэзии их нет. Передреев – единственный раз! – с болью разразился призывами:

*Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!..
Пора! – это времени слышно веленье –
Увидеть деревне своё возрожденье.*

В 1954 году младший брат Анатолия Борис окончил школу, и они вместе отправились в Саратов, где было около десятка высших учебных заведений и возможность остановиться у родни. Остановились у дяди Лёни – Алексея Васильевича Передреева, – любимого брата отца, жившего за Сенным рынком в Первом Пугачёвском посёлке, 10-а, в собственном доме. Борис поступил в автодорожный институт, Анатолий – в Саратовский университет на филфак (заочное отделение). Борис остался в Саратове, Анатолий завербовался на строительство жилых домов в Москву, в Сталинский район. Работал недолго, так как вскоре был призван в армию. Все события – поступление в университет, стройка в Москве, призыв в армию – произошли в сжатый срок, в сентябре-октябре 1954 года.

Во время службы в армии (в Чехословакии, близ Барановичей, в разных лётных частях в одном из батальонов аэродромного обслуживания) состоялось событие, никем из родни и друзей незамеченное, но в корне перевернувшее дальнейшую жизнь Анатолия Передреева: он начал сочинять стихи. Вдали от дома, близких делился мыслями и чувствами с белым листом. Из автобиографии: «Хотя к поэзии меня влекло с ранних лет, стихи я начал писать довольно поздно. Первое стихотворение я написал, когда мне было уже 23 года. И в дальнейшем писал очень мало и, как видел сам, плохо». Есть предположение, что в стихах себя он пробовал ещё раньше. Друг Передреева Р.П. Подунов вспоминает, что уже на день рождения в 1953 году Анатолий подарил ему стихи. Но это, видимо, были слабые «датские» (стихи к датам) вирши, он сам понимал их наивность. Ранние стихи до нас не дошли.

После демобилизации Анатолий приехал снова в Саратов, где учился его брат Борис, продолжил учёбу на заочном отделении филфака и 18 сентября 1957 года устроился на работу на метизный завод им. В.И. Ленина, который производил металлические изделия и колючую проволоку для нужд Совнархоза, учеником подручного оцинковального цеха, через два месяца стал подручным оцинковальщика... Какая тяжёлая работа на вредном производстве! Но столь унылое однообразие бытия он сумел Божьим даром поэта перелить в одно из самых оптимистичных стихотворений:

*Я жил свободно и открыто.
Я делал чистые дела.
И производственная крыша
Над головой моей плыла...*

Передреев умел тонко написать о будничной работе, точно, детализировано и, в то же время, поэтично. Анатолий Константинович внёс в поэзию свежую струю: непринуждённость вдохновенья, размах раскованности, не переходившей, однако, тонкие невидимые пределы этического.

В Саратове он написал несколько стихотворений, удавшихся лучше прежних, с большим напором жизнерадостности. Он отнёс подборку в областную газету «Коммунист», где стихи понравились литсотруднику (тогда нештатному; он работал в газете «Заря молодёжи», позже перешёл в штат «Коммуниста») В.Ф. Бойко. На счастье Передреева, это был истинный ценитель поэзии, и 7 июня 1959 года в №132 (1947) вышла первая подборка, называвшаяся «Доброго пути! Стихи Анатолия Передреева». Стихи «Три старших брата было у меня...», «Щель», «В лесу» – ознаменовали рождение оригинального поэта, появившегося сразу, без «черновиков». Не случайно потом эти стихи входили почти во все сборники Передреева.

17 декабря 1958 года Анатолий Константинович уволился с метизного завода. Привлекала романтика, да и заработки на строительстве Братской ГЭС. В июле 1959 выехал в Сибирь вместе с другом по Грозному В. Дробышевым, по дороге остановились в Москве и передали стихи Анатолия Б.Слуцкому, а тот переадресовал их Н.Асееву. 7 августа 1959 Передреев зачислен бетонщиком на третий участок Братскгэсстроя. В это время в Москве в «Литературной газете» от 9 июля 1959 года, в № 85 (4051), вышла вторая подборка стихов поэта, называвшаяся в точности, как и первая, но напутствие подписано Ник. Асеевым. В неё вошли «Три старших брата...», «Четвёртый брат» (краткий вариант «Баллады о безном сапожнике»), «Работа» («И день и ночь грохочут поезда...»). Не прошло и месяца, как поэт был переведён (1 сентября) в редакцию газеты «Огни Ангары» на должность литсотрудника (две подборки в крупных газетах способствовали этому), где проработал с большой охотой и истинным энтузиазмом по 1 февраля 1960-го.

Расставшись с «Огнями Ангары», Передреев отправил стихи на конкурс в Литинститут. До начала экзаменов устроился ненадолго – с 6 апреля по 15 июня 1960 года – слесарем-монтажником 5 разряда в Братское монтажное управление Гидромонтаж Министерства электростанций СССР.

Наконец – Литинститут! Сдал все экзамены на «хорошо». Попал в семинар А.А.Коваленкова. В автобиографии 25 июня 1960 года он писал: «...Я мечтал поступить в Литературный институт имени М. Горького, однако не решился попытаться сделать это, так как не был уверен, что у меня есть основания считать поэзию делом всей своей жизни... Чувствую как мне не хватает культуры – общей, поэтической. Этот недостаток я думаю ликвидировать в Литинституте...».

Учёба в Литинституте – наиболее освещённая сторона жизни поэта. Не стоит останавливаться на этом времени. Он жил в общежитии Литинститута, имел много друзей, почитателей (да и собутельников). Учился хорошо (я просматривала зачётку), но за пропуск занятий несколько раз лишился стипендии, имел выговоры за пьянку в общежитии и за то, что провёл туда девушку.

Литинститут расширял кругозор и круг общения, большие возможности открывала в этом плане и Москва. Никакой муштры (хотя дисциплину требовали)! На

экзаменах ценилось не заучивание, а понимание и оригинальная оценка произведений классики. История литератур доминировала над языковыми дисциплинами. Лекции иных блестящих преподавателей превращались в театральные выступления с аплодисментами в конце. «Семинары», споры о поэзии, литературе продолжались и в общезитии. Хорошая филологическая подготовка Передреева делала учёбу в Литинституте лёгкой, а творческие дни были вообще праздником души. Хотя и большим переживанием – тоже.

Анатолий Константинович проходил дипломную практику в журнале «Знамя», где потом заведовал отделом поэзии. Практика шла с 7 февраля по 1 июля 1964 года, он оставался в этом журнале, по его собственным словам, по февраль 1965 г. 22 апреля 1965 года он защитил диплом на «отлично».

После Литинститута Анатолий Константинович вернулся в Грозный и начал готовить документы для вступления в Союз писателей. В те времена – процедура долгая (1968-1973) и сложная. Просил квартиру у местной власти. Параллельно делал переводы, написал для журнала «Октябрь» статью о поэзии «Читая русских поэтов». Вскоре был принят в Союз на местном уровне. Получил четырехкомнатную квартиру (которую позже, когда уехал из Грозного, передал родителям).

С 1960 года по начало 1970 он постоянно курсировал из Москвы в Грозный и обратно. В одной из таких поездок (в 1963 г.) познакомился с чеченкой Шемой («крестовой дикаркой», по его словам). Шема Алиевна Альтимирова (1940-2006), дочь первого советского прокурора Чечено-Ингушской АССР, тогда была проводницей, затем официанткой в поезде «Махачкала – Москва». Анатолий Константинович, видно, не стремился как можно скорее связать себя с Шемой. Он медлил, сомневался... У Шемы, по словам сестры Анатолия Валентины, уже были дети. Когда в 1968 г., в апреле, родилась дочь Лена, Шема и Анатолий поженились в Грозном.

С 3 октября 1968 года Передреев – член редколлегии журнала «Наш современник».

Анатолий Передреев прожил на Кавказе около 40 лет, полюбил его, посвятил ему много стихов. Кавказ вошёл в его судьбу и в образе женщины. Не всем нравилась Шема. Мама была против того, чтобы он женился на ней. Возможно, иногда и самому Анатолию в ней не всё нравилось, но факт оставался фактом: он женился по любви, приняв самостоятельное решение, он заботился о семье, посвящал Шеме стихи.

Он предугадал, что эта связь будет «до последних дней». Нигде не сказано, что стихотворение «Среди всех в чём-нибудь виноватых...» посвящено Шеме, но в нём Анатолий Константинович формулирует всю, не сразу видимую ценность любимой женщины, обнажает сакральные нити, связывающие его с ней:

*Объяснялся словами со всеми,
а молчанием – только с тобой...*

* * *

*Но когда я тебя обнимаю,
как тебя лишь умею обнять,
в этой жизни я всё понимаю,
всё, чего невозможно понять!*

Хотя тут же Анатолий Константинович гасит радость счастья какими-то гложащими душу сомнениями: «Зрачки твоих глаз диковатых для меня непонятней чужих...» Иногда он удивляется: «...Боже, что свело на земле этой нас?!» Вот и догадайтесь тут: чего было больше в их связи с Шемой – любви, или «крестовой» – карточной судьбы?! Взрывной, экспрессивный характер Шемы, её словесный зуд («Комары... Шема...» – из воспоминаний Ст. Куняева) были постоянным семейным фоном, привычным, понятным и принимаемым Передреевым как неизбежное.

26 января 1971 года он пишет из Грозного Софье Александровне Гладышевой: «Шема по-прежнему сходит с ума и делает всё возможное, чтобы я не рабо-

тал. Между нами говоря, мне-то и не очень хочется. Соня, Соня, пока я писал тебе, принесли газету. Умер Коля Рубцов...» Относительно Рубцова Николай Николаевич Котенко (1937-1998), однокурсник А.Передреева вспоминает: «Передреев с Рубцовым были неразлучны во все институтские годы. Передреев знал и читал при первом удобном случае – и до последних своих дней – стихи Рубцова, а тот, в свою очередь, грудью вставал на защиту друга при любом посягательстве, даже при малейшем сомнении в его талантливости». Горе Передреева было неизбывным...

В начале 1970-х Передреев ещё счастливо жил с семьёй в Грозном.

В Союз писателей окончательно был принят 4 апреля 1973 года. Покровители помогли получить квартиру вначале в Московской области – в Электро-стали, затем в Москве на Волгоградском проспекте, а потом на Хорошевском шоссе – последнем пристанище в этой жизни. С 18 апреля 1973 года Передреев принят в Московское отделение СП РСФСР «в связи с переездом на постоянное жительство в Москву», в это время к нему приехала семья.

После окончания Литинститута наступила пора чисто творческого труда, которому Передреев отдался самозабвенно. Писал стихи, размышления о поэзии, рецензии, переводил, редактировал. Всего у него вышло при жизни 5 сборников, венчавших 28 лет литературной деятельности: «Судьба» (М., 1964), «Равнина» (М., 1971), «Возвращение» (М., 1972), «Дорога в Шемаху» (Баку, издательство «Язычы», 1981), «Стихотворения» (М., 1986) и один «День поэзии», где он был главным редактором (1981). После его смерти вышли «Любовь на окраине» (М., 1988); наиболее полный сборник «Лебедь у дороги» (М., 1990, изданный «Современником», с предисловием В.Белова); «День русской поэзии. Анатолий Передреев» (М., 1992, издатель В.Байбаков); «Разбуди эту землю, весна» (М., 1996, издатель А.Парпара). «Спой мне, море. Стихотворения и письма. Семейный фотоальбом. Воспоминания о поэте. Песни и романсы» (М., «Студия», 2010, издатель, составитель и редактор А.Н.Васин-Макаров, подготовил материалы и ряд комментариев Ф.Романов).

Передреев активно переводил. Он перевёл на русский более сорока поэтов (из Прибалтики, Средней Азии, с Кавказа), у иных переведено по две-три книжки. Разве это не колоссальный труд?! Перевел стихи 43 поэтов из Азербайджана, Абхазии, Белоруссии, Ингушетии, Латвии, Литвы, Молдавии, Осетии, Узбекистана, Украины, Чечни, Чехии, Чувашии.

Его переводы обладают всеми достоинствами авторских текстов ещё и потому, что, как уверяет брат его Борис, Анатолий Константинович никогда не брался за перевод заведомо слабого поэта (отказывал жёстко) и никогда не переводил тех стихов, которые ему были не близки.

Азербайджанец Наби Хазри за сборник стихов в переводах Передреева получил Ленинскую премию. Советским руководителям не приходило в голову, что самому поэту Анатолию Передрееву можно дать такую премию за его собственные стихи. Лишь читатели вознаграждали его беззаветной искренней любовью.

Анатолий Передреев, со всей серьёзностью и честностью его натуры, стал размышлять над трудами других поэтов. Он думал об образном строе их стиха, композиционных ходах, о подтексте, о слове, ритме. Проникался пластикой иного лиризма: у прибалтийских поэтов лирика была с философским холодным уклоном, у кавказских – полна любви и неги, порой тяготела к афористичности. Ему интересно было узнавать, о чём думают и как пишут другие. Он «вкопался» в эту почву и трудился, словно крестьянин на пашне.

Нынешний читатель – слава Богу! – не знает такого Анатолия Передреева. Бытовая шелуха, грязь ушли на удобрение эпохи. Мы получили чистовик его тонкой душевной жизни, звенящую высоту его соловьиного голоса.

Он любил литературный труд и думал о нём. Это было не время немоты, а время оттачивания пера, подготовка к новому витку взлёта в поэзии, и сам взлёт, как в переводе из Новруза:

*...И счастье я узнал на свете,
и муку тяжкую узнал,
и я склонился над строкою.*

*Я, словно раб, к столу прирос...
И во весь рост
передо мною
встал жизни всей моей вопрос.
И я немедленно ответил
всей кровью сердца моего,
что есть
поэзия на свете,
а больше нету ничего!..*

В статье «Читая русских поэтов» предостерегал: «Особенно удивляет меня стремление некоторых... загипнотизировать себя зарубежными поэтическими именами. Никто не сомневается в пользе знакомства с творчеством Лорки, Рильке, Аполлинера или Артюра Рембо, но щеголять образами в их духе, не усвоив глубоко собственных национальных традиций, – это заведомо обеднять себя».

В работе, посвящённой Рубцову, – «Мир, отражённый в душе», – он писал: «В сегодняшних сборниках стихов «шум времени» зачастую заглушает поэта. Причём, «осваивая» время, поэт часто принимает техническое чудо за поэтическое... В книге, если только она произведение души поэта, а не просто сгустки слуховой и зрительной информации, должна стоять тишина, подобная тишине глубокой чистой реки, в которой отражается окрестный мир». Он ценил несуетливость в поэзии. Вникал во всевозможные «мелочи», посвятил несколько страниц «деталям» в поэзии – «Всесильный Бог деталей».

Сергей Агальцов, редактор книги «Лебедь у дороги», писал: «О стихах Анатолий Передрев мог ярко, неподражаемо, свободно цитируя любимых поэтов, говорить часами – в домашней беседе, по телефону, днём и ночью – когда и где угодно. Его отношение к поэзии было чисто и свято».

Требовательный к себе, к своим стихам, он мог простить другому слабую проходную строчку, не мог простить одного – душевной неискренности, фальши... «Так хочется написать что-нибудь хорошее», – любил он повторять. Дальше его притязания не простирались. По меткому замечанию одного критика, Анатолий Передрев «не написал ничего лишнего».

Предчувствия его под конец жизни обострились. Он писал о любимой дочке Леночке:

*Ты ещё моя певунья,
ты ещё моя плясунья,
ты ещё моя, моя,
но уже мне слышен ветер,
что уносит всё на свете
в неизвестные края...*

Вот какие аргументы выдавал он в пользу своей неумершей поэзии! Ни одного междометия против: с ним считались все, кто понимал, что есть поэзия.

Отец поэта умер в 1976 году. А после смерти матери 21 июня 1979-го Анатолий Константинович стал круглым сиротой. Ему было 46 лет. Что значит сиротство 46-летнего мужчины, когда сиротство более 60 лет свирепствовало по всей Руси Великой?! Никто этого не заметил...

Смерть матери означала и другую, не меньшую утрату – утрату той части родины, где рос и учился, имел друзей. После того, как исчезла деревня Новый Сокур, – и Грозный стал для него пепелищем, на котором только могилы отца и матери. Ничего не осталось из того, что подпитывало его душу, что привязывало её к родным корням. Корни были нещадно порублены. Менялись-заменялись Новый Сокур, Саратов, Грозный, Электросталь, Москва: улица Добролюбова, Волгоградский проспект, Хорошевское шоссе... Земля уходила из-под ног. Почва скрывалась под асфальтом. «Культурный слой» всё увеличивал отчуждающе мёртвый метраж.

В Москву с Чукотки приехал брат Борис. Он сказал: «Анатолий, может тебе ручку подарить?.. Ты что-то ничего не пишешь!» Анатолий ответил с горечью: «Пишется, когда душа просит...».

Передреев в 80-е годы оказался один в жёстком кольце Москвы. Идеальный вариант, подпитывающий литературное творчество, выбрали В. Белов, В. Распутин: они живут месяцами в Москве, где общаются с издателями, коллегами, реализуют свои труды. Какое-то время – самое плодотворное! – так было и у Анатолия. Даже когда он только поселился в Москве, – терапия родины и рода ещё какое-то время подлечивала его душу, когда он приезжал к маме. Но после смерти Дарьи Федоровны остался один каменный лес – Москва. И он понимал – до скончания.

Очень хорошо понял Передреева его друг Станислав Куняев, который в своих воспоминаниях «Поэзия. Судьба. Россия» высказался о стихотворении «Лебедь у дороги»: «Это о себе, о своей замкнутой душе, о попытке жить сосредоточенной жизнью, о своём всё более возрастающем одиночестве в мире, который с каждым годом становился для Передреева всё более чужим и ненужным. О попытке «никого не пускать» в свои «владенья совершенства», окружённые жарким, тяжёлым воздухом жизни, проносащихся машин, ревущей дорогой... Мысль о невозможности вжиться в этот мир... перетекает из одного стихотворения в другое. Он поистине всё чаще сам ощущает себя беззащитным существом, вроде «лебедя у дороги».

И всё же Анатолий Передреев был полон сил. Он выстрадал стремление выступить на новом витке художественного подъёма. Это нелегко, как будто сдираешь старую кожу... С нею сброшен и любимый его читателями юношеский оптимизм, задор человека, стремящегося к новым горизонтам. Годовые кольца на древе его жизни взлетали всё выше и сжимались всё туже. Был виден тупик «крупноблочного мира комфорта», заслонивший простор родины и ту тропинку среди полей, по которой они с мамой, Дарьей Фёдоровной, в детские годы каждое лето шли к своей родной деревне.

Пока душа жива, она сопротивляется, не спешит в тупик. Вот стихотворение (начало поэмы) последнего года жизни:

*Кто построил тебя, дом,
не гордясь своим трудом?
Плод бездушного проекта,
современности стандарт
у ревущего проспекта,
где не слышен месяц Март...
Заглушая песню ветра
и раскаты вешних сил,
чем ты в каменные недра
мою душу заманил?!
Крупноблочный мир комфорта
между небом и землёй,
где ни Бога нет,
ни чёрта,
где не ходит Домовой.*

Несмотря на внешне трудную жизнь поэта, стихи его в целом пышат духовным здоровьем, как, например, стихи Пушкина и Есенина. На равных с великими русскими поэтами ставит Передреева высокая художественность его стихов. Художественность – не стилистические завитки и нагромождение красотей; это вся глубина и высота божественного человеческого духа; вся красота мира, людей и природы; всё разнообразие, переливистость, переменчивость или даже полярность чувств, – выраженных лаконично, точно и ярко, с предельно возможными музыкальностью и гармонией ритма.

Анатолий Передреев умер 19 ноября 1987 года от инфаркта в Москве в собственной квартире. 30 дней он не дожид до 55-летия. Похоронен на Востряковском кладбище на юго-западе Москвы.

Еще раньше он с горестью вписал свои предчувствия в перевод Новруза:

*Сердечники умирают...
Вот только что был
и – нет...
Внезапно
мир покидают...
Всё чаще в расцвете лет...*

Если вам надо «почистить» душу, разьедаемую современными противоречиями, одичавшую от дебилизма телевидения и агрессивности кино, – читайте стихи Анатолия Передреева, лечащие нас своей мягкой, светлой энергией, говоря его словами, полные «прозрачной высоты».

Написавший немного, он как бы явился сразу целиком и полностью оформленным поэтом, наделённым абсолютным чувством гармонии, слова, ритма, особой музыкальностью; строгий, точный, классически «простой», и в то же время, полный клокоющей внутренней энергии и романтизма. Ни слова фальши! Искренность и чистота, достоинство, независимость. Фарисейство чуждо истинному поэту, высокая душа которого говорит с небесами, с Богом. Друзья Передреева отмечают, что он, обречённый на нелёгкое существование, был подчёркнуто щеголеват в одежде, имел «вольные повадки свободного человека», «великолепную статью» и «магнетическую силу». Он был симпатичным, обаятельным, как и его стихи, – глубоко искренние, они блещут природной своей красотой, освещённой божественным светом таланта.

**НОВЫЕ КНИГИ,
ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ**

- *Клименко Светлана. Беру себе твои печали. Юбилейное издание. Северо-Кавказское издательство МИЛ, Пятигорск / Кисловодск, 2011.*

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА КАВКАЗЕ

ТРИ СТАРШИХ БРАТА

Три старших брата было у меня...
От них остались
Только имена.
Остались три портрета
На стене,
Убиты братья
На большой войне.
Один упал
Под снежною Москвой,
Другой –
На сталинградской мостовой,
А третий пал
К Берлину на пути...
И каждый
Не дожил до двадцати.
Безмолвны три портрета на стене.
Идут года.
Давно за двадцать мне.
Но боль моя
Острее день ото дня –
Три старших брата было у меня.
Безмолвны
Три портрета на стене.
А мне кричат
О будущей войне.
Но помните, фанатики огня:
Три старших брата
Было у меня!

1958

СОН МАТЕРИ

Стучат в окно,
Стучат в ночные двери –
Скорей вставай
И двери отвори!..
И входят в дом
Её живые дети,
Встают над нею
Три богатыря.
Они встают,
Какими их навечно,
На каждый час запомнила она,
И нету сил,
Чтоб кинуться навстречу.
Дыханья,
Чтобы крикнуть имена.
Они!
Руками каждого потрогай,
Гляди,
Гляди на каждого –
Они!
И, как тогда,
Как перед той дорогой,
На них
Крест-накрест
Жёлтые ремни...

1959

ЩЕЛЬ

Перебираю детство, как наследство,
Припоминаю тысячу вещей...
Я, как слепой,
Ищу на ощупь детство
И падаю –
Проваливаюсь в щель.
Я погружаюсь в темноту и глину,
В узлы пожитков,
Сваленных на дне...
Я обнимаю худенькую спину
Моей сестры,
Прижавшейся ко мне.

Над нами мир
Раскромсанный и чёрный,
Провалы тишины сменяют гул...

И слышно –
В щель протискивает корни
Наш сад,
Забывтый нами наверху...

1959

ПРО ЯМЩИКА

*Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой...*

Её поют столичные солисты.
Солисты знаменитые, солидные,
Её не исполняют, нет – поют!
Её поют над скатертью залитою...
Над кружкой опрокинутой забытою...
И те поют, которые не пьют.

Поют и вдаль глядят серьёзно, пристально
И узнают волнующее исстари,
Родное что-то кровное, своё!
Её поют поля, вокзалы, пристани...
О, как самозабвенно, жадно, истово
И вдохновенно как поют её!

...Сквозь города российские и веси,
сквозь времена, что над землёй текут,
Я в старой этой заунывной песне
Плыву, рукою подперев щеку.
Закрыв глаза, плыву в раздольном русле,
Плыву, плыву к оплаканым векам,
И волны тёплой человечьей грусти
Мне в душу катят, словно в океан!

1959

* * *

Она одна на белый свет.
А к ней –
Одна дорога...
Я шёл,
И заставал рассвет
Меня под сенью стога.

Равнина. Родина. Земля.
Горячий запах хлеба...
А за деревнею – поля.
А над полями – небо.

Я шёл,
И путь мой был далёк,
Я видел издалёка –
Отсюда
Тысячи дорог,
Сюда
Одна дорога.

Среди распаханых полей
Я шёл,
Дыша землёю,
С душою бедною своей,
Как с нищею сумою.

Всё шире был земли предел,
Всё ярче трав цветенье,
Всё жарче жаворонок пел,
Звеня в самозабвенье.

1960

ЖУРАВЛИ

А что творится
На земле,
Что делается
В небе?..
На свежевспаханной заре
Я думаю о хлебе.
Я сын,
Я выкормыш земли,
Я думаю о севе...
А надо мною –
Журавли,
Они летят на север.
Летят
В прозрачной вышине
Звеню неторопливым
И задевают
Сердце мне
Своим звенящим
Клином.
Они летят,
Летят, летят
В своей высокой
Воле...

Мои заботы
Не щадят,
Моё
Не видят поле...

1960

МАТЬ

Уляжется, ночь у порога,
Уставится в окна луна,
И вот перед образом Бога
Она остаётся одна.

Туманный квадратик иконы,
Бумажного венчика тлен.
И долго роняет поклоны
Она, не вставая с колен.

И пламя лампадки колышет,
Коледует листочек огня.
Ночной её вздох —
 не услышит
Никто его, кроме меня!

Лишь сердце моё шевельнётся,
Сожмётся во мраке больней...
Никто
 никогда не вернётся
С кровавых и мёртвых полей!

Не будет великого чуда,
Никто не услышит молитв...
Но сплю я спокойно,
 покуда
Она надо мною стоит.

1961

ОКРАИНА

Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама:
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!

Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.

И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

1964

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Эта ночь тиха и пустынна...
Ты ко мне прислонилась плечом...
Ты, конечно, ни в чём не повинна,
Не повинна, конечно, ни в чём.

Ты ни в чём не повинна... Но, боже,
Что свело на земле этой нас?!
Никому не рассказывай больше
Всё, что ты рассказала сейчас.

Это всё я один понимаю
В пустоте, в темноте, в тишине...
Но и мне – я прошу, обнимаю,
Не рассказывай больше и мне.

2

Среди всех в чём-нибудь виноватых
Ты всегда откровенней других...
Но зрачки твоих глаз диковатых
Для меня непонятней чужих.

По каким они светят законам,
То слезами, то счастьем блестя?
Почему в окруженье знакомом
Ты одна среди всех, как дитя?

И зачем я сегодня всё время,
Окружённый знакомой толпой,
Объяснялся словами со всеми,
А молчанием – только с тобой?..

Но когда я тебя обнимаю,
Как тебя лишь умею обнять,
В этой жизни я всё понимаю,
Всё, чего невозможно понять!

1965

* * *

Какие бури в мире просвистели,
Каким железом век мой прокричал!..
И вот в душе
Чуть слышно,
Еле-еле
Запел родник –
Начало всех начал.

И вот над краем
Дорогим и милым
Кричит петух...
Ах, петя-петушок!
Как вскинуть он старается
Над миром
Свой золотой,
Свой бедный гребешок!

Кого зовёт он так
По белу свету,
Как будто знает –
Песнь его слышна,
И понимает:
Русскому поэту
Нужна земля
И Родина нужна.

1966

* * *

Я видел, как скудеют чувства,
Когда отдельно от искусства
Горит закат,
Шумит листва.

Когда – была такая мода –
Живут, друг другу не служа,
Поэт отдельно
И природа,
Отдельно книга
И душа.

И выдаётся шарлатанство,
Творца старательного бред
За постижение пространства,
Проникновение в предмет.

И на страницах имярека,
А вам известен имярек,
Всё меньше стало человека,
Хоть был предметом человек.

В полотнах, где бездушны краски,
В словах без жизни и лица...
Но споры шли,
Кипели страсти
Вокруг бесстрастного творца!

1967

У МОРЯ

Шеме

К скале прислонившись отвесной,
Я видел:
внизу подо мной
Дышала холодная бездна,
Ходила волна за волной.

А было и солнца, и света
Так много у южного дня...
И ты за уступами где-то,
И ты окликала меня.

Но вал поднимался за валом,
Кидая на скалы его,
Лишь море одно бушевало,
Не видя вокруг ничего!..

Его равномерные воды
Без отдыха бьют в берега
И только отсчитывать годы,
Отмеривать могут века.

И там, за дымком парохода,
Ещё никому не видна,
До самой черты небосвода
Моя вырастает волна!

А чайки кричали прощально,
А солнце стояло, слепя,
На тихом откосе песчаном
Я снова увидел тебя.

Но с детским восторгом во взоре,
Забыв обо мне и себе,
Бежала ты к морю,
и море
Бежало навстречу тебе!

1967

* * *

Я пройду тихонько вдоль заборов,
Вдоль деревьев тех,
Что хранят сияние и шорох,
Голоса и смех.
Вот она – для сердца и для взора –
Тихая земля...
Неужели вся моя опора –
Молодость моя!
Переулков этих захолустье
С четырёх сторон.
Ни печали нет давно, ни грусти,
Только лёгкий звон.
От листвы вечерней, от звезды ли,
От далёких лет...
Там меня ещё не позабыли,
Не забыли... Нет!

1970

К 75-летию выдающегося
поэта- пятигорчанина Геннадия Колесникова

АНАТОЛИЙ КРАСНИКОВ

РОДНИК ЛЮБВИ*

*«Совсем немного тех,
Кто сердцем не устал»*

Говорят, мир тесен. А творческий – тем более. Долгий вечер перед журналистским съездом в Москве мы коротали в гостиничном номере столичной «России» за бокалом знакомства с делегатом из Саратова и новыми открытиями его знаменитых земляков с Волги. Монологи коллеги постоянно сбивались на поэтические рельсы памяти.

ПО ВСЕМУ чувствовалось, что и его выразительным газетным очеркам о трудовых буднях не хватало простора, хотелось выплеснуться, как Волге, большой литературой.

– Волжской земле везло на таланты. Правда, не только мирового масштаба, – заметил коллега, подготавливая себя к очередным откровениям. – Вряд ли на Руси широко известно имя Геннадия Колесникова...

– Ну почему же? – бесцеремонно перебил я. – Когда-то вся страна пела его «Тополя», а потом зачитывалась «Фламинго».

Мой новый знакомый, удивленный и обрадованный, что имя поэта еще более сблизило нас, стал декламировать его пронзительные стихи, как бы оспаривая наши возникшие претензии, кому считать Колесникова своим земляком – Саратову или Кавминводам, где последние годы творил наш общий и «не поделенный» нами Геннадий.

– Похоже, ваши курорты какие-то роковые, где поэты находят свой последний приют, – мстительно подытожил коллега с намеком на Лермонтова, узнав о безвременной кончине Геннадия Колесникова.

РЕДКО встречается в жизни человек такой широкой души, как Геннадий Колесников. Тяжелое физическое увечье никак не отражалось на его жизнелюбии, романтической бесшабашности и неподдельном оптимизме. Кстати, и знаменитые «Тополя» он написал в больнице, когда прикованный болезнью к постели с тоской следил в окно за белой метелью тополиного пуха:

* Коллективная повесть. К портрету Г. Колесникова. Продолжение. Начало в № 1 (2007), №2 (2008), № 3 (2009), № 4 (2011).

*Тополя, тополя, в город мой влюбленные,
На пути деревца, деревца зеленые.
Беспокойной весной вы шумите листвой
И не спится вам вместе со мной.*

В жизни он нередко перебивался куском хлеба да халявной, по случаю, рюмкой водки. Легко переживал то, что партийные бонзы его не любили. Но их неприязнь оборачивалась куда более страшной для поэта бедой: его не печатали.

*Уже давно меня не публикуют,
Ни слова обо мне не говорят,
Но глухари в моей тайге токуют,
Но васильки в моих лугах горят...*

Частым, чтобы не сказать – постоянным гостем «Кавказской здравницы» он стал, когда газету возглавил Николай Чернев. Вопреки настойчивым «рекомендациям сверху», новый редактор смело отваживался на публикацию щемящих сердце стихов. Он придумывал для него творческие командировки на хлебные поля Ставрополя, откуда поэт привозил документальные поэтические репортажи, пропахшие ароматом тугих пшеничных колосьев. Спустя время расчувствовавшийся Колесников в узком кругу признательно и застенчиво выскажет редактору благодарность, стеснительно упрятавшись за чужие строфы: «Старик, я слышал много раз, что ты меня от смерти спас».

По вечерам, ожидая, пока на допотопных типографских линотипах его лирические репортажи отливались в петитные строки (о компьютерном наборе и верстке тогда еще не ведали), мы разыгрывали «гроссмейстерские дебюты». Он и на шахматной доске оставался поэтом. Не знакомый с сухой академической теорией и не признававший её, он превращал наши партии в фантастический фейерверк – прекрасна музыка атаки.

– Что это мы переставляем пешки впустую? Давай установим хотя бы рубль за победу, – предлагал он и, всегда безденежный, смущенно добавлял: – В долг.

Когда его накопившийся должок зашкаливал за червонец, а в редакции назревал чей-нибудь день рождения или даже юбилей, и я предлагал ему считать червонец повышенным гонораром за именные стихотворные поздравления, Гена тут же присаживался к столу и вскорости радовал всех нас проникновенным поэтическим экспромтом к несказанной радости виновника торжества.

Не припомню, чтобы у него были друзья. Но сколько «дружков» набегало вдруг, когда он получал гонорар за долгожданную книжку стихов. Широко отметив творческую удачу, он приходил наутро в редакцию и виновато просил... одолжить рубль. Будучи однажды в Москве, он случайно узнал, что ему причитается накопившееся вознаграждение за многократное исполнение «Тополей» по радио и на ТВ – как автору слов. Получив крупную сумму, Геннаша привел с собой в гостиницу... цыганский ансамбль – и остался опять без копейки.

Нищего поэта тянуло странствовать. На гостиницу денег никогда не хватало, и на киевском Крещатике он забирался вечером на дерево, привязывал себя ремнями к стволам и засыпал в цветущих каштанах, чтобы его не «замела» милиция на жестких скамейках, как бродягу. В Ростове судьба подарила ему знакомство с другим удивительным, таким же бесшабашным и талантливым поэтом – Николаем Рубцовым. Сердечная встреча двух одаренных молодых людей завершилась... в милицеском участке. Когда осужденных за нетрезвое состояние на 15 суток поэтов вывели подметать Набережную, Гена обнаружил в кармане нечаянный рубль – и подвернувшийся лодочник украдкой перевез их на Левбердон, как сокращенно именуют здесь «левый берег Дона».

Партийным бонзам было за что не любить поэта. Однажды 7-й этаж Пятигорского Дома Советов, где размещался горком КПСС, выразил крайнее недовольство, что напротив их окон у фонтана агрессивно жестикулировал Геннадий

Колесников. Выдворить его с обозреваемой площади не представлялось возможным, потому что поэт вооружился палкой и воинственно размахивал ею, никого не подпуская к себе. Партия недвусмысленно намекнула, что это редакционный автор (а мы располагались в том же здании на 2-м этаже), стало быть – журналистам и выдворять.

Среди коллег, мечтающих об иерархической лестнице, не нашлось желающих на партийных глазах афишировать свое знакомство с опальным поэтом. Решившись на сомнительную операцию, я понимал, что голыми руками разъяренного по непонятным причинам Гену не взять. Требовались иные, непедagogические методы воздействия, и я душевно сказал:

– Геннаша, если тебя сейчас ударить по голове, ты провалишься в трусы.

Явно заинтересованный неординарным приветствием, поэт перестал размахивать палкой, не заметив моего коварного приближения. «А после второго удара...», – зловеще добавил я незаконченную фразу и без сопротивления увел его, обнявшись, с площади. Сентиментально слезясь, он читал на ходу:

*Я лечу в заповедные дали
На таинственный остров любви,
По душе моей тоже стреляли,
Много раз я был ранен людьми.*

Просто непостижимо, когда он умудрялся находить время, чтобы писать удивительно пронзительные стихи:

*Не знаю, долго ль буду петь,
Не знаю, путь ли свой осилю.
Но очень хочется успеть
Воспеть любимую Россию.*

Болящий поэт незаметно и тихо угасал. От возможной, по случаю, рюмки не отказывался. Да и много ли надо было крохотному, тщедушному телу с таким большим сердцем?! Похоронили мы 58-летнего поэта после тяжелой болезни в 1995 году. Но в памяти он остался живым.

*Только жить продолжаю влюблено,
К доброте окрылено стремясь,
И гляжу я на мир удивлённо,
Никого, ничего не боюсь...*

...В то время редактору «Кавказской здравницы», мне посчастливилось проводить в Кисловодске совместно с городским комитетом по культуре вечера памяти поэта, а потом я возмечтал создать региональный творческий фонд «Фламинго» имени Геннадия Колесникова. Но когда увидел, что вокруг спешно засуетились дельцы и графоманы, чтобы заработать или протащить в печать свои бездарные вирши, прикрываясь высоким именем поэта, то решительно отказался от задуманной идеи. Пусть уж лучше его розовый фламинго останется свободным, не замаранным, чистым – каким был и сам Поэт.

Вот что удивляет. Несмотря на многократные обращения СМИ, творческой общественности и даже обещания городских властей достойно увековечить замечательный вклад поэта-пятигорчанина Геннадия Михайловича Колесникова в российскую и мировую поэтическую культуру, дело так и не сдвинулось.

Пятигорчане не раз писали о том, что даже за одну песню «Тополя», прозвучавшую на весь мир и переведенную на десятки, если не сотни языков мира, Геннадий Михайлович достоин звания «Почётного гражданина Пятигорска», где он родился и вырос, создал лучшие свои произведения. Ведь это один из немногих

российских поэтов, у которого неудачных стихов вообще нет. В этом смысле он уникален.

Странно, но в последние годы это почётное звание стали присуждать, не спрашивая мнения пятигорчан, исключительно чиновникам разного уровня.

Да и решенный, казалось бы, вопрос о присвоении одной из двух «Набережных» улиц, на которой жил поэт, его имени, тоже застопорился.

Супруга Колесникова Евгения Заславская (её тоже уже не стало) даже провела в свое время опрос жителей улицы. Как оказалось, они искренне любили «маленького Гену и большого поэта» и до сих пор гордятся дружбой с ним.

С помощью сына Евгения Заславская успела капитально отремонтировать половину принадлежавшего им с Геной дома с надеждой на то, что со временем он станет его музеем с удивительными завещанными им нам всем его строчками:

*Я живу у реки.
С каждым днем
голубею глазами,
Все печали мои,
Все тревоги мои
далеки.
Кто-то вспомнил
меня
И душою ко мне
кто-то замер,
Кто-то ищет меня,
А я здесь,
Я живу у реки.*

Да и повод сегодня есть для серьезного разговора: 12 марта 2012 года поэту исполнилось бы 75 лет.

Он ушел из жизни 9 сентября 1995 года.

В народе говорили: обещанного три года ждут. Прошло уже 17 лет, а люди все еще ждут.

А между тем, писал же сам поэт:

*Преследует меня
Предчувствие любви,
Весна мне подает надежды.
Плыви, моя звезда,
По небесам плыви,
А небеса всегда безбрежны.*

*Совсем немного тех,
Кто сердцем не устал,
Кто остается юн душою,
А юная душа –
Она всегда чиста,
Охвачена мечтой большою.*

*Да здравствует
предчувствие любви!
Да здравствует
предчувствие удачи!
Плыви, моя звезда,
По небесам плыви,
Твой путь грозой
И солнцем обозначен.*

ГЕННАДИЙ КОЛЕСНИКОВ

Сердцу настезь Русь открыта

СТИХИ ИЗ СБОРНИКА
«АВТОПОРТРЕТ»

По заснеженной России,
Как Шаляпин,
Мчу в санях!
Крылья синие раскинув,
Свищет ветер в небесах.
Птицей бьется в соснах солнце,
Над деревнями дымок.
И, как в песенке поется,
Путь мой долог и далек.
Золотясь, звенят копыта,
Пар валит от рысака.
Сердцу настезь Русь открыта,
Словно песня ямщика.
По России столько света,
Сколько радости в груди.
По России столько снега,
Сколько счастья впереди.
Мчатся сани за лесами,
Ржёт рысак,
Щека в слезах.
И, как в сказке с чудесами,
Солнце у меня в глазах.
Свищет ветер, свищут вожжи,
Льнёт любимая к плечу.
Что ты ёжишься, прохожий?
Прыгай в сани –
Прокачу!

ОПТИМИСТ

Много ль надо душе оптимиста
От весны наступающей новой?
Было б по уши птичьего свиста
И по горло воды родниковой.
А садам – на цветочек по пчелке,
По березе для каждой полянки.
Всем ребятам Земли – по девчонке,
Всем девчонкам Земли – по фиалке.
По колена травы бы волнистой,
Да степного тумана по брови.
Много ль надо душе оптимиста
От весны наступающей новой?

СОСНА

На порыжевших тополях
Закатом лето догорало.
И осень в песнях журавля
Уже брала свое начало.
От звезд тянуло холодком,
И как-то нехотя и с грустью
Рассталась веточка с листком,
Под свежим ветром тихо хрустнув...
И только гордая сосна
Желтеть и никнуть не хотела.
Казалось, по утрам весна
Росой тяжелой в ней звенела.
Цвет лета вовсе не угас,
Он растворился в иглах сосен.
Так юность зеленеет в нас,
Когда года уходят в осень...

МУЗЫКА

И глубина,
И тайна древних гор
Есть музыка,
Исполненная в камне.
Великая,
Она
Звучит веками,
Не понятая нами до сих пор.
С утра
Она
Легка,
Как облака.

Прозрачна,
Словно воздух по долинам.
Мелодия пастушьего рожка
Переплелась в ней
С клекотом орлиным.
А в полдень
В этой музыке слышны
Гром летних гроз
И грохот водопадов.
И сорванные временем с вершин,
Гремят в ней камни
роковых обвалов.
А на закате,
В розовом дыму,
Когда лавинами
со скал
свисают тени,
В той музыке трубят,
Трубят олени
И к озеру идут по одному...

ДОМБРА

О синеве далекого аула,
О черных косах,
Легких как полет,
Седой пастух
С бородкою Джамбула
Под звездами июньскими поет.
Всего лишь две струны
Нужны для песни –
Душа и сердце,
Сердце и душа.
И если ты поймешь его,

И если
Услышишь ты,
Как песня хороша, –
Тогда к тебе придут воспоминанья
И ты опять увидишь милый край,
Где все впервые –
Радость и страданье,
Где все едино –
Молодость и май.
И не беда, что песня заунывна,
И ничего, что музыка проста,
В ней все смешалось:
Слезы и улыбка,
Далекие и близкие места.

ГОРЫ

Я тяжело к вершинам восхожу.
Остреет взгляд,
И сердце чаще бьется.
Задумавшись,
Над облаком сижу,
Где только ветер,
Синева и солнце.
А там –
Внизу –
В аулах льется кровь...
баранья,
Шашлыки на углях брызжут.
Ворчат собаки,
Соль коровы лижут,
И дети спят
в тени роскошных крон.
И на крыльце сидит сухой старик,
Который сам не знает, сколько прожил.
И раздаются женский стон и крик
На брачном или же на смертном ложе...
В горах не слышу я людскую боль,
Ничья улыбка мне в лицо не светит.
И, отстранив
Страданья и любовь,
Я думаю о вечности и
Смерти.

Станет страшно тебе.
Я давно этой мыслью напуган,
Вдруг случится такое
На склоне отсчитанных дней:
Скажет честное сердце,
Что нет настоящего друга
Среди многих твоих
На пирушку пришедших людей.

С каждым днем
Все больше мне слушать
Тех людей,
Что уже не горды,

Тех людей,
Чьи усталые души
Холодны,
Как пустые сады.

20

Я предчувствую осень
Болью,
хрустящей в суставах.
Я предчувствую осень
В морозном дыхании дня.
Стало тише на дачах,
Прохладной
в бегущих составах.
Все печальнее птицы
глядят по утрам на меня.
Я предчувствую осень,
Пусть лето гореть еще в силе,
Осень нашей любви,
В которой ничто
не сбылось.
И в саду наших встреч
Есть последняя
тихая слива,
За которой в степи
Две дороги расходятся врозь.

20

Всё снега заметут!
Мы на елку повесим игрушки.
Из пушистых лесов
Позабытые сказки придут.
Всё снега заметут!
Забелеют стога, как избушки.
Будут в звездах поля.
И пруды, и озера уснут.
Всё снега заметут!
И сверкнут за деревьями сани,
Будет лихо свистеть
Над горячими гривами кнут!
Не беда, что она,
Наша юность, осыпалась садом.
Не грусти о цветах, —
Все равно их снега заметут.
Всё снега заметут!

На дорогах солдат заметали,
Заметали снега
Тех, кого до сих пор еще ждут.
Ничего, если вдруг
Наши волосы белыми стали,—
Все равно, все равно
Все печали снега заметут...

ОДИНОЧЕСТВО

К скалам вечер приник,
Скалы виснут над морем высоко.
Сумасшедший старик,
Говорят, прожил здесь одиноко.
Только кажется мне,
Видел я, как украдкой ласкал он
При вечерней луне
Молчаливые теплые скалы.
Как он к морю сбегал
И у пены отплясывал чертом,
Как с волной хо-хо-тал!
И кричал с альбатросом о чем-то.
Как шептал он траве
Нежно-нежно,
Как будто любимой,
О скале,
О заре,
О печали своей нелюдимой.
Одиночество мне
Стариком сумасшедшим приснилось,
Из-под рыжих бровей
На меня оно долго косилось,
И куда-то звало,
И куда-то влекло меня нагло.
Я спросил у него:
«Что тебе,
Одиночество,
Надо?»
«Там, где стонут леса, —
Одиночество мне отвечало, —
Мне бы верного пса,
Да шалаш,
Чтобы жить одичало,
Да мешок сухарей,
Да мешочек пахучей махорки.
Слушать мне б глухарей
На вечерней прокуренной зорьке,
На пеньке бы сидеть,

Сторожить тишину у болота,
Да еще умереть
На горячей груди у кого-то».
И пусть был это сон,
Я внимал старику всей душою.
Стал ему верным псом,
Стал ему шалашом под ольхою,
Глухарем ему пел,
На вечерней заре плавал дымом.
На пеньке он сидел
У болота,
В лесу молчаливом.
Час пришел,
Не вздохнуть,
Поднимаясь,
На землю он падал.
И себе я на грудь
Положил его голову в патлах...
Так и умер старик.
И вскричали все ветры по свету:
Одиночества нету,
На земле
Одиночества нету-у!

Горит,
Горит вишневым соком бакен.
На Волге –
Мятный воздух –
Сердцем пей!
Такая ночь,
Что чудится собакам,
Как будто нет ни грязи,
Ни цепей.

Не только пни,
А старые ворота
Припомнили,
Что и они цвели.
И каждая
Плешивая ворона
Мечтает спеть красиво
Для земли.

ТОПОЛЯ*

*Стихи Геннадия Колесникова
Музыка Григория Пономаренко*

Тополя, тополя,
В город мой влюбленные,
На пути деревца,
Деревца зеленые.
Беспокойной весной
Вы шумите листвою
И не спитесь вам вместе со мной.

*Тополя, тополя,
Беспокойной весной
Вы шумите листвою,
Тополя, тополя,
И не спитесь вам вместе
со мной.*

Тополя, тополя,
Солнцем коронованы,
Ждут дороги меня
И тревоги новые.
Далеко ухожу,
В сердце вас уношу,
Как весенний волнующий шум.

*Тополя, тополя.
Далеко ухожу,
В сердце вас уношу,
Тополя, тополя,
Как весенний волнующий шум.*

Тополя, тополя,
Долгой дружбе верные,
Я не скоро, друзья,
К вам вернусь, наверное.
Пусть в ночной тишине
Вам приснится во сне,
Как бродили под вами мы с ней.

*Тополя, тополя,
Пусть в ночной тишине
Вам приснится во сне,
Тополя, тополя,
Как бродили под вами
мы с ней.*

Тополя, тополя,
Мы растем и старимся,
Но душою любя,
Юными останемся.
И, как в юности вдруг
Вы уроните пух
На ресницы и плечи подруг.

*Тополя, тополя,
И, как в юности, вдруг
Вы уроните пух,
Тополя, тополя,
На ресницы и плечи подруг.*

* Гимн друзей альманаха. Полный текст песни публикуется из сборника «Песни из Саратова», Приволжское книжное издательство. Саратов. 2000.

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ КАВКАЗА

ВЛАДИСЛАВ БУДАРИН

* *
*

Растерялось много кой-чего
В только что истраченном столетье...
Вспомним мы не раз ещё его
Самым лучшим и счастливым в Лете.

Вспомним и взгрустнём, и пропоём
Песни нашей юности прошедшей,
А юнец, подумав о своём,
Примет нас за старых сумасшедших.

И, наверно, в чём-то будет прав –
Он ведь жизнь совсем ещё не знает...
Знал бы он, какой была пора,
Что теперь мы с грустью вспоминаем.

У него свой век, свои дела,
Он ошибки наши приумножит...
Но какой бы тяжкой ни была,
Будет жизнь его ему дороже...

А потери наши – плачь, не плачь,
Не вернуть и не восполнить плачем.
Целый век нам дали для удач!
Кто же виноват, что он истрачен?..

ЛУЛА КУНИ

ЕЛЕНЕ ИВАНОВОЙ

Неужели всё так же просты
Ваши тихие речи?
И проталины так же чисты
В поймах медленных речек?..

Обретение мира – в ладу
С веретенным шушаньем.
Неужели я снова найду,
В запределье, во мраке, в аду,
Растворив в светлых водах беду,
Прежних истин признание?..

Мы стоим у дороги земли –
Обе – розно – по росным каёмкам.
Видишь, дети босые прошли...
Вторит эхо забавам их звонким...

Им смешна наша – в крик – глухота.
Им горьки наши кровные мщенья...
Поле брани омыла гроза.
На меже – в небреженье – каменья...

Наши дети, из нищих лачуг,
Немоту безъязыких прорвавши,
Вместо боли, полынью горчащей,
Радость мира с собою несут.

Им так просто согласие найти,
Так легко им – в приязни – познание...
Камни, что нам мешали в пути,
Дети – в Ночь – заложили для Храма.

Кто из нас – и кому – здесь судья?
Кто друг другу мы в игрищах ныне?
Пряжу наших судеб оборвав,
Бесовским наущениям вняв,
Мы враждуем, в нелепой гордыне.

Мы всё так же – у Кромки стоим...
Шаг навстречу – не в бездну забвенья.
Что ж, сестра. Я шагнула... Шагни.
Небо в облачном – вновь – опереньи...

ЛЕЧА ЯСАЕВ

* *
*

Ничего не желаю плохого.
Никому не желаю я зла.
Из себя я не корчу святого.
Быть мишенью устал для ствола...

Я боюсь, что свой дом не дострою
И поднять не успею детей.
Я себе ничего не открою
В этом мире – огромном – людей.

И когда обрету свою крышу,
Я поставлю свой стол у окна.
И займу я в поэзии нишу...
Будет в каждой строке новизна.

Будут мысли порхать мотыльками,
Без конца будут петь соловьи.
И не буду лукавить словами...
Я Чечне вновь признаюсь в любви...

ЛЕЧА АБДУЛАЕВ

* *
*

Ранили? Было. Ранили.
Сломлена?
Нет, поднимается...
Как бы Чечню ни поганили,
Все же она возрождается.

Падала? Да. Но встанет ли?
Встанет! И жизнью клянусь я:
Солнцем Чечня воспрянет,
К свету чтоб снова тянуться.

Вправду ли было? Вправду
Вера пока не убита:
Мы заживем на славу!
Жаль, что не все увидят...

ШАРИП ЦУРУЕВ

* *
*

Уходят дни,
Уходят в никуда.
Безжалостно уходят,
Безвозвратно.
И судеб наших мы не господа –
Лишь жалкому все это непонятно.

Мы все уйдем,
Когда настанет час.
Уйдем, исчезнем, будто и не жили.
Как будто мир не радовал и нас,
Как будто этот мир мы не любили.

О Жизнь, о Смерть!..
Слезами и мольбой
От предрешенья не уйти...
Короче,
Со дня рожденья мы идем тропой,
Которая ведет из ночи к ночи.
Любовь, обман,
несчастье и успех –
Все видим мы в короткий промежуток.
И эта жизнь – банальная из всех,
Грубейшая из всевозможных шуток.

АДИЗ КУСАЕВ

РИСУЯ ЛИК ТВОЙ...

Рисую лик твой, щедрою была
Природа: ты красива и мила
На радость многим
И на зависть многим
Ценителям – придирчивым и строгим.

Была природа мудрой:
Ты – умна,
Добра, скромна.
Наверное, она
Тебя в миг вдохновения лепила,
Чтоб все
В твоих чертах ее любили!

ТАЙНА

Когда уходит ночь, когда в росе
Переливаются рассвета искры
И наступает день во всей красе,
Природу наполняя гулом жизни?

Тебя увидел –
И открылась тайна:
Я понял, почему необычайно
Черны глаза твои –
Да потому,
Что всю в себя вобрали ночи тьму!

МАДИНА ЯСАЕВА

* *
*

Сидишь у окна,
а ветер гоняет листву.
Ты просишь у Бога дать искру надежды.
В траве какие-то блики,
нет, это не знак.
То окна раскрытые ветром,
А люди куда-то спешат.
Тебе надоело,
в листву пробиваются лучики света,
на небе плывут облака,
носимые ветром прохладным.
Первая капля дождя,
стекая с окна,
вбирает уличную пыль.
Вторая
по следам сестры
бежит быстрее.
Как странно делятся сутки:
они то растворяются в минуте,
то тянутся,
как Млечный Путь,
а люди все спешат куда-то.

АДАМ АХМАТУКАЕВ

* *
*

Сын проживает в городе,
Мама живет в селе.
Мама взывает к богу и
Сына зовет к себе.

Он у нее единственный,
Он у нее родной.
Только себе для жительствова
Выбрал он быт городской.

Мама с тоскою изношенной
На людях делает вид,
Что она сыном не брошена,
Что ею он дорожит.

Сын проживает в городе,
Мама в селе живет.
Мама пешком – до города,
Сын же – в село не идет.

Так и живет она, стойкая,
Только вот силы сдают...
Рядом стоит с ее койкою
Шаткий с лекарствами стул.

Сын проживает в городе,
Мать доживает дни...
Скоро она похоронена
Будет чужими людьми.

БУВАЙСАР ШАМСУДИНОВ

НОЧИ

Передай не любившим меня – ухожу.
И любившим меня передай – ухожу.
Передай – ухожу, чтобы в завтра войти,
Оставляя тебе прегрешений Весы.

Ухожу я теперь, растворясь в тишине.
Все, что делал в Добре, оставляя во Зле.
Оказалось, был слеп. Оказалось, был глух.
Эта жизнь – словно склеп. Этот мир – словно Круг.

Я теперь ухожу. Тень, лежи в темноте.
Оставляю лукавым их хитростей сеть.
Передай – будет так – как они захотят...
Захотят – будет Рай. Захотят – будет Ад.

Не любившим меня я горчил, словно яд.
Полюбившим – был нежный и преданный брат.
Передай – ухожу. Пусть свободно живут.
Ночь, ты стала проклятием мне поутру.

Лабиринты дорог нынче свел я к одной.
В них, доверясь тебе, я плутал до сих пор.
Ухожу из тебя я – в сверкающий День...
Из дурмана мечтаний – к реальности дел.

(Перевод с чеч. Л. Куни)

АЛВАДИ ШАЙХИЕВ

ЧЕЧЕНКИ

Хотя на вид такие кроткие,
Чеченки – женщины не робкие.

Их жизнь – сплошные декабри:
Бои одни. Бои. Бои.

На свет явились амазонками,
Под пулей свист, кинжалов звон они.

У них нет праздных женских дней.
Скупы они в любви своей.

Дарить бы им улыбки нежные,
Ведь они все же женщины.

Богини наших очагов.
Бойцы и матери бойцов.

И вновь война змеиной тропкою
Пришла неженскою походкою,

Как в те взавправдашные дни...
Их жизнь – сплошные декабри.

НАТАЛЬЯ ОКЕНЧИЦ

РАЗРЫВ

Ты вдогонку прикажешь: «Постой!»
И заставишь вернуть своё счастье.
Я отдам только белое платье.
Остальное испорчено. О-о-ой...
Наступили на сердце жестоко.

Не вернуть, не разгладить покой.
Ничего... Поживу одиноко,
А потом пожалеет другой.
Будет день начинаться со вздоха
И затянется времени бег.
Если мне так отчаянно плохо –
Как же плохо должно быть тебе?!

МАРИНА НОВИКОВСКАЯ

В ПУТИ... БРОДЯЧИЙ ПЕС

Чувства становятся глубже
И восприятие ярче...
Поступью тихой разбужен
Пес на асфальте горячем.

Мятая шкура и лапы,
Стертые в кровь о дороги.
Хвост полиняло-поджатый,
Взгляд обреченно убогий.

Воздух, прожаренный солнцем,
Уши ласкающий ветер.
Путь нелегко достается
Нечеловеческим детям.

ЕЛЕНА КРИВЕЦКАЯ

ПРО БОЖЕНЬКУ

И потом, когда в рай я однажды приду,
Я пороюсь в кармане, достану звезду
И верну ее Боженьке – он обронил,
Когда мыл себе ноженьки, кланяясь в Нил.
Он возьмет, улыбнется глазами в глаза –
Ведь не каждый приносит нам звезды назад,
Мне ладонью шершавой коснется волос:
«Я тебя точно так же однажды принес»...
Пахнут пальцы у Бога росистой травой,
Долгой пыльной дорогой, морскою волной,
Страстью, что будоражит мирские сердца,
Тонким едким дымком сигареты отца.

ХИЗИР АБИТОВ

* *
*

Все на земле
Особой метой мечено:
Все с вечера рассвета жаждают
Ясного.
А я с рассвета жажду
Только вечера,
Чтоб встретиться с тобой,
Моя прекрасная!

Перевод Д. Долинского

ЛАРИСА ШЕБЗУХОВА

ВЕЧЕРОМ В САДУ

Луна еще не высветила лика,
И было просто странно в этот час,
Что встретились Орфей и Эвридика
И песней завораживали нас.

И было сыро. Только мы не зябли.
Так согревала сила красоты,
Что нам казалось, ноты, а не капли
Нам падали на лица с высоты.

Пьянила ароматом земляника.
Казалось нам с тобой в полубреду,
Что мы с тобой – Орфей и Эвридика,
Укрывшиеся вечером в саду.

БИЛЯЛ АППАЕВ

* *
*

Альбом листал мой младший сын.
Увидел фото на странице,
меня взволнованно спросил:
«Ведь это – ты?»
Сливались лица...
И я ответил:

«Не, сынок...
Не я – твой дед...
Мы с ним похожи...»
Я сыну объяснить не мог,
что мой отец
меня моложе.
Моложе на пятнадцать лет...
И стану старше я с годами.
Но глаз отцовских ясный свет
пребудет молодым меж нами...
Нет, я не чувствовал вины,
когда завидовал ребятам,
к которым целыми с войны
вернулись их отцы-солдаты...
Взгляд сына я ловлю сейчас.
В нем узнаю свои приметы.
Он позавидует не раз
тем, у кого остались деды...

Перевод В. Шлёнского

ФАТИМА ЛАЙПАНОВА

* *
*

Стану странницей я,
Обойду все миры
И цветком зацвету
Здесь, на склоне горы.
Стану звёздочкой в небе,
Стану елью, сосной,
Буду в поле травинкой,
Только чтобы с тобой!
Чтобы только с тобою
Свои дни коротать,
За тебя, милый край,
Всё готова отдать!
Моя Родина – ты,
Мой Отец, моя Мать!
За тебя мне не жалко
Даже жизнь отдать.
Мои дети, мой край,
В твоём доме растут,
Твои горные реки
Силы им придают!

РОЗА МЕЖИЕВА

* *
*

К земле необетованной
По волнам и во льдах
Шли викинги суровые
На крепких кораблях.
Их паруса бесстрашные
Наперекор векам
Бросали вызов, дерзкие,
Штормующим морям.

А к звездам волны новые
Земных сынов вели –
Сквозь вихри шли багровые
Их звездные челны.
И бороздят вселенские
Давно они моря,
Бросая в звездных гаванях
Земные якоря.

И бурного течения
Не обуздать нам, вдруг –
В стремительном вращении
Исходит жизнью круг.

СВЕТЛАНА БОРЩЕНКО

КАВКАЗУ

Менялся мир. Меняли русла реки.
С землёй вулканы затевали спор
И утомились. И сомкнули веки
Старейшины – Домбай, Эльбрус, Клухор.

Среди вершин уснувшего Кавказа
Куруется до сих пор нетленный дым.
А здесь, в предгорьях, сколько видно глазу,
Укрыто небо шелком голубым.

Щедра земля к аулам и станицам,
Ей все равно, кто прав, кто виноват.
Перст Божий одинаково ложится
На крыши саклей и саманных хат.

На город мой, разросшийся широко,
С горы Беш-Тау, с птичьей высоты,

Монастыря всевидящее око
Льёт свет исповедальной доброты.

Открыв навстречу солнцу занавески,
Загнав ночные тени под скалу,
Машук, в зелёной бархатной черкеске,
Творит Востоку вечную хвалу.

За кручи неприступных перевалов,
За хрупкий мир, построенный людьми...
Кавказ устал от войн и от обвалов,
Спаси его, Господь, и сохрани!

АНАТОЛИЙ ДУГИН

* *
*

Расслонявились облака
И по-барски плюют свысока.
Непривычны к январской капели
Мы друг другу сказать не успели
Что хотелось. Сквернейшая штука
Это хинное слово разлука.

Кто слабее из нас, кто сильней?
Появилась цепочка огней,
Глаз циклопа. Состав прибывает.
Пахнут губы оставленным маем.
Шепчешь мне: «Уходя – уходи».
Я в ответ: «Не хочу, погоди!»

Неужели закончилось всё.
От одной этой мысли трясёт.
Знать не вышло амуров до гроба.
Ты в вагон, и разъехались оба.
Не смертельно, но давит тоскою.
Чем тебя я в себе перекрою.

МАРИНА КОРНИЛОВА

О ТОМ, ЧЕГО НЕТ

О тебе просила и молилась.
Крест целуя перед алтарем.
О тебе свеча моя светилась
Маленьким, мерцающим огнем.
Руки на груди скрестя до боли.

Про себя твердила «Отче наш...»,
Не хотела лучшей в мире доли,
Но просила: «Мне ль его отдашь?»
Опустилась на колени, плача.
Все ждала живительный ответ.
Эта жизнь сама ничто не значит,
Если в ней любви высокой нет.

Нет тебя. Я ругаю тебя и кляню.
А придешь, я к плечу осторожно
прильну.
И забуду о том, что твердила вчера,
До рассвета так долго, вся ночь
до утра.

**НОВЫЕ КНИГИ,
ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ**

- *Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Северный Кавказ. Власть, Суд, Право. ООО Издательство «СНЕГ», 2010.*
- *Краснопольский Валерий. Юго-запад Москвы. Сборник стихов. Издательство «Зебра Е», Москва, 2010.*

БЕРЕГИТЕ АКТЁРОВ...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОКОЛЕНИЯ

Что такое правда о человеке? Наверное, правда о его поступках или об их отсутствии. А что такое правда об актёре? Из чего она складывается? Обязательно ли носить в себе героическое, чтобы показать на сцене героя? И как быть, если изображать приходится подлеца или существо, которое ненавидишь? Имеет ли право, скажем так, подлец на сочувствие зала? Актёр – это профессия, в которой с каждой ролью ты словно начинаешь жить заново. А жизненный опыт приносит удвоенность и утроенность вопросов. Не потому ли, что актёр – не просто профессия, а образ жизни, однажды выбравший тебя. Так случилось с Владимиром Аллахвердовым, заслуженным артистом РФ Ставропольского краевого академического театра драмы им. М.Ю. Лермонтова. Со времени его прихода в театр 1 августа 2011 г. исполнилось ровно 50 лет. Целая жизнь и всего одна запись в трудовой книжке.

САМ СЕБЕ РЕЖИССЁР

После школы он поступил в сельхозинститут и сразу же влился в вузовскую музыкальную группу, руководил которой известный в крае саксофонист А. Швачко; Аллахвердов играл на скрипке и пел. До занятий по механизации сельского хозяйства дело так и не дошло. Как только Володя узнал, что при Ставропольском драматическом театре создана студия, немедленно отправился подавать заявление «на артиста». Из 200 желающих отобрали одиннадцать – в их числе оказался и В. Аллахвердов. Так в 1957 году в Ставрополе появилась первая в России государственная театральная студия, которая готовила профессиональных артистов.

– Я начинал у Писарева Евгения Николаевича, это один из исполнителей роли Ленина в театре. Были Штраух, Щукин, и появился Писарев, – терпеливо поясняет Владимир Мнацаканович, – и я понимаю, как всё-таки давно это было. Нынче школьники толком не знают, кто такой Владимир Ленин, не говоря об артистах, которые могли исполнять роль вождя революции только с согласия ЦК КПСС.

Студенческую группу вскоре разделили на две равные части, Аллахвердов оказался под патронажем К. Македонского, актёра экстра-класса. А выпускал студийцев заслуженный деятель искусств, член Президиума ВТО В. Иванов, главный

режиссёр театра, который и возглавил студию. Так что мастерству было у кого поучиться. Но не амбициозные мечты о главных ролях бередили душу молодого актёра.

– Я для чего пошёл в студию, – объясняет он, – потому что втайне хотел стать режиссёром кино, даже писал во ВГИК, поступать туда всерьёз собирался. Первые роли и первые удачи как-то сами собой оттеснили те мечты. Только когда в семидесятых к нам в Ставрополь приехал режиссёр Валентин Ткач, и мы с ним ближе познакомились, я понял, сколько надо знать, каким широким кругозором обладать, чтобы стать настоящим режиссёром, тогда я полностью дал отходную – режиссёрство не потяну.

Аллахвердов начал выходить на сцену, когда был ещё студийцем, и в 1961 году единственный из выпуска был зачислен в труппу театра. Для характерного актёра с комедийным и драматическим уклоном нашлись десятки ролей, как в классике, так и в современных спектаклях. Лопе де Вега, Шеридан, Гольдони, Шекспир, Островский, Шатров, Гельман – с драматургией этих авторов довелось ему столкнуться, когда делал самые первые шаги в профессию.

С начала семидесятых коллектив стал набирать силу. В театр пришли замечательные режиссёры: М. Морейдо, В. Ткач, позже М. Лурье, А. Мексин. А возглавил театр А. Малышев (позже заслуженный деятель искусств РФ). В. Ткач, на которого молодые артисты буквально «молились», по секрету сообщил Аллахвердову, что Малышев подумывает дать ему сыграть роль Лепорелло в «Дон Жуане». Но в простое был опытный актёр Рыбников, и назначили его. Толком не зная зачем, молодой актёр регулярно приходил на репетиции «Дон Жуана». Благодаря острой памяти к концу работы все роли (включая женские) знал наизусть. За две недели до премьеры Рыбников ушёл на больничный. Вот тогда-то Ткач и напомнил главному об остроумном, подвижном, словно ртуть, выпускнике студии. Тот только и спросил Аллахвердова: «Сможешь за два дня подготовить роль?»...

На генеральной репетиции Аллахвердов играл так, будто репетировал вместе со всеми, а во время премьеры не раз срывал аплодисменты зрителей. «Дон Жуан» на ставропольской сцене оказался долгожителем, лет десять его играли.

– Там была «вечная троица» – народный артист РСФСР В. Фоменко (Командор), заслуженный артист РСФСР А. Михайличенко (Дон-Жуан) и я – Лепорелло, – вспоминает В. Аллахвердов, – а вот донн Анн и Исавелей сменилось столько...

Тот ввод, к слову сказать, был вторым. Самый первый случился, когда Володя ещё учился в студии – роль одессита Карпова в знаменитых аксёновских «Коллегах». Это произошло ещё до выхода одноимённого фильма; именно в ставропольском драматическом театре «Коллеги» были поставлены на сцене впервые в России. А делал эту постановку режиссёр Пётр (в театре говорили Пьер) Дюмон. «Сценарий», по которому Аллахвердов оказался в тройке главных героев, разворачивался аналогично. На роль Карпова был назначен опытный актёр, но что-то не срослось. Дюмон знал, что Аллахвердов хорошо играет на гитаре, поёт, и предложил ему не только заменить актёра, но написать несколько песен для спектакля. Так появился одессит Карпов, который в исполнении В. Аллахвердова прогуливался по набережной и не без весёлого шутовства что-то напевал. Зритель до боли в ладонях хлопал молодому исполнителю и до хрипоты в горле бисировал троице друзей – Голубеву, Кожуховскому и Аллахвердову, исполнившим главные роли. Этот спектакль стал одним из самых посещаемых.

– Я с юности любил работать по творческим заявкам, – признался Аллахвердов. – Когда мне нравилась какая-то роль, я приходил на репетицию, сидел и смотрел. Со стороны видны все просчеты, понимаешь, что актёру надо и чего не хватает. Соображаешь гораздо лучше, чем когда ты на сцене и что-то выстраиваешь по-своему. В общем, когда спектакль был готов к выпуску, я тоже был готов. Подходил к режиссёру и говорил: а можно мне попробоваться во второй состав?

Когда ставили «Короля Лира», молодому актёру выделили мизерную роль короля французского, а он хотел играть Эдмонда. Переговорил сначала с исполнителем, потом с главным режиссёром. Творческую заявку смотрели и «старики». На худсовете они устроили главрежу настоящий разнос – почему так мало занимаете Аллахвердова? У него прекрасный голос, хорошее лицо. Практически без репетиций он тогда вошёл в основной состав. Таких случаев за актёрскую практику были десятки. В поставленном режиссёром В.Ткачом «Протоколе одного заседания» А. Гельмана Аллахвердов переиграл почти все роли. Начал с инженера Черникова, а закончил Иссой Айзатуллиним («пуля, а не роль»), когда внезапно основной исполнитель вышел из строя.

– Я всю ночь работал. Ткач, когда узнал, что меня вводят без репетиций, начал топтать ногами: я снимаю с себя ответственность!

Но и Аллахвердов про ответственность помнил. Из армянина получился сто-процентный татарин Айзатуллин, горячий и напористый. Уже на следующий день после спектакля в газетах появились рецензии. В. Аллахвердова, «который держит всю интригу», называли гвоздём спектакля.

СТАВРОПОЛЬ: СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Слушаю Володю и вспоминаю: приехав в Ставрополь в середине семидесятых, я с радостью открыла для себя здешний драматический театр. После замечательных ленинградских этот не показался мне ни провинциальным, ни скучным. Наоборот он был живой, подвижный, экспериментирующий. В труппе мастеровитые «старики» уживались с крепкими середняками (по годам, конечно) и подпирала конструкцию талантливая молодёжь, горящая желанием сказать на сцене своё слово.

С высоты прожитого уверенно могу сказать: именно те годы были самыми успешными для артиста. «Моя профессия – сеньор из общества», «Медовый месяц комиссара полиции», «Босиком по парку», «Деревья умирают стоя» – спектакли, в которых Аллахвердов исполнил главные роли. Говорю об этом и сама себя прерываю, почему только для Аллахвердова лучшие? Это были звёздные годы для всего Ставропольского театра. Недавно попало мне на глаза интервью с поэтом, эссеистом, переводчиком и доктором богословия О. Седаковой. Она подняла интересную тему: полстолетия у нас говорят о «шестидесятниках», а представления о семидесятых так и не создалось. Между тем, именно тогда «накопилась такая жажда другого, такое желание чего-то осмысленного, чего-то не плоского и не материалистического, что как только появилась какая-то щёлка, какое-то ослабление гнёта и надзора, какой-то просвет, все неизрасходованные уже поколениями силы выявились». Это время О. Седакова называет «новым ренессансом». Удивительное совпадение со своими мыслями я нашла и в её утверждении, что тогда соиздался особый тип «творца». Это был «...не тип просветителя и культуртрегера. В деятельности тех людей всегда была, кроме профессиональной, энергия гражданского мужества». Вместе с созревающей внутренней оппозицией против косности существовавших порядков в семидесятых возникла надежда на то, что ещё немного, и мы прорвёмся в светлое завтра. Время оптимистических надежд было связано и с народившимся мощным слоем читающей интеллигенции, появлением ярких имён в литературе, музыке, театре. Репертуар Ставропольского драматического театра тогда был наполнен современными острыми работами. А. Малышев поставил прекрасный и мужественный спектакль «В списках не значился»; первыми в стране мы освоили «революционную» пьесу о молодёжи «Любовь, джаз и чёрт» Ю. Грушаса. А чего стоят поиски в музыкально-драматическом жанре?! На рок-оперу «Собаки» народ буквально ломился, и ещё была музыкально-политическая трагедия «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»...

Как-то задала Аллахвердову вопрос:

– У тебя вся жизнь прошла в театре. Есть какие-то выводы? Зачем всё?

И он ответил:

– Я сам частенько задумывался, для чего всё это надо? Говорят, слава... Да какая там слава! Разве что в молодости это греет. А со временем понимаешь, что есть куда более важные вещи. Взять сегодняшний театр, современную драматургию. Из неё, как и из нашей жизни, ушли надежда, вера, ушёл романтизм неслучайности твоей жизни, неотъемлемости её от судьбы страны. Раньше говорили, что театр – это кафедра, с которой можно сказать много нужного людям. Нам ведь действительно есть что сказать. И всё ещё случаются счастливые минуты, когда, выйдя на сцену, ты чувствуешь, как вдруг замирает и напрягается зал. Вот тогда понимаешь, что ты нужен и себе, и зрителю. Я, слава Богу, не устал от профессии. Всё ещё хочется удивить, порадовать, обнадёжить...

Но совсем недавно слышу по ТВ выступление одного из наших министров, и говорит он буквально следующее: «Нам не нужны творцы – нам нужны грамотные потребители». Я прямо-таки леденею от этих слов. Это что же, не нужны мы – актёры, и не нужны те, кому мы нужны, – зрители. Нужны только потребители – продавцы и покупатели?! Выходит, театр никакая не «кафедра», а то, куда приходят за «шопингом»? И умный, думающий театр в формат потребительского общества, который мы строим, не вписывается?..

От себя добавлю, что к культуре, а значит и к «непотребительскому» театру, такие министры, очевидно, относятся как к «культурному хламу». Такое определение я встретила у сценариста, писателя, поэта Юрия Арабова. Вот что он сказал: «Понимаю лишь одно: чтобы качать нефть и гнать её за границу, нам действительно не нужны творцы. И не нужен тот «культурный хлам», о котором мы сейчас говорим. Однако есть одна тонкость – без этого «культурного хлама» народ перестаёт быть народом, а превращается в сборище проходимцев и бомжей, у которого нет будущего». Арабов вопрошает: «...Как подобный взгляд увязывается с провозглашённой модернизацией и инновациями?» И по ходу невольно возникает другой вопрос, а можно ли вообще сотворить что-то новое без «творцов»?!

– Театр должен рассказывать о прошлом, показывать настоящее и внушать надежду на то, что будущее у нас, ещё не отпетых потребителей, есть, – продолжает Аллахвердов, – иначе мы не театр, а обманщики. К нам ведь многие зрители всё ещё относятся как к честным и уважаемым людям. В городе тебя встречают и говорят: «Спасибо за спектакль, спасибо за роль». Иду недавно с троюродным братом по улице – он приехал из Баку повидаться с родственниками. Вдруг стайка девчонок подбегает – пожалуйста, дайте автограф. У него глаза по пять копеек.

Хорошо, когда говорят тебе спасибо. Мы и живём, наверное, для того, чтобы однажды услышать эти слова. Значит, удалось изменить в людях хотя бы что-то (как минимум, просто настроение или построение мыслей) к лучшему. Театр не воспитывать должен, а помогать что-то преодолеть в себе и в жизни; изменить что-то к лучшему.

Для этого Аллахвердов работал в семидесятых и работает сейчас (благо, хорошие спектакли в этом театре есть). Ему удаётся стать близким зрителю не только потому, что он обаятелен и талантлив. Как мне кажется, действиями артиста и в жизни, и на сцене продолжает руководить честный человек и внутренний режиссёр, который не исчез вместе с неосуществлённой юношеской мечтой. Именно «режиссёр-Аллахвердов» даёт «актёру-Аллахвердову», подсматривающему на репетициях желанные роли, точное ощущение темпоритма спектакля, его стилистики; понимание глубокой сути общего замысла постановки и отдельной роли как части целого; ЕДИНОЙ МЕЛОДИИ СПЕКТАКЛЯ, в которую артист вливается, нигде не сфальшивив и не соврав, а потому – не нарушив гармонии.

ЭТА МУЗЫКА НАВСЕГДА

Замечательный журналист и поэт, мой коллега Владимир Смирнов, большую часть жизни проработавший в газете «Труд», как-то сознался, что не может писать статью, пока не найдёт нужную мелодию, «материал должен звучать». Вот и Аллахвердову мало понять роль; чтобы почувствовать, он должен её «услышать». Очевидно, это от врождённой музыкальности. В семье с детства детей учили играть на скрипке. Володя вспоминал, как в детстве отец брал его на свадьбы и позволял играть на национальном музыкальном инструменте «кеманча». Сестра пела. Старшему брату прочили будущее выдающегося скрипача. До сих пор в семье бережно хранят переписку брата с Давидом Ойстрахом. Но все планы о консерватории перечеркнула война. Старший брат так и не вернулся с фронта. Надолго забросил инструмент и Володя. Только в юности снова взял в руки циммермановскую скрипку брата и стал заново учиться играть. В старом спектакле «Соловьиная ночь» Ежова он выходил на сцену с мандолиной. А потом его герой, немецкий солдат, голодный, полуживой, оказавшись в плену, играл на скрипке, и становилось ясно, что ни ему, ни нашим солдатам не нужна война, зато всегда нужна музыка. К слову сказать, и сейчас в поставленном Ю.Ерёминым спектакле «Герой нашего времени» Аллахвердов появляется на сцене только для того, чтобы сыграть на скрипке. Но не абы что – а Шнитке. Зритель, затаив дыхание, слушает живую музыку.

Ставропольцы – любители театра, и сегодня помнят постоянную партнёршу В. Аллахвердова Нину Антюхову – актрису, одарённую, тонкую, интеллигентную. У Нины был поэтический дар и глубокий, полный обертонов и полутонов голос. Контральто – как музыкальный инструмент. Нина рассказала мне, что первым спектаклем, в котором они с Володей встретились совсем молодыми, была сказка «Белоснежка и семь гномов».

– Володя играл в этом спектакле двух гномов. Гнома «Воскресенье» и «Исполнителя королевских желаний». Это были совершенно разные характеры. Один – оптимист и весельчак, другой – желчный мрачный злодей. Но каждый, как ни странно, был по-своему привлекателен.

Думаю, этот остро подмеченный факт не случаен. Как-то Аллахвердов, добрейший по натуре человек, признался, что любит играть отрицательные роли. «Они сложнее и острее. А главное, что даже в стопроцентных негодях можно что-то искать, скажем, исходную причину их поступков. Имею в виду не оправдание дурных мыслей и дел. Просто нельзя закрывать пути сострадания к падшим».

– Вообще в театре Аллахвердова нельзя было не заметить, – говорила Антюхова. – Он играет, поёт, жизнерадостен и талантлив. Валентин Ткач вначале занял нас обоих в спектакле «Одни без ангелов», а потом в «Валентин и Валентина», где Володя играл каплея Гусева. Вдруг открылся нам всем такой яркий, загадочный, красивый мужчина из мечты... которая никогда не сбывается. В «Остановите Малахова» мы впервые сыграли супругов. Работа была тяжёлая, но очень интересная. А потом снова – супруги в «Детях Ванюшина». Володя часто выступал как музыкальный оформитель спектакля. И у нас с ним появился особый опыт, когда мы выходили на сцену и пели. Название одного спектакля не помню, но точно одно, он был о врачах. Строчка из песни, целиком написанной Володей, так и крутится в памяти: «Порошки, порошки так бывают хороши только в случаях определённых»... А другую песню, которую тоже он сочинил, – из внепланового спектакля «Поворот колеса», я до сих пор, когда мне грустно, напеваю:

*Жил-был Игуанадон,
Весом в восемьдесят тонн.
Жил он вместе с птицею
Птеродактилицею,*

*Ничего эта птица не пела,
Лишь зубами ужасно скрипела,
И хрипела она, и стонала,
И других она песен не знала.*

– А возможно актёрство на сцене без человеческого партнёрства? – помнится, спросила я Нину.

– Наверное, возможно. Мы все люди и по-разному воспринимаем друг друга. Но когда работаешь много лет, это уже почти семейная ситуация, когда многое успели друг другу простить и за многое благодарны. Замес какой-то общей молодости, общих шишек, обид – он объединяет.

Вместе с заслуженным артистом РФ В. Гурьевым, которого, к сожалению, уже нет в живых, в восьмидесятые-девяностые годы они создали литературный театр «Собеседник». По самым скромным подсчётам, он дал около тысячи концертов. В репертуаре был спектакль о С. Есенине, о М. Лермонтове «Поручик и пророк»... Помню, с какой теплотой Гурьев говорил мне о «большой интернациональной душе» друга и коллеги. Он рассказал, что с молодости Аллахвердов был душой любой компании. «Армянин по крови, в театре он объединял пёструю, многонациональную актёрскую братию своей доброжелательностью, остроумием, человеческим обаянием и удивительной контактностью. Когда сложности в стране начались, и пошли расколы, мы с ним разошлись во взглядах – во что верить, как жить, но продолжали общаться, ни на йоту не изменив дружбе».

Знаю, что почти в одно время с общим расколом в стране, в жизнь Аллахвердова пришла личная трагедия, гибель самого близкого человека. Он надолго оставил гитару.

МИССИЯ – ОБЪЕДИНИТЕЛЬ

Многие статьи и репортажи последних дней о жизни творческих, в том числе театральных, коллективов снова, как это было в девяностых, напоминают сводки с мест военных действий. В одних театрах бунты, в других голодовки, в третьих финансовые разборки, разве что до линчевания не доходившие. Недовольство коллектива театра им. Маяковского своим художественным руководителем С. Арцыбашевым... Список претензий, который труппа театра им. Станиславского выдвинула своему руководителю А. Галибину. И последний, потрясший театральную общественность страны случай, когда актёры «сместили» с директорского поста 93-летнего Юрия Любимого, создателя известного в стране и за рубежом Театра на Таганке. Процесс раскола коснулся и стран ближнего зарубежья. Роберта Стуруа, который в течение десятков лет был центральной фигурой в театральном мире Грузии, недавно уволили с поста художественного руководителя Тбилисского театра им. Шота Руставели. Труппа, лишившись своего лидера, объявила забастовку. Нет необходимости много рассуждать, почему такое происходит. Театр, как и вообще культура, на всём постсоветском пространстве давно уже и оценивается, и обсуждается, и финансируется по «остаточному принципу». Остаётся лишь удивляться, как это до сих пор удаётся удержаться от полного перехода на рельсы «потребительского искусства» (от слов «всё – на потребу»). Сигналы в прессе о неблагополучии театра называют свидетельством «общего неблагополучия российского (и не только, авт. Т.К.) театрального пространства».

На таком фоне Ставропольская драма при всех сложностях существования являет собой весьма редкий пример делового взаимодействия между труппой и руководством. Говорю об этом с облегчением, потому что знаю, какой ценой далось это равновесие. Больше двадцати лет прошло, а словно вчера то было,

вспоминаю детали того дня, когда В. Аллахвердов был избран на должность председателя Ставропольского отделения СТД РФ. Тогда ведь был создан юридический (или правильнее, политический) прецедент в масштабах всего театрального сообщества России.

– Случилось это в 1989 году, – рассказывает Аллахвердов. – Мы готовились к отчётно-выборной конференции. Правой рукой председателя отделения СТД РФ Бориса Дымченко был наш коллега Владимир Лычагин, он много лет проработал с ним, и когда председатель отделения всерьёз заболел, часто его подменял. Короче, мы имели одну-единственную реальную кандидатуру на должность. Вначале проголосовал состав правления, из которого выбирался председатель. Все члены правления поставили против фамилии Лычагина букву «П». Но поднимается представитель от крайкома КПСС и объявляет, что партгруппа театра имеет отдельное мнение: Лычагина выбирать нельзя, поскольку он участник Народного фронта; это дестабилизирующая организация, мол, мы не допустим хаоса в деятельности нашей общественной организации. Что тут началось! Конференция уже высказала своё мнение, его нельзя изменить. Представитель из Москвы не могла сдерживать эмоций: «Вы понимаете, – кричала она, – что вы со своими краевыми разборками творите?! Вы нарушаете Устав СТД, а это организация российского масштаба!»...

Но партия ещё была в силе. Я присутствовала на конференции и хорошо помню: кого только не предлагали, большинства голосов не набрал никто. Дело двигалось к полуночи. «Караул устал». Наконец, исполненный решимости, встал директор театра Е. Луганский и не сказал, а подал команду: «Всё, наговорились! Надо решать вопрос!» Именно он предложил выбрать председателем В. Аллахвердова, и все до одного, как-то вдруг притихнув, проголосовали «за». Володя попытался было взять самоотвод, но не тут-то было! Вопрос закрыли. Однако когда стали выдвигать делегата на съезд, Аллахвердов наотрез отказался от представительской поездки и «насмёрть» стоял на кандидатуре Лычагина. Тот и поехал в Москву. Председатель СТД народный артист СССР М.Ульянов, возмущённый партпроизволом в Ставрополе, взял опального Лычагина под свою опеку, включил его в состав Секретариата организации.

Уже на второй день руководитель культуры от крайкома партии посоветовала новому председателю заменить всех штатных работников отделения СТД РФ. Но тот опять показал характер – заявил, что ни одного опытного специалиста не тронет. Ответственным секретарём много лет работала сокурсница по студии Вера Шиманова, консультантом Люба Заводнова. Как можно... Сели они тогда рядом, поговорили, и Аллахвердов выдохнул: «Бросьте вы переживать, всё будет нормально». Но пока пришли к этому «нормально», чего только не пережили.

ТЕАТР НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Театр, когда его видишь со сцены, прекрасен. Однако зрителям не видно (да и не должно быть видно), что происходит за занавесом. «Когда мы молодыми пришли сюда, обмирали, – господа, какой коллектив, как одна семья, как все любят друг друга, – с горечью вспоминает Володя, – а потом начались открытия. На наших глазах, пустив в ход анонимки и клевету, несколько актёров убрали из театра прекрасного режиссёра Петра Дюмона, а за ним и Валентина Иванова. Наш главреж был независимым человеком и в плане партийного контроля – плохо управляемым».

Но молодёжь тогда за своего режиссёра заступилась. Аллахвердов был в числе тех, кто писал письма в защиту опальных режиссёров, безбоязненно говорил о других безобразиях в театре.

– Мы стояли на своём. Был «Комсомольский прожектор», боевые листки выпускали. И добились – к нам не ревизор, конечно, но серьёзная комиссия приехала.

И сделала вывод, что в связи с уходом главного режиссёра в театре обнаружена масса недостатков: репертуара нет, в коллективе раздрай.

Позже по инициативе партверхушки после постановки «Римской купальни» вынужден был покинуть театр умница и новатор М. Морейдо. Тогда главный режиссёр А. Малышев и директор театра М. Новиков, рискуя собственной карьерой, пытались защитить талантливого очередника, но партия настояла на своём. Чуть позже история партийного давления повторилась снова, но уже с талантливым режиссёром Чернядевым, который поставил на ставропольской сцене «Обэж» и «Диктатуру совести». Противостояние имело место и с режиссёром Константиновым, который запомнился хорошим спектаклем «Банкрот». Разборки между директором театра Струганом, Константиновым и Чернядевым длились четыре недели – одни сплошные заседания. Только когда уехал Константинов, коллектив немного успокоился.

– А влияют такие отношения на творчество?

– Да о каком творчестве вообще можно говорить, когда даже на репетиции из-за скандалов времени не остаётся, – волнуется Аллахвердов.

Последний случай произошёл несколько лет назад. Главного режиссёра администрация попыталась убрать руками артистов. И наверное, сделали бы это, но на одном из собраний Аллахвердов жёстко заявил позицию СТД: «Коллектив больше в свои разборки не втягивайте, сами решайте, кто куда уйдёт из театра, а кто останется». Режиссёр ушёл, но прежде спровадил на пенсию особо любимых публикой «стариков»: Кузнецова, Фоменко, Данильченко, Томас, Барташову, Беспрозованную. И с этим СТД уже ничего не мог сделать. Не предусмотрено таких механизмов. «В других театрах с восьмидесятилетними стариками носятся. И это стоит дорогого. Ведь публика любит их. А наши «старика», полные сил, вынуждены были покинуть сцену», – сожалеет Аллахвердов. Узнала я об этом факте случайно. Сколько раз задавала вопрос о причине ухода народному артисту РСФСР Виктору Фоменко. Тот только посмеивался: «Пенсия меня заждалась». Они умели хранить достоинство, до последней минуты жизни никто никому не пожаловался.

О жестокости закулисья и опасности выпустить ситуацию из рук речь идёт в одном из последних спектаклей с участием В. Аллахвердова «Костюмер» по пьесе английского драматурга Р. Харвуда¹.

Возвращаясь к теме реального «закулисья», Аллахвердов признаёт:

– Борьба, интриги, заговоры есть в любом творческом коллективе. Однако участвовать в них – значит, заражать театр опасной болезнью. Периоды противостояния в нашем театре стали нам всем уроком – страшно, когда в творческом коллективе что-то яростно делят: роли, деньги, власть, влияние. И когда «деятельно» кому-то завидуют. Не зря колкая на язык Фаина Раневская однажды сказала: «Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему близкому».

СТД уже в начале «нулевых» заявил себя как организация, которая самодостаточна, ни у кого ничего не просит и заставляет с собой считаться. Спрашиваю, что является основным в её деятельности сегодня.

– Надо работать по основным целям, – отвечает Аллахвердов. – Это помощь коллегам – старикам и молодёжи. Собирать деньги, чтобы потом отдавать их тем, кто больше нуждается. В девяностых наше отделение СТД оказалось в безвыходном положении. Пришло грозное письмо, в котором сообщали, что находясь в здании театра, мы должны платить аренду за помещение. Кто из наших высоколобых властей придумал такое, до сих пор не могу понять. Сам по себе этот факт – позор, безнравственность. Кому мы только не писали, и губернатору края, и в Москву. Ответ был один: ситуация сложная, но помочь не можем, ищите возможности. Так до сих пор и ищем. Все публичные мероприятия, которые организуем, нужны, прежде всего, чтобы расплатиться за аренду, которая с каждым годом растёт. Будь

¹ Рецензию на спектакль «Костюмер» см. в альманахе ГК № 4'2011.

то вокальный конкурс, «Две звезды», актёрские бенефисы или смотры молодёжи, благотворительные спектакли... Ораторскую школу придумали. Она существует уже 5 лет, 15 выпусков сделали. Приходят в неё и студенты, и работающие – от юристов до коммерсантов. Из 75 отделений СТД – наша школа единственная. Пытались перенять опыт краснодарцы, но пока у них не очень получается. А этой осенью начала работать школа риторики, культуры речи и мастерства для подростков. Принимаем всех без ограничения, начиная с 14 лет.

Добавлю к этому пару случаев, в них председатель отделения СТД вновь проявил, казалось бы, неожиданную для его покладистой натуры энергию и напористость. Когда авантюристы попытались обманым путём лишиться квартиры народного артиста РСФСР Б. Данильченко, он поднял на ноги краевую Думу. И добился все-таки справедливого решения. В другой раз мне как журналисту пришлось принимать участие в разборе судебного дела по иску московского критика Нателлы Башинджагян, родственницы архитектора Кускова, автора исторических строений в Ставрополе. Её тоже пытались лишиться прав на родительский дом. Благодаря Аллахвердову, к разбору ситуации подключилось журналистское сообщество; в итоге запутанное и, как нам прочили, «бесперспективное дело» завершилось в пользу Нателлы Захаровны Башинджагян.

ПРО ПОТЕРЯВШИЕСЯ НАГРАДЫ И ИХ «ГЕРОЕВ»

Аллахвердова знаю, по меньшей мере, лет тридцать, а вот замечательная байка, которую он как бы между прочим рассказал мне недавно, оказалась полной неожиданностью. Случилось это сразу после того, как Владимира Мнацакановича выбрали председателем Ставропольского отделения Союза театральных деятелей России.

– Попал я тогда в Белгород на семинар, посвященный Островскому. Собралась вся театральная Россия. Днём просматривали спектакли, а вечерами для общения собирались в Доме актёра. Однажды выходит на сцену ведущий (как раз Буша после Рейгана выбрали президентом). Говорит, есть предложение послать новому Президенту США поздравительную телеграмму. Пишите свои предложения – конкурс объявляется. Думал – хохма, розыгрыш, под это и написал свой вариант. Записки наши рассмотрели, стали по одной зачитывать. Наконец, вижу, остаются два последних варианта. От главного редактора «Театральной жизни» Олега Пивоварова и моя. У него было что-то в стихах. Зачитывают мою и начинают голосовать. Большая часть зала – за меня. Председателем жюри был актёр из Малого театра. Он поздравил меня с победой, смотрю, огромный торт несут. Ребята, с которыми я сидел за одним столом, в полном восторге. Уже отпробовав десерт, я всё-таки решил уточнить насчёт телеграммы Бушу – шутка это или всё серьёзно. Оказалось, серьёзнее не бывает: телеграмма уже ушла в Штаты...

– Так что ты всё-таки написал?

– А написал я несколько слов: «Берегите актёров, ибо из них получаются неплохие президенты». Намёк на президента Рейгана как бывшего актёра жюри оценило по достоинству. На этом можно было бы и закончить рассказ, если бы не одно «но». Беречь артиста – не значит пылинки с него сдувать. Ему нужна реализация. Художник не должен быть честолюбив, но он должен быть оценён.

В провинциальном Ставрополе театр любят, есть даже свой пласт зрителей, которые ходят на Н. Зубкову, М. Мальченко, Л. Ковалец, А. Жукова, и в том числе – на В. Аллахвердова. Несмотря на солидные уже годы, он не постарел ни внешне, ни внутренне – может, от природной актёрской, психологической гибкости? Во всяком случае, именно на это его качество часто продолжают делать ставку режиссёры. В своё время в «Московских каникулах» он выходил на сцену мальчишкой-десятиклассником (Олег Шорохов); а на следующий вечер играл 80-летнего Рахума – фокусника в «Золотой карете»; сегодня он красавец-мужчина каплей

Гусев, а завтра 76-летний барон Гаук в «Средстве Макропулоса».

Нынче, правда, всё больше приходится играть отцов молоденьких девушек или дедушек. Но и эти герои у Аллахвердова особые. Преуспевающий папаша Куффиссель в «Чао» – эксцентричный, непреклонный, резкий и очень смешной; а отец Луизы Миллер в Шиллеровском «Коварство и любовь» – глубоко страдающий. Артист играет трагизм безысходности, когда отец, готовый на любую жертву, всё равно не может сделать свою дочь счастливой.

А как хорош Аллахвердов в роли князя Паптиашвили в спектакле «Ханума», пользующемся долгой любовью зрителей. Не дедушка – Божий одуванчик, а брутальный мужчина «бальзаковского возраста» со следами былой красоты, юношески порывистый и трогательный. В спектакле «Визит дамы» роль дворцового, бывшего судьи города Гюльдена, у актёра без слов. Есть только выходы на сцену; но сколько достоинства, внутренней силы и таинственности несёт с собой герой Аллахвердова! Предстоящий сезон сулит ему главную роль (кстати, написанную специально для Аллахвердова) в детективе. А в возрождаемой «Трактирщице» – роль маркиза Фирлипополо, в которой он однажды уже блистал.

Почти тридцать лет назад В. Аллахвердову было присвоено звание заслуженного артиста РФ. С той поры сыграны десятки ролей, он давно уже в понимании любящих его зрителей артист народный, но ... до сих пор «заслуженный». Вообще за последние двадцать лет в Ставрополе театральные награды редко находят своих героев. Будучи глубоко больным человеком так и не пришёл на торжество по случаю присвоения ему звания народного артиста РФ Михаил Михайлов; не дожил до этого часа Владимир Гурьев, создавший в Ставрополе уникальный муниципальный молодёжный театр «Слово». Потеряла всякую надежду на то, что будет отмечена, любимица публики Людмила Ковалец. В конце семидесятых, ещё не будучи академическим, Ставропольский драматический театр имел четырёх народных и пять заслуженных артистов РСФСР. Сейчас – из народных – одна-единственная артистка Наталья Зубкова. Обмелел театр? Нет и сто раз нет! Настоящих без скидок актёров в театре достаточно. А награды и звания – они ведь дороги, когда приходят в положенное время, по меньшей мере, пока все живы. Иначе в них нет ни смысла, ни справедливости.

ЭНЕРГИЯ ЦВЕТА И ПЛАСТИКИ КОНСТАНТИНА ПЕТРОВА

КОЛЛЕГИ О ХУДОЖНИКЕ

Особый поэтический взгляд на действительность отличает творческие поиски художника Константина Петрова. Его эстетика – то прекрасное, что сокрыто внутри каждого реального места, предмета, персонажа. В его акварелях и пастелях мир превращается в череду призрачных образов, в которых угадываются черты реальных мест, а портреты стремятся выразить своеобразие и неповторимость каждого характера. Но действительно сильное впечатление молодой художник получил в своих творческих поездках по Испании, в течение которых были написаны одни из самых интересных произведений Петрова. В Испании Константин провел целый ряд персональных выставок – в галереях городов Севильи, Арчидоны, Кармоны, Малаги и Кадиса. Именно в поездках по испанским городам возникла утонченная серия пейзажей, выполненная в технике пастели, которую Петров продолжает вплоть до настоящего времени.

Испания в работах художника предстает в виде некой грезы – ее архитектурные памятники утопают в некой цветной дымке, ровно настолько, чтобы не исчезнуть. Бледно-лиловый город-призрак «Вечер в Кониле» (1994), или светло-коричневый «Квартал в Севилье» (1995), где структура улиц буквально превращается в некую абстрактную композицию. Такие работы, как «Гибралтар» (1999) или «Гранада» (1994), превращаются в сказочные декорации. Надо сказать, такой образ Испании в нежных пастельных тонах – явление нечастое. Петров пытается по-своему понять эту страну, создавая образ поэтический, где страстный темперамент как бы дремлет внутри массивной, закрытой высокими каменными стенами архитектуры, внутри которой сокрыта тайна Испании, ее душа.

Пейзажи Петрова – живописно-музыкальные этюды, где гармония красок и певучий ритм, загадочная мелодия, погружающая зрителя в некую таинственную атмосферу того или иного места. Почти всегда реальная картина природы становится отправной точкой, где за внешней оболочкой, от которой сохраняются условные очертания, начинается зрительное погружение в другую реальность.

Русская природа в пейзажах Петрова – удивительно чистый, женственный образ. Он складывается из пастельных тонов, часто близок к абстрактной форме изобразительности и ощущению особого эстетизма, с которым художник наблюдает за размеренной деревенской жизнью («Деревня «Криушкино» 2005, «Интерьер» 1998, «Закат» 1999), любит архитектурной красотой и особой духовной полнотой старинных храмов («Даниловский монастырь в Переяславле-Залесском», 2003).

Портретная галерея, созданная художником, представляет совершенно разных персонажей – близких и, в общем-то, случайных. Но каждый образ становится выразительным и, безусловно, оставляет яркое впечатление, именно благодаря умению Петрова проникнуть в глубину характера и сыграть на его психологических нотах. Среди образов – снова воспоминание об Испании «Матадор» (2006), темпераментно написанный открытыми плотными красками по рискованно взятому черному фону. Кроваво-красный, черный, зеленый создают драматический, брутальный по своей сути образ одновременно романтического героя и хладнокровного убийцы, чей «момент истины» в наши дни понятен не всем, но по-прежнему остается символом вечной мужественности. Сложный и интересный образ – портрет «Николая» (2003). Здесь художник, как и в «Матадоре», работает цветом относительно глубокого черного фона, создавая интересную лепку формы, и в жесткой пластике открывает сумрачный характер персонажа.

«Портрет отца» (2005) написан Петровым в иной стилистике. Он словно светлое воспоминание, в котором образ отца оживает в мягких пастельных тонах. Среди

последних работ натюрморты. Простые медные чайники, кастрюли, корытца, гордо располагаются на деревянных полках. Именно они становятся главными персонажами, наполненные своим особым шиком. Эта «новая эстетика» в работах художника обретает свою красоту формы и цвета.

Константин Петров – мастер, который находится в постоянном поиске. Его творческое «плавание» включает в себя разные живописные системы: от абстрактной философии до реалистичного взгляда.

Константин Петров стремится создать свою поэтику и свою эстетику, ищет новые средства выразительности для своих мыслей и чувств, для всех эмоций, которые передает ему окружающий мир, и именно он вечный источник вдохновения для художника.

ТАТЬЯНА КОЧЕМАСОВА,

*член творческого союза художников,
кандидат искусствоведения, помощник президента РАХ*

Работы Константина Петрова излучают энергию. Какая-то особая нервность пульсирует в ритме пластики, тона, цвета и колорита. В его работах мало деталей, подробностей, нет мелочности.

Форма и цвет органично соединяются, образуя единую пластическую структуру. Гармония, соразмерность, какая-то успокоенность, созерцательность, внутренне наполненная особой жизнью, открыта любому, кто остановится и всмотрится в его простые на первый взгляд, но очень глубокие работы.

Они не литературны, они не рассказывают, а как бы звучат, излучая некую цветовую музыку: либо лирический напев, либо скорбную мессу, либо фугу.

ЭДУАРД ДРОБИЦКИЙ

*президент ТСХ России,
вице-президент Российской академии художеств,
вице-президент Международного фонда содействия ЮНЕСКО,
народный художник РФ, академик*

Произведения Константина Петрова, увиденные мною на больших выставках последних лет, раскрывают своеобразный облик мастера. Он стремительно завоевывает одно из ведущих мест в современном искусстве. В его произведениях предстаёт живой поэтический мир тонких художественных образов. Природа наградила Константина Петрова талантом насыщать подлинной красотой любой жанр своей творческой деятельностью. В жанровых композициях, портретах, натюрмортах он исследует глубинные взаимосвязи человека и природы, создаёт обобщённые синтезированные образы, наполняя их смысловой значимостью. Выразительность его произведений основана на особой выразительности композиционного построения, сложном пространственном диалоге света и тени. В многочисленных натюрмортах он подчёркивает пластику формы, эстетическую ценность предметов, выявляя внутренние связи мира вещей. Всегда сложен духовный мир творческой личности. Константин Петров вносит в искусство свойственную молодости новизну восприятия действительности, неустанность познания, смелость и энергию творческих поисков.

ЕФРЕМ ЗВЕРЬКОВ

*вице-президент Российской академии художеств,
народный художник СССР, лауреат Государственных
премий, действительный член (академик) РАХ*

Константин Петров имеет свое, яркое и только ему присущее видение и ощущение реальности. Он находится в постоянном поиске новых художественных форм, увлекается неожиданными композиционными построениями, поиском смелых колористических

**ЭНЕРГИЯ ЦВЕТА
И ПЛАСТИКИ
Константина Петрова**

К

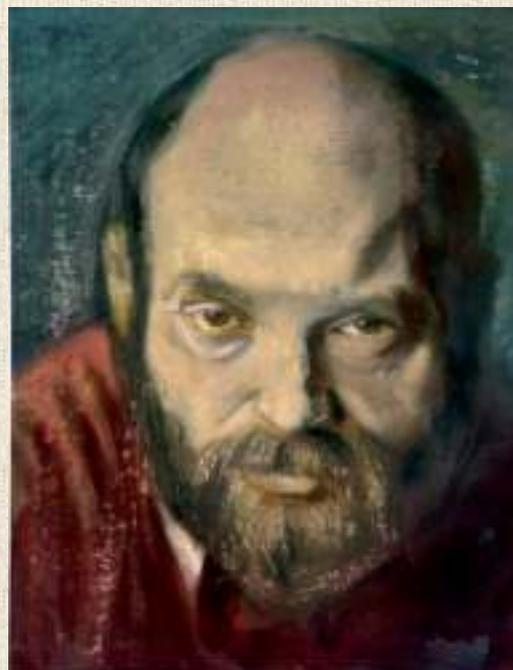
Кухонный натюрморт. 2003, оргалит, пастель

Торговки. 1997, пастель

*Портрет Николая. 2004,
оргалит, пастель*

*Портрет отца. 2006,
бум., пастель*

Солнечный зимний день

решений, которые в результате дают возможность зрителю увидеть новое поэтическое содержание образов.

Его произведения всегда таят в себе новую неожиданность для зрителя. Форматы его картин часто неестественно вытянуты по вертикали и горизонтали. Порой они озадачивают неожиданными ракурсами, новым взглядом художника на привычный, знакомый мир бытовых предметов, который предстаёт в новом смысловом содержании. Константин Петров реформирует сложившиеся стереотипы привычного и обыденного быта и одновременно новые формы, обогащая содержанием. Каждое его произведение является поводом для размышлений и обобщений. И, безусловно, что эти черты он унаследовал у своего отца, замечательного художника Виталия Петрова-Камчатского, незаурядного человека, новатора в искусстве, сумевшего передать сыну свою систему искусства и новые принципы построения произведения, нашедшие продолжение в искусстве XXI века.

ИВАН ПОРТО

*кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств РФ,
вице-президент Творческого союза художников России*

Из биографии Константина Петрова

1964

Родился в г. Смоленске.

1991

Окончил Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова.

1990

Стажировка в Академии художеств г. Карлсруэ (Германия). Стипендия фирмы «Mercedes-Benz».

1995

Вступил в Творческий союз художников России.

1997

Окончил творческие мастерские Российской академии художеств (аспирантура).

Гран-при 8-ой международной биеннале в музее изящных искусств г. Тайбэй (Тайвань).

III место на международной художественной выставке в Италии.

1999

Вице-президент Творческого союза художников России. Награжден дипломом Российской академии художеств.

2003

Награжден серебряной медалью Российской академии художеств.

2004

Присвоено звание «Заслуженный художник Российской Федерации». Начальник отдела информационной и выставочной деятельности Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова.

С 1989 года – постоянный участник городских, республиканских и международных выставок.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ

1992

Галерея «La Carboneria», Севилья (Испания).

Галерея «Cavcanem», Севилья (Испания).

1993

Мэрия г. Кармона (Испания).

Мэрия г. Арчидона (Испания).

1994

Мэрия г. Севилья (Испания).

1999

Центральный Дом работников искусств, г. Москва.

2000

Государственный музей Востока, г. Москва.

2003

Творческий Союз художников России.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖНИКА ПРЕДСТАВЛЕНЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ:

Государственный музей Востока, г. Москва.

Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева, г. Саратов.

Государственный художественный музей Республики Чувашии, г. Чебоксары.

Государственный художественный музей Республики Татарстан, г. Казань.

Историко-художественный музей им. П.В. Алабина, г. Самара.

Плётский историко-художественный музей, г. Плёс.

Переяславль-Залесский историко-художественный музей.

Челябинский художественный музей.

Музей королевы Софии. Мадрид, Испания.

Музей изящных искусств, г. Тайбэй, Тайвань.

Музей современного искусства, г. Севилья (Испания).

Национальный музей акварели Мексики.

УВЛЕЧЕНИЕ

Каждый режиссер должен выучиться рисовать. Каким видишь будущий кадр? Как это объяснить соратникам – оператору, художнику?.. На пальцах?

Детство у меня было не рисовальным. Книжки, рыбалка, футбол, коньки, лыжи, потом девочки. Да и трудное было детство – послевоенное. Краски и кисточку в руках не держал. Карандаш-то – не всегда...

Режиссер, не умеющий рисовать, все равно рисует. А куда денешься? Как объяснишь?

Два кружочка, четыре палочки – человек. Можно рисовать и так. Все равно понятнее, чем на пальцах.

Труднее изобразить массовку. Но и тут можно выкрутиться. Два кружочка, а поверх – полукружия.

Словом, я стал учиться рисовать. Во время лекций на полях конспекта стали появляться фигурки людей, профили, голова соседки, затылок впереди сидящего. Иногда получалось похоже. В рисунке узнавалась модель. Новое занятие увлекло, превратилось в привычку.

Теперь не могу себя представить на каком-нибудь заседании без ручки в руке и листка бумаги перед собой. Или записной книжки, или просто книжки с чистыми полями.

Так появилось это небольшое собрание рисунков на полях. Что-то в них есть. Понятно, это не Пушкин. Рисунки Александра Сергеевича на полях его рукописей

дышат неподражаемым очарованием, в них – отблеск гения.

Художником, разумеется, я не стал, но в своей профессии значительно продвинулся. Теперь я могу нарисовать любой кадр. Достаточно внятно и лаконично.

Став взрослым, как я жалел, что не учился в детстве музыке, рисунку, живописи, иностранным языкам. Ребенок, подросток все схватывает легко и удерживает в памяти прочно, на всю жизнь. А как я мог всему этому научиться? Мать, портниха, – на ней вся семья: мы с сестрой, бабушка, больной туберкулезом дед. Отец сгинул где-то в Сибири году в 37-м, 38-м. Он был донской казак. В этом была вся его вина и одного этого хватало, чтобы стереть человека в лагерную пыль.

Мучительно завидую человеку, который может вдруг сесть за рояль и сбачать легкую мелодию, зави-

дую тем, кто свободно чешет на иностранном (я-то взялся за языки, когда мне было под сорок и больших успехов не достиг). Белой завистью завидовал художнику, стоящему за мольбертом, – какое, наверное, высокое наслаждение испытывает он, когда что-то получается!

Мне и самому всегда хотелось взять кисть и краски. Я как бы чувствовал уже, что это мое, что у меня есть к этому способности. Да все как-то не было повода, не подворачивался случай. И вдруг такой случай подвернулся.

Это была весна 94-го, мне 58 лет. Сидели мы, пили чай в мастерской художника Шилова. Александр Руцкой (бывший вице-президент России, вчерашний узник, только что выпущенный из Лефортово), кинорежиссер Сергей Бондарчук, Саша Шилов и я. Первые трое были художниками. У Бондарчука живопись была сильнейшим увлечением, он тратил на «малевание» все свободное время,

Руцкой в молодости увлекался и живописью, и ваянием, и архитектурой, про Шилова и говорить нечего.

С утра все трое собрались поехать на этюды.

– Стас, поехали с нами, – сказал Руцкой.

– А этюдник дадите?

Поехали мы на следующее утро к берегу Москва-реки у Николиной Горы. Холод собачий. Выпили по рюмке. Руцкой выбрал пейзаж: холодные серые воды реки, песчаный обрыв на том берегу, село, церковь. Довольно банальный вид, небо, как портянка. Руцкой стал устанавливать этюдник. Я посмотрел, как он это делает, стал раскладывать свой, чуть не сломал. Потом он выдавил краски на палитру. «Ага, значит, вот в таком порядке», – я сделал то же самое.

Теперь пейзаж. «Нет, это я не осилю. Как передать стальную рябь воды? А небо? Ни одного голубого пятнышка». Решил я изобразить Руцкого. Не просто пейзаж, а фигура на первом плане, рисунок – это уже привычнее. Название придумалось сразу: «Узник на этюдах». Я уже упомянул, что бывшего вице-президента только что выпустили из тюремной камеры.

Выглянуло солнце. На деревьях заиграли тени. Подъехали Бондарчук с Шиловым. Сергей Федорович тут же набросился на пейзаж. Я и опомниться не успел, как этюд был готов. Бондарчук отошел на два шага, удовлетворенно посмотрел на него, сказал:

– Все. Можно нести на рынок.

Шилов долго стоял над работой Руцкого.

– Нет, Саша, это только подмалевок. Тебе надо приехать сюда еще раз, прописать детали, поработать над цветом.

Настала очередь моего творения. Учитель окинул его взглядом, удивленно посмотрел на меня.

– Ты раньше рисовал?

– Нет.

– Врешь.

– Рисовал, как все режиссеры. Но кисть держу в руках в первый раз.

– Врешь, Стас.

– Клянусь.

– Какие хорошие тени на деревьях.

Теперь-то я вижу, какие это тени. Не тени, а дупла, дыры. Но тогда мне казалось, что картинка получилась вполне... Так я стал художником.

Поехали мы с Шиловым на другой день в магазин, купили этюдник, краски, кисти, холсты, мастихины, уголь. Все лето я рисовал как проклятый. Такая это оказалась зараза – живопись. Ни читать, ни писать, ни смотреть телевизор не мог, с трудом дожидался рассвета и с головой – в работу. Учителя у меня не было, все постигал сам. Каждый день открывал Америку: смешаю голубой цвет с желтым – получился зеленый. Боже, какое счастье!

Я до сих пор не знаю, какие краски считаются теплыми, какие – холодными, в каком порядке их надо располагать на палитре. Ничего хорошего в этом, понятно, нет – азы надо зубрить наизусть, иначе всю жизнь будешь изобретать велосипед. Я не учился не от лени, думал – это мимолетное увлечение. А оказалось – на всю оставшуюся жизнь.

К концу этого лета – 94-го года я отправился в серьезное плавание. В прямом смысле.

Поехали мы с друзьями вокруг Европы. На пароходе. Каждый день новая страна, новая столица.

Жена с друзьями уходила в город, а я оставался на палубе и рисовал вид Стокгольма.

И так всю поездку.

Привез домой кучу этюдов, развесил на стенах, приходили гости, восхищались: «Смотри-ка! Как у настоящего мастера!» Мне и самому казалось, что я постиг кой-какие тайны живописи. И вот тут совершил непростительную глупость: стал дарить друзьям свои «произведения». Они висят у них на стенах, иной раз на почетном месте, приходят гости, среди них и художники, смотрят. Говорят про себя: «А это что за мазня!» И они правы. Теперь-то и я понимаю, что мазня, ремесленные поделки. Стыд! Но что делать? Обратного не заберешь, не отдадут.

Прошло пять лет. Теперь я точно знаю: профессионального художника из меня не получится, тайны живописи мне не постигнуть. И слава Богу. Зачем входить в чужой мир – лабиринт, когда ты и в своем мире, в своей профессии, ориентируешься весьма слабо. А есть еще один мир – это ты сам. Можешь ли ты с уверенностью сказать, что знаешь самого себя? Да ни в коем случае!

Человек – тайна. Даже для самого себя. Кто он? Каковы пределы его физических и умственных возможностей? На что он способен?

**УВЛЕЧЕНИЕ
СТАНИСЛАВА
ГОВОРУХИНА**

Абхазия после войны. Холст, масло. 1999.

Монастырь на Волге. Холст, масло, 2005.

*Осень в Воронцовском парке.
Холст, масло. 1995.*

Одинокая сосна. Холст, масло, 1998.

Кавказ. Горная речка. 1995, холст, масло

Оттепель. 1994, холст, масло

Какими талантами наградила его Господь? Разгадывать эту тайну, познавать самого себя – веселое и полезное занятие. Теперь я знаю о себе больше, чем раньше. Мое увлечение пейзажной живописью приоткрыло мне глаза не только на окружающий мир, но и на самого на себя. В первую очередь, на самого себя.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Так уж случилось: со Станиславом Говорухиным меня свела светлая память о Владимире Высоцком, с которым я тоже практически не был знаком, но навсегда запомнил его крепкое мужское рукопожатие.

В тот день дежурный редактор по выпуску очередного номера «Ставропольской правды», выходя из секретариата с очередной полосой, я чуть не столкнулся с Высоцким. Вся редакция ожидала встречу с ним. Звонили домой, знакомым.

Увидев меня с полосой, Владимир Семёнович протянул руку:

– Владимир Высоцкий...

Я ответил, слегка растерявшись:

– Ваш тёзка, дежурный по номеру Ольхов.

– Тёзка, – улыбнулся он. – Это значит, что мне у Вас повезёт, – и быстро прошёл в актовый зал.

Уже через пару минут все были здесь – ждали поэта, сидя по кабинетам. Такого скопления здесь ещё никогда не было, что меня и выручило. Кто-то распахнул обе входные двери, чтобы было хоть какое-то движение воздуха. Сюда, освободившись от читки, я и подходил слушать кумира.

Прошло несколько лет, я получил новое назначение на должность директора Пятигорской краевой студии телевидения. Здесь познакомился с диктором Риммой Тумановой – женой известного старателя Вадима Ивановича Туманова.

Как-то к концу рабочего дня она зашла ко мне с необычной просьбой отредактировать статью Станислава Говорухина для «Литературной газеты», посвященную памяти Владимира Высоцкого. Причем, срочно, так как автор просил вернуть ее с их общим знакомым, который летел в Москву на следующий день. Надо ли говорить, как не просто было пойти на это, не будучи знакомым с автором. Но Римма пообещала не выдавать меня, и я, успокоившись, правил все, что счел необходимым.

Через пару дней Римма поделилась реакцией Говорухина.

– Прочитал, сказал «спасибо, нормально...»

И от себя добавила:

– Нормально – это у Говорухина высший балл.

А вскоре я прочитал в «Литературке» статью со всеми поправками.

Потом Римма Туманова уехала жить в Ялту. Да и я по совету врачей оставил свой крайне беспокойный в ту пору пост, выдержав четыре года.

Уже работая в «Пятигорской правде», подготовил обычный репортаж о встрече избирателей с кандидатом в депутаты Государственной думы Говорухиным.

А вскоре Станислав Сергеевич разыскал меня и вручил третье издание книги «Великая криминальная революция» с пожеланием «удачи и благополучия».

Были и еще две короткие, жаль без общения, встречи. Одна в июле 2010 года в театре оперетты. В составе большой группы московских писателей и публицистов Говорухин представил книгу «Повести и рассказы» и поздравил наш альманах с первой победой.

Дело в том, что второй номер «ГК» был отмечен Дипломом признания в номинации: издание, ставшее событием года, учрежденным комитетом по информационной политике и массовым коммуникациям и Ставропольской государственной универсальной научной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова (1852-2009).

Владимир Ольхов

Эпистоляр

Мир без границ

Июнь 2012 – июнь 2013 – год Германии в России
и России в Германии

ЛЮДМИЛА СЫПИНА

«КАКАЯ ВЫ СЕГОДНЯ СЧАСТЛИВАЯ»

Никогда не думала, что когда-нибудь попаду за границу... Но настал день, который нарушил плавное течение моей жизни...

– Какая Вы сегодня счастливая! – сказал с восхищением мальчик с первой парты, когда я, опаздывая, вбежала в класс, даже остановилась от неожиданности. В этот день я надела любимое платье с крылышками, щеки мои раскраснелись от бега, глаза блестели. И тут же девочка с бантиками продолжила:

– А вот Галя хочет быть такой, как Вы.

Я попросила:

– Расскажи, Галочка, какой ты хочешь стать?

– Я хочу быть учительницей немецкого языка, как Вы.

– Тогда приходи на занятия кружка немецкого языка, там будет интересно, придешь?

– Приду, конечно.

Это был мой любимый пятый класс. Дети были такие раскованные, задавали такие неожиданные вопросы, что занятия проходили живо и интересно. Я только недавно приехала в село Приозерное, окончив институт.

...Шел 1957 год. Я и не знала, что в нашем крае есть такие дальние сёла, где по улицам бродят верблюды, а земля от жары трескается так, что можно туда засунуть руку. Вода только привозная.

Село находилось за 300 км от железной дороги, телевизоров там еще не было, и дети с жадным любопытством слушали мои рассказы о Ставрополе, об институте, где училась... После уроков мы с учениками выпускали газету «Freundschaft» («Дружба»), я вместе с ними пела и плясала, мы готовили концерт художественной самодеятельности.

И вдруг в класс вошла директор школы Роза Карповна и сказала, что мне звонят по междугородке. Я побежала в сельский совет, где стояла телефонная будка, подняв трубку, услышала родной голос тети Ани:

– Как ты там, Люся? К тебе едет жених!

– Какой еще жених? – удивилась я.

– Офицер. Он служит в Германии, приехал искать невесту, говорит, одному там скучно. Так что готовься к встрече, мы ему дали твою фотокарточку.

Игорь приехал на следующий день в форме офицера, вид у него был блестящий – блестяла кокарда на фуражке, блестяли погоны старшего лейтенанта, блестял кортик на боку, за ним бежали мальчишки и кричали:

– Дядя, покажи кортик!

Конечно, и моя мама, и все наши дамы-учительницы, которые жили вместе со мной в бараке, были покорены его вежливостью и прекрасным воспитанием. После знакомства мамочка нас накормила, и мы пошли гулять по селу. Он был веселый, шутил и все принимал с юмором.

Наконец, Игорь мне сказал:

– Я вижу, что мы понимаем друг друга. Вот такая жена мне и нужна. Вы мне нравитесь.

– Но... я читала, что для брака нужна еще и любовь, или ошибаюсь?

– Но и брак по расчету может вырасти до любви.

Мои коллеги-учительницы начали мне нашептывать:

– Это твой жених? Конечно, выходи за него, ведь здесь никаких перспектив – один мужчина в коллективе – физкультурник, и разговоры у него одни: сколько выпил вчера и с кем. Хоть Германию посмотришь.

Моя мамочка повздыхала немного и сказала:

– Ну что ж, не хочется тебя отпускать так далеко, видно, это твоя судьба...

И в школьном здании мы сыграли свадьбу. Был октябрь, шла уборка, в селе был сухой закон, но для свадьбы председатель разрешил нарушить этот закон, учительницы напекли пирогов, и заиграла музыка... Говорили тосты, кричали «горько», звучали пожелания...

А через неделю играли свадьбу в Ставрополе, собрали многочисленную родню, опять тосты и крики «горько»...

Еще через неделю Игорь уехал продолжать службу в группе советских войск в Германии, обещал прислать вызов, а пока я осталась жить со свекровью, которая потеряла на войне мужа и старшего сына и после этого была немного не в себе... А я ждала вызов и штудировала немецкий язык.

Вызов пришел через три месяца, к этому времени мама исписала мне толстую тетрадь с кулинарными рецептами, я уложила чемодан и отправилась в путь через Москву и Брест.

... Белые разорванные облака были похожи на тающие льдины в голубой воде. Цветы сирени окружали дома с красными черепичными крышами, мимо окон вагона мелькали березовые рощи и хвойные деревья, посаженные как по линейке...

Я впервые ехала по Германии к мужу и думала, что ждет меня там, в чужой стране, как сложится новая жизнь.

... Меня встретил Игорь – такой сияющий и счастливый, что сразу стало легче на душе. Он сказал: «Теперь переведи стрелки часов на средневропейское время, и для тебя начнется новая жизнь».

Он показал мне квартиру в офицерской гостинице, где нам предстояло жить. Мебель была казенная, и Игорь со смехом сказал мне, что купил для новой квартиры только будильник, чтобы не опаздывать на службу. Из кухни открывался красивый вид на озеро, по которому плавали лебеди, дальше были видны разноцветные яхты, а с другой стороны чернели трубы крематория.

Игорь рассказал, что рядом находится бывший концлагерь. Это замечание заставило сжаться сердце – военные раны были еще свежи в памяти.

– Там скоро откроется музей, – сказал он, почувствовав мое настроение.

И с утра, проводив его на службу, я принялась готовить первый в моей жизни семейный обед. Но как только я приступила к этому ритуалу, пришел дневальный – молодой высокий парень в военной форме с красной повязкой на рукаве и сказал, что меня вызывает комбат.

– Но я готовлю обед, и если сейчас уйду, мой муж останется голодным.

– Хорошо, я так и доложу.

Я уже продолжала священнодействовать, пытаясь угодить мужу и вкусно его накормить, как в комнату влетел Игорь и возмущенно сказал:

– Ты почему не подчинилась, тебя вызывает комбат!

– Объясни, кто такой комбат, во-первых, а во-вторых, здесь только ты мой командир и я подчиняюсь только тебе, – спокойно сказала я. – Сейчас мы вместе пообедаем и пойдем к твоему комбату.

Игорь вспыхивал, как спичка, но быстро успокаивался. Ему понравился обед, и мы пошли в штаб. Комбат – интеллигентного вида полковник – приветствовал меня дружелюбно и сказал:

– Наконец-то к нам прибыла жена офицера со знанием немецкого языка.

Так я стала преподавать немецкий язык офицерам.

В соседнем городе Фюрстенберг, куда мы с женщинами ездили за покупками, я купила книгу «Женщины Равенсбрюка» на немецком языке. Ее написала Эрика Бухманн, которая сама была узницей этого концлагеря. Книга потрясла меня. Буквально за несколько дней я перевела ее на русский язык и дала почитать друзьям.

Вскоре я встретилась с самой Эрикой. Она вела экскурсии на немецком языке в музей, который открылся в бывшем концлагере, меня попросили провести экскурсию для наших офицеров и их жен на русском языке. Экспонаты потрясали. Здесь были и орудия пыток, и печи крематория, и фотографии, на которые было страшно смотреть. Сейчас над бывшим концлагерем возвышается монумент. Он изображает женщину, которая держит на руках свою обессилевшую подругу. Скульптор Вилли Ламерт запечатлел в камне действительный случай, произошедший во время «аппеля» – переключки.

Шел 1960 год. Однажды ко мне обратился молодой немецкий военный. Он хотел заполнить анкету для поездки в Россию, но плохо знал русский язык. Он сказал:

– Меня так... интересует Россия.

И рассказал... Когда части нашей армии вошли в Берлин, солдаты увидели почерневшие от копоти разрушенные здания, обуглившиеся куски железа, и среди этого хаоса они нашли его – мальчика, который от страха и голода не мог говорить. Они накормили его, отмыли, сделали «сыном полка». Они стали учить его русскому языку, сшили ему форму, но никто не знал, какой он национальности. Но после 1945 года, когда солдаты стали уезжать на Родину, его сдали в немецкий детский дом, где его называли Эриком, а затем он поступил в военное училище. Окончив его, он мечтал посетить Россию.

Он говорил на ломаном русском языке: «Меня так... интересирует Россия. Может, там моя Родина?» Я помогла ему заполнить анкету, но больше я его не встречала и не знаю, как сложилась его судьба...

Запомнилась еще одна встреча. Были выборы, и я встретила женщину с мальчиком, которая пришла к нам в воинскую часть голосовать. Выяснилось, что она русская, жила в Ленинграде, работала на чулочной фабрике. Познакомилась с немецким парнем. Он был слушателем военной академии и так влюбился в Ларису, что стал звать ее в Германию. Они стали встречаться с Вольфом, полюбили друг друга и вместе поехали в Германию. Здесь у них родился сын, но Лариса так и не приняла немецкое подданство, так и осталась советской гражданкой.

Жили они с мужем недалеко от нашего городка. Квартира в большом доме была роскошной: окна от потолка до пола, много зелени, цветов, комнаты просторные, светлые. Ее сынок, усевшись на палас, рассматривал книгу: на раскрытой странице крупными буквами было написано: «Наша Родина – СССР». Лариса пояснила:

– Учю его русскому языку, может быть, удастся поехать к родителям в Россию, – никогда не думала, что буду так скучать по дому...

Было грустно и тоскливо расставаться, мы понимали, что вряд ли когда-нибудь увидимся. Я не знаю, как сложилась судьба Ларисы и ее мальчика, думаю, что они все-таки приехали в Россию...

После возвращения на Родину я часто вспоминала Эрика и Ларису, других людей, встреченных в этой стране. И о том, что через всю Германию тянутся постоянные воздушные линии связи, которые построил мой муж – старший лейтенант Сыпин Игорь Александрович со своими солдатами, другими батальонами связи. Эти линии не только связывают наши страны, но и наши души и сердца. Ведь люди живут на земле ради встреч, которые помогают лучше понять друг друга...

Прошло время. Ушел из жизни мой муж Игорь Александрович, но остались наши дети и внуки. Я им рассказываю о времени, проведенном в Германии. И каждый раз они спрашивают, а где сейчас живут Эрик, Лариса, Вульф и их сын? А что я могу им ответить?! Как-то они даже попросили меня написать письмо в «Жди меня». Кстати, случилось это во время этой любимой нами передачи, которая единственная на всем телевидении бескорыстно делает добро для людей.

Удерживает меня от обращения только осознание того, что у других людей действительно – проблемы. Не сочтут ли мое письмо обычным женским любопытством. А как, уважаемая редакция «Голоса Кавказа», считаете вы?

ОТ РЕДАКЦИИ: на наш взгляд, Людмила Игоревна ошибается: ведь именно она, ее муж Игорь Александрович Сыпин и все участники повествования вскоре после жесточайшей войны стали в прямом и в переносном смысле прокладывать первые тропинки к самому поистине духовному понятию, которое единственное стоит выше справедливости – к прощению!

Четыре столетия назад человечество оказалось в ситуации во многом схожей с нынешней. Тогда великий Шекспир на английском языке поставил перед миром вопрос: «Быть или не быть?» И этот язык стал международным.

Четыре века пролетели как один день, и на этот вопрос очень тонко и так же неоднозначно ответил удивительный кавказский кинорежиссер и писатель Владимир Халидович Вороков самим названием романа: «Прощающие да простят».

Удивительно, но произошло это в тот момент, когда Россия и Германия показали всему миру, что и, казалось бы, невозможное – возможно, разрушив Берлинскую стену.

Может быть, это и есть самое главное из всего, что необходимо понять и за что бороться каждому из нас, если мы, конечно, еще не потеряли надежду «Быть».

Уже в силу всего этого интересно узнать о судьбах тех, кто был у самых истоков.

Редакция альманаха «Голос Кавказа» тоже надеется на помощь программы «Жди меня», мы тоже часто её смотрим и считаем одной из лучших на телевидении.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

СТАРАЯ БАСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД

Хоть и минули времена Крылова,
Но Стрекозу мы вспоминаем снова.
И Стрекоза давно
 не та уже...
Характер! В люди выбилась,
 возглавив ТэСэЖе
Такой она заботливою стала:
Заявку в ЖЭК
 в апреле написала.
В домишке у неё –
 пять этажей,
А в нём под сотни три жильцов:
 и женщин и мужей.
Начальник ЖЭКа –
 тот же Муравей
Весьма любезно улыбнулся ей:
– Голубушка,
 извольте подождать –
Недельки, скажем, через две,
Осмелюсь утверждать
Строители по адресу придут
И крышу Вам в порядок приведут.
Ждёт Стрекоза недельку,
 две... четыре...
Уже и летний дождь прошёл
 во всех квартирах.
...Закончилось
 у Стрекозы терпенье
И вот она
 в знакомом учрежденье.
Здесь снова слышит
 ласковый приём:
– Мы ждём Вас,
 дорогая, ждём –
Такая неувязка,
Проект нам нужен
 и нужна замазка...

Приносит всё
 и тот же нежный тон:
– Помилуйте, нет сметы
 – вот резон!
Она опять старается,
 заявки пишет...
Но зимовать придётся
 нам без крыши.
Хоть не плясала в этот год,
 не пела,
А утеплиться так и не успела.
Над Стрекозой пылает рок –
 ещё один урок?
Хотели Муравья
 изгнать из ЖЭКа,
Он всё равно не станет
 человеком.
Когда страна
 преступностью накрыта,
То и трудяги там и тут
 уходят в паразиты.
А деньги,
 что «уплыли» на ремонт,
Никто не ищет их
 и не найдет. Вот!
Коль дыры
 появляются в казне,
То виноваты все –
 без исключения – все!
* * *
А выход прост –
 его весома роль –
Пора народный
 возроддать контроль!

Странички для детей

МАРЬЯМ ЛЬЯНОВА

ОХ, УЖ ЭТИ «ПОЧЕМУЧКИ»

ВЕЛОСИПЕД

Мамед хотел велосипед,
И летом, наконец,
Издалека велосипед
Привез ему отец.
Два колеса, блестящий руль,
Машина – хоть куда!
И «Мерседес» и БМВ
Пред нею ерунда.
На зависть местной детворе
Катается Мамед,
Забыв про все свои дела
И даже про обед!

СОСЕД

Всех он любит и жалеет:
И жучка, и паучка,
Обогреет и накормит
И мышонка, и сверчка.
То он скачет лягушонком,
То мяукает котенком,
То кричит как каратист,
То танцует как артист.
Кто же этот непоседа,
Добрый, славный мальчуган?
Я секрет открою вам:
Это мой сосед – Ислам!

ЛЮБОПЫТНЫЙ АХМЕД

Почему олень рогатый?
Почему колючий ежик?
Почему орех без ножек?
Отчего же ананас
Не растет в стране у нас?
Не растут еще бананы,
Это тоже очень странно.
Ох, уж эти «почемучки» –
Заковыристые штучки!
Целый день ищу ответ,
А его все нет и нет.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мне три годика сейчас,
Много или мало?
Папа хочет, чтоб быстреей
Дочка подрастала.
Стану маме помогать:
Мыть полы, посуду,
Для родителей своих
Лучшей дочкой буду!
Мама торт мне испечет,
Будем веселиться,
Хорошо в апрельский день
На земле родиться!

ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ

ТАРАРАМ

Объясню сейчас я вам,
Что такое «тарарам».
Как-то раз вошли мы в дом –
В доме было всё вверх дном!

Гришка дрался с братом Мишкой –
С полки полетели книжки!
Маша бегала за Мушкой,
Запустив в неё подушкой!

Мушка – так прозвали кошку –
Прыг с кровати на окошко!
По пути задела вазу,
Ваза разлетелась сразу!
И на весь этот позор
Лаял яростно Трезор!
Крик и визг, и шум, и гам –
Вот что значит «тарарам»!

МЫ С ВОЛОДЬКОЙ

Мы с Володкой шли из школы.
Он в тот вечер был весёлый
И подставил мне подножку,
Я ударился немножко...

Вовка так захохотал,
Увидав, как я упал,
Что нечаянно споткнулся.
Бац! И рядом растянулся!

Тут я тоже не сдержался
И невольно рассмеялся.
– Ничего смешного нет, –
Зло сказал он мне в ответ.

ДВОР-ЗООПАРК

Наш двор похож на зоопарк –
«Медведь» там есть и «Леопард»,
«Лиса», «Ехидна», даже «Слон»,
И «Крокодил» – живет и он.

С утра всем слышно: «Эй, «козёл»!
Вчера ты в школу не пришёл,
А Борька, этот «бегемот»,
Не дал списать задачку. Жмот!»

«Козёл» в ответ: «А ты, «осёл»,
Поменьше бы играл в футбол,
А то гоняешь мяч весь день,
Потом учить уроки лень».

– А видел ты, как у «гуся»
Умчалась в пятки смелость вся,
Когда он выскочил во двор
И с «крысой» встретился в упор?

– А что же Генка, «крокодил»,
Не спас его, не защитил?

– Так из-за Катьки той, «макаки»,
Дела дошли у них до драки!
Так хочется сказать: «Ребята!
Ослы, козлы в чём виноваты?»

Вам на зверей нельзя равняться –
Зверье умеет обижаться.
Бывает, что они кусают,
Но никогда не оскорбляют!».

Рисунок Ирины Соколовой

ДИЛОГИЯ ДЛЯ КИНОЭПОПЕИ

РАССУЖДЕНИЯ О РОМАНЕ ВЛАДИМИРА ВОРОКОВА
«ПРОЩАЮЩИЕ ДА ПРОСТЯТ»

Прозвучит доброе слово в адрес одного человека – и небо над его головой, грозное, вечернее или ночное от окружающих его бед и забот, станет немного светлее. Прозвучит такое же слово о городе или ауле – и, глядишь, гроза рассеялась. Об отдельном народе – и небо уже предрассветное, с легкими облачками, если о «котле народов», каким был и останется Кавказ? О судьбах многих сынов и дочерей Кавказа в большой России, других племен и народов, занесенных сюда неумолимым временем? Судьбах, переплетенных войною, любовью и стоном?.. Глядишь на небо – а оно пронзительно чистое и волшебное, озаренное еще не палящим солнцем! Ведь слово-то доброе, искреннее, идущее из глубины души...

В интеллектуальном безмолвии, одолевшем на долгие годы адыгское общество, прозвучало такое слово – смелое, сочное, самодостаточное. Его произнес Владимир Вороков в трилогии «Избранное», которая увидела свет в волгоградском издательстве «Панорама». В трехтомник вошли обе книги («Амышев аул» и «Молитва о Родине») романа-эпопеи, романа-притчи «Прощающие да простят», а также рассказы, очерки, эссе и стихи разных лет. Казалось бы, слишком разнопланово и разножанрово, слишком разноголосно, а читаешься – стройный хор, в

котором сливаются радостные и печальные голоса многих поколений, что жили и умерли или просто побывали на земле Кабарды, что живут на ней по сей день, стремясь каждый своим скромным словом и делом прославить и малую, и большую Родину...

Трудно писать рецензию на этот трехтомник. Пишешь, переделываешь, прячешь в стол. Что-то мешает безоговорочно согласиться с автором – так много в первом романе непривычной, не характерной для адыгского быта XIX в. фактуры. Кавказская война; редкие драгоценности в княжеском доме Амышы; пещера на горе, превращенная его внуком Дабечем в тайный дворец с роскошным убранством и богатейшей библиотекой; юная княжна Дахауос, легко цитирующая Байрона и Шекспира на английском, которая одинаково комфортно чувствует себя в европейском платье на балу у губернатора и в костюме воина-горца, управляясь с любым видом оружия...

Это, на первый взгляд, не укладывается в затверженный и растиражированный образ адыгов из позапрошлого века, кочующий из романа в роман. Стереотип, так прочно вошедший в наше сознание, играет с читателем злую шутку. Казалось бы, абреки, скачущие по горам, забытые угнетенные горянки, жизнь ради набега...

И те же адыги, но полноценно вписавшиеся в русскую и европейскую культуру XX – XXI вв. Те же самые? Да! Ведь сумела шестнадцатилетняя дочь князя Темрюка стать русской царицей, равной своему державному супругу Ивану Грозному, а черкесская пленница Аиссе – покорить французский бомонд! Ведь были же в русской истории знатные политики и полководцы Черкасские! И подобных примеров – тьма! «Стадо нищих дикарей», — писал о горцах контр-адмирал Серебряков в записке «Мысли о делах наших на Кавказе». Позже он скажет о них с уважением: «Гарнизон осажденной крепости». От высокомерия к восхищению – этот путь пройдет не один русский человек, заброшенный на Кавказ и увидевший истинное лицо его сынов.

Само обращение к теме кавказской, а затем и гражданской войны – это прыжок в бездну, где столько леденящих сердце тайн, столько обжигающих душу эмоций, столько будоражащих рассудок сюжетов! Там, в этой бездне времени, упокоена наша история, с которой до сих пор мы играем в прятки, скрываясь за идеологами и штампами имперских времен. Кавказская война, долгая, изнурительная и кровопролитная, – самая неизведанная и непостижимая для россиян. Наверное, поэтому никто до сих пор так и не извлек из нее нужных уроков. И в послесловии к «Амышеву аулу» наш современник Владимир Вороков пишет: «Мои герои часто прощают друг друга. А главное – ищут пути к прощению. Кабардинцы говорят: «Победить противника – это полдела. Победить себя – это уже целое дело».

Одно из достоинств писателя – это деликатность, с которой он сумел провести читателя по коварному лабиринту двух войн. Здесь не было побежденных и победителей: так много крови с обеих сторон потребовалось для покорения Кавказа и сохранения его в составе России. Об этом важно помнить и сегодня, чтобы конструировать будущую совместную историю уже в новом геополитическом раскладе. «В историю не стреляют, ее не оскорбляют, не перекраивают каждый раз заново. Ее любят, чтят, берегут», – скажет адыгеец Хагур своему воспитаннику, кабардинцу Дабечу из рода Амышы, и добавит: «Только услуга родине может свершиться тобою раньше, чем услуга отцу». Своим сочине-

нием Владимир Вороков оказал услугу родине. У каждого свой способ служения ей. И эти книги нужны, прежде всего, республике – они дают хорошую возможность нации разговаривать самой с собой и с миром. Причем разговаривать на том уровне, за который не стыдно. Этого диалога так не хватает современным кабардинцам!

Умирая, князь Амыш завещал своему аулу, сыновьям, роду жить в дружбе с русскими. Воля князя будет исполнена, и Катенька Засс отдаст свое сердце княжескому внуку Дабечу. Война разлучит их, а сын, которого она должна была родить ему, получит баронский титул немецкой фамилии Крюге. «И в Берлине появится немец-абрек. Через много лет, когда в России мир разделится на красных и белых, российский генерал Крюге, сын берлинского банкира и дочери генерала Засса, появится в горах Кавказа, чтобы отыскать место, где гнезился когда-то Амышев аул». Эта ремарка – прямая заявка на следующий роман, где потомки тех, кто появлялся на страницах «Амышева аула», пройдут тропами истории уже в других обстоятельствах в романе «Молитва о Родине» – в лихолетье Гражданской войны и Горской республики...

Диалогия «Прощающие да простят» – произведение имиджевое, что на сегодняшний день архиважно. И не только для Кабардино-Балкарии, но и для всего Северного Кавказа, потому что здесь все народы как сообщающиеся сосуды... Так много небылиц написано о нас, так много уничижительных характеристик было дано в последние годы кавказским народам – и наше полное молчание в ответ... Теперь прозвучало Слово! Продвигать собственный имидж – веление времени. Есть народы, у которых стоит этому поучиться. И бесценно то праведное достоинство, с которым автор рисовал исторический портрет кабардинцев. «Я очень хотел угадать время», – напишет он в послесловии. Такое точное определение! Его, действительно, можно только угадать – так много еще непрочитанных страниц в книге адыгского бытия.

Время соткано в романах из тончайших оттенков природы, быта горского духа. Остроту авторского зрения питает профессиональная наблюдательность, исследовательская глубина, энциклопедичность знаний. Но все это вместе было

бы ничем, если бы в жилах писателя не пульсировала кровь предков. Именно благодаря ей диалог с прошлым наполняется живой плотью минувших дней. Владимир Вороков – человек абсолютно кавказской ментальности и глубинных родовых традиций. Потому так осязаем кабардинский мир на страницах дилогии.

Вся «Молитва о Родине» – это молитва о России и Кабарде одновременно, их общая кровь, красная у всех. Период гражданской войны, установление советской власти – самая «непаханая» часть истории Северного Кавказа. Благодатная почва для осмысления писателем эпохи без идеологии партийного диктата. Суть событий того времени – раскол большого (общероссийского) и малого (кабардинского) национального тела. Оно трещало по швам, раздираемое большевиками и социал-демократами, амбициями западных стран, исламистским радикализмом и внутренним крахом российской государственности.

Автор придумал замечательные сюжетные линии для трех братьев Амышевых, сохранил переключку веков. Он создал роман-притчу. Это очень трудный жанр, его способен осилить лишь человек с особой энергетикой. Здесь предстает и Дикая дивизия – общепатриотический проект, почти утраченный ныне, и то, как среди развалин государственного строя многие искали себя, свое место... На страницах романа так много талантливых, ярких, пассионарных личностей! Здесь в полной мере проявляются романтизм, сочность, чувственность, цветистость языка, почти осязаемые образы природы, до слюноотечения смачные кулинарные зарисовки... Иными словами, автор сделал потрясающе красивую вещь. Если только можно говорить о красоте трагедии.

Еще раз про любовь. Эта тема отражена в дилогии особенно. О любви писал человек, знающий ее настоящий вкус –

солено-сладкий, терпкий, сшибающий с ног самых сильных. Страстно и целомудренно, эротично и сдержанно, плотски и пуритански одновременно. Почти непосильная задача – объединить это единым ритмом. Здесь от мужчин исходит мужской дух, дух страсти и темперамента, погорски сдержанного, клокочущего внутри, как горный поток, обузданный ущельем. А женщины... Это надо читать! Или даже снимать.

Да, обязательно нужно отметить: «роман с продолжением» «Прощающие да простят» очень кинематографичен. Здесь сценаристу, как скульптору, стоит лишь отсечь то, что нужно читателю, а не зрителю. В умелых режиссерских руках дилогия может превратиться в блокбастер мирового масштаба. Очевидно, что ее писал человек, имеющий непосредственное отношение к кинематографу, рукой которого водил многоопытный разум, не раз разглядывавший мир в объектив кинокамеры. Здесь на фоне войны и гибели предстает вся энциклопедия кабардинской жизни, почти ренессансная картина адыгского бытия, картина сочная, разноцветная, написанная крупными, смелыми мазками...

Третий том – о сегодняшнем. И в нем живут, страдают, мыслят и творят уже не рожденные вдохновением персонажи или их прототипы, а реальные люди. Те, кем гордятся Кабарда и Россия. А также в нем наша прекрасная благословенная земля. Здесь все так узнаваемо!

Не стоит желать, чтобы этот трехтомник, изданный уже трижды, но очень ограниченным тиражом, нашел своего читателя, вдумчивого, трепетного, глубокого. Это, без сомнения, так и случится. А пожелать столь зрелому и столь молодому по задору и духу автору хочется, чтобы его трехтомная притча с его же участием в качестве сценариста обогатила современную художественную и документальную кинематографию Кабарды, Кавказа и России.

«А.А. ЗИНОВЬЕВ О ВКЛАДЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СОЦИАЛЬНУЮ ЭВОЛЮЦИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

– так называется книга Л.В. Давыдовой (Москва – Воронеж, 2011), одного из самых ярких исследователей творческого наследия легендарного философа и социолога А.А. Зиновьева. Исполнилось шесть лет, как он ушел из жизни. Это был человек, представлявший собой феномен ученого, мыслителя, гражданина. Он опубликовал более ста работ по логике, методологии науки социологии. Значительная часть этих работ переведена и издана на многих языках за рубежом.

Трагически сложилась судьба ученого. За публикацию на Западе ряда произведений («Зияющие высоты», «Светлое будущее» и др.) А.А. Зиновьев был лишен советского гражданства и выслан из СССР. Изгнание продлилось почти 20 лет. За это время А.А. Зиновьев издал на Западе десятки книг, был избран в национальные академии таких стран, как Финляндия, Италия, Германия и др.

А.А. Зиновьев был уникальным явлением в научном мире. И особое уважение вызывает его гражданская позиция. Несмотря на преследования в Советском Союзе (в 1939 году за антисталинские выступления он был исключен из института, арестован, но бежал) и несмотря на столь длительное изгнание из страны, А.А. Зиновьев по возвращению на Родину приступает к активной общественной и педагогической деятельности.

Пожалуй, он был единственным из всех тогдашних политологов и социологов, кто открыто и искренне сожалел о распаде Советского Союза, кто дал объективное научное понимание сталинской эпохи. (Антисоветчику и антисталинисту И. Сванидзе из известной программы «Исторический процесс» было бы очень полезно познакомиться с трудами А.А. Зиновьева).

Л.В. Давыдова явилась одним из самых

серьезных исследователей творчества А.А. Зиновьева. Ею были написаны книги «Мужество знать» (2002 г.), «Социология А.А. Зиновьева – путь к пониманию современности» (2006 г.). И в 2011 г. в издательстве Московского психолого-социального института вышла книга, одноименная с названием нашей статьи.

В последней книге она дает более развернутое изложение социологической теории ученого, рассматривает его анализ великого эволюционного перелома, произошедшего во второй половине XX века, излагает выводы А.А. Зиновьева о ближайшем и неизбежном будущем России и русского народа.

* * *

Л.В. Давыдова заражена энтузиазмом А.А. Зиновьева как первооткрывателя, социального мыслителя. Она «входит» в каждую строчку, каждую мысль ученого и превращает свою книгу в своеобразный инструмент, помогающий и студентам, и взрослому поколению создать научное представление о реальном коммунизме и понять, почему рухнул Советский Союз.

В книге Л.В. Давыдовой семь разделов, одно название которых говорит о масштабах анализа явлений советской эпохи. («Основы логической социологии», «А.А. Зиновьев о марксизме», «Становление коммунистической социальной организации», «Коммунистическая социальная организация», «Постсоветская социальная организация», «Великий эволюционный перелом», «Вклад Советского Союза в социальную эволюцию человечества»).

* * *

В I разделе своей книги Л.В. Давыдова останавливает наше внимание на разработке А.А. Зиновьевым собственного ап-

парата понимания социальных процессов. Речь идет о «логической социологии» А.А. Зиновьева, ставшей подлинным научным открытием в социологии. Новый метод был положен А.А. Зиновьевым в основу его дальнейшей работы по изучению коммунистической социальной организации, постсоветизма и великого эволюционного перелома, произошедшего в мире в конце XX века.

С позиций логической социологии А.А. Зиновьев дает также оценку роли марксизма в истории (II раздел книги).

Марксизм, согласно А.А. Зиновьеву, – величайшая идеология. Без нее реальный коммунизм был бы невозможен. Но это именно идеология, ориентирующая на разрушение предшествующего социального устройства. Сам же коммунистический строй возник по законам, о которых родоначальники марксизма не думали. А.А. Зиновьев формулирует их, как законы организации больших масс людей в конкретных исторических условиях.

Так, позитивная работа по созданию новой социальной организации в России осуществлялась как историческое творчество миллионов советских людей в ряде поколений.

Именно здесь заложено объяснение все более обостряющегося противоречия между коммунистическими идеалами и реальным коммунизмом.

Углубление этого противоречия было объективным процессом. Но советское общество располагало возможностями нивелировать в определенной мере его негативные последствия. Условием был научный анализ складывающейся реальности.

Однако в Советском Союзе всякие попытки критического анализа господствующей идеологии категорически пресекались.

Итогом явился крах марксизма, что послужило одной из причин краха страны.

* * *

Особый интерес вызывает раздел «Становление коммунистической социальной организации», где показана настоящая роль Сталина в строительстве нового общества.

Сегодня как критики, так и апологеты сталинизма изображают процесс формирования советского общества таким образом, будто Сталин и его соратники воплотили в жизнь марксистские проекты.

Но, как мы только что сказали, таких

проектов не было вообще – были только общие идеи и лозунги. Перед строителями нового общества стояли конкретные задачи установления общественного порядка, борьбы с преступностью, строительства больниц, школ, системы транспорта и т.д.

Это был грандиозный процесс, в котором рождалось новое социальное существо. Во многом строители нового общества действовали методом проб и ошибок. Одни и те же люди, будучи участниками этого процесса, могли быть и палачами, и помощниками палачей, и жертвами. Да, репрессии имели место. И в них было многое такое, что заслуживает осуждения. Но то, как это делается в разоблачениях сталинизма, само есть преступная фальсификация истории, ничего общего не имеющая со стремлением к исторической истине.

Так, из океана событий вырываются лишь некоторые. Суждения о них группируются в ограниченных текстах, которые выдаются за образ эпохи в целом. С научной точки зрения процент таких событий ничтожно мал по отношению к числу тех, которые на самом деле дают представление о той эпохе. В частности, замалчиваются социально значимые успехи. А на первый план выдвигаются события, о которых просто не упоминается, когда речь идет о других странах и других эпохах.

В этом плане интересно высказывание А.А. Зиновьева, которое приводит Л.В. Давыдова: «...Я достаточно основательно изучил советское общество и особенно сталинский период. Мой антисталинизм утратил смысл, уступив место объективному научному пониманию сталинской эпохи, ушедшей в прошлое... Масштабы исторической личности определяются масштабами событий, в которых они играли значительную и даже решающую роль. С этой точки зрения Сталин принадлежит к числу величайших личностей в истории человечества» (А.А. Зиновьев, «Распутье»).

* * *

В разделе «Коммунистическая социальная организация» дается подробное описание этого социального феномена. Коммунистическая социальная организация предстает перед нами как наиболее совершенная социальная организация из всех известных до настоящего времени.

Особое внимание вызывает оценка А.А. Зиновьевым роли государственного аппарата и коммунистической партии, как

стержня государственного аппарата в коммунистическом обществе, которое А.А. Зиновьев характеризует как «общество коммун».

Мы получаем таким образом научное представление о коммунистической форме демократии.

* * *

Следующий раздел называется «Постсоветская социальная организация». В нем содержится анализ современного состояния России. Выводы, следующие из этого анализа, неутешительны.

А.А. Зиновьев показывает: постсоветизм – искусственная социальная организация, не имеющая перспектив развития и специально предназначенная для окончательного разгрома России.

В органической связи с разделом, содержащим анализ постсоветизма, находится следующий раздел, озаглавленный «Великий эволюционный перелом».

В нем рассматриваются глобальные перемены в мире, начало которым было положено в конце XX века победой Запада в холодной войне.

Основными темами раздела являются:

- образование глобального западнистского сверхобщества;
- настоящий смысл глобализации, как войны Запада за мировое господство;
- неизбежная гибель русского народа в этой войне.

Раздел производит шокирующее впечатление. К примеру, А.А. Зиновьев так описывает нынешнее состояние русского народа:

«То, что стало происходить в России начиная с 1985 года, есть растянувшаяся во времени гибель России и русского народа... Происходит его историческое убийство... Народ распадается, атомизируется, теряет способность противостоять дезинтегрирующим его силам. Начинает деградировать биологически. Продолжительность жизни людей снижается. Они утрачивают физическое здоровье, разлагаются идеологически и морально».

* * *

Последний раздел книги называется «Вклад Советского Союза в социальную эволюцию человечества».

Этот во многом итоговый раздел содержит интересный и важный материал. И мы бы очень рекомендовали людям,

которые неравнодушны к происходящему в стране и мире, познакомиться с ним.

Как показывает А.А. Зиновьев, любой общественный строй имеет свои достоинства и недостатки. И коммунистическое общество не составляет исключения. Здесь важно понимание того, что недостатки реального коммунизма – суть продолжение его достоинств. Их невозможно рассматривать отдельно и невозможно сохранить достоинства коммунизма, постаравшись избавиться от его недостатков.

Но никто не станет оспаривать способность коммунистической социальной организации к эволюции, к развитию.

Советский Союз был новатором социального творчества. Являясь молодым социальным образованием, он опережал Запад в социальном развитии по меньшей мере на 50 лет. Основой его достижений было создание сверхобщества коммунистического типа.

Перенимая опыт Советского Союза, Запад существенно укрепился и, пользуясь перевесом сил в навязанной Советскому Союзу холодной войне, одержал победу.

На самом деле победа Запада была пирровой победой. Советский Союз удерживал мир от деградации, одичания, связанного с буйством частнобуржуазного инстинкта, от падения человечества в историческую пропасть. Теперь человечество такой защиты в лице Советского Союза не имеет.

Ожидать изменений к лучшему в ближайшей перспективе бессмысленно.

Возникновение уникальной ситуации, сравнимой с той, которая сложилась в мире накануне Великой Октябрьской революции и способствовала ее успеху, невозможно.

Не следует также уповать на некие мессианские качества русского народа. В силу особенностей русского национального характера, народ подняться самостоятельно не может. Что же касается нашей интеллектуальной элиты, то она, подобно западной, барствует и холуствует.

Но кто знает, как пойдет история в более отдаленном будущем.

«В сложившихся условиях, – считает А.А. Зиновьев, – наша задача и наш долг – научно осмыслить и хотя бы в какой-то мере сохранить в памяти будущих поколений опыт советизма, всячески опошленный и окарикатуренный современными погромщиками».

«ГОЛОС КАВКАЗА»

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ

КОНКУРСЫ

- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ ИМЕНИ ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО ПОЭТА-ПЯТИГОРЧАНИНА ГЕННАДИЯ КОЛЕСНИКОВА
меценат В.А. Хнычѐв
- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И ОБ ИСКУССТВЕ
меценаты: В.Н. Арзуманов
О.Т. Басаев

Редакция оставляет право за творческими союзами Северо-Кавказского федерального округа вносить свои предложения для объявления новых конкурсов. Возможные средства с пометкой «ДЛЯ КОНКУРСА» просим перечислить на р/счет нашего учредителя – института ОАО «Севкавгипроводхоз»

**Р/с 40702810400000000147 в ОАО КБ «Евроситибанк», г. Пятигорск
БИК 040708774, ИНН банка 2632052342
ИНН/КПП 2632005141/263201001, кор/с 30101810200000000774**

Итоги конкурсов будут подводиться ежегодно на основании опроса читателей на сентябрьском заседании редколлегии альманаха.

Редакционная коллегия

К сведению уважаемых авторов:

- Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении.
- Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются.
- Рукописи менее двух печатных листов редакция не возвращает.

Учредитель Северо-Кавказский институт по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»).
К 80-летию со дня основания

Директор проекта
Носов К.Н., заслуженный мелиоратор России

Главный редактор
Ольхов В.Н.

Редакционная коллегия
Арзуманов В.Н. (ред. отдела искусств)
Ахмедов М.А.
Басаев О.Т.
Бедоев Ш.Е.
Бекизова Л.А.
Вороков В.Х.
Давыдов Ю.С.
Ибрагимов К.Х.
Кауфов Х.Х.
Куликова Т.Д. (ред. отдела публицистики)
Маркелов Н.В. (ред. отдела истории и культурного наследия)
Мамакаев Э.А.
Мосянко А.А. (ред. отдела критики и библиографии)
Пряхин Г.В. (зам. главного редактора)
Панкова Л.А.
Разумовская З.М. (ред. международного отдела)
Санджиев Н.Д.
Трилисов А.И. (ред. отдела переводов)
Ходов К.З.
Хамхоев В.В.

Чернышенко О.В. (ответ. секретарь)

Технический редактор
Беляев В.И.

Над оформлением номера работали:
художники Арзуманов В.Н., Кондратенко Е.Ю.,
Эйзериков И.Б., Яковлев А.А.
компьютерная верстка, компьютерный набор – Сагинор Л.Г.
корректор – Чернышенко О.В.

Адрес редакции: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.
ОАО «Севкавгипроводхоз», альманах «Голос Кавказа».
Контактные телефоны: (8793) 39-34-08, 39-30-07. Факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.
E-mail: skgvh@skgvh.ru
Международный отдел: erudit5@mail.ru

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26977 от 19.01.2007 г.

Подписано в печать 4.05.2012 г. Формат 72 x 104^{1/16}. Офсет.
Тираж 2000.экз. Заказ 25. Отпечатано в типографии ООО «ПЕРЕСВЕТ».

Знакомьтесь: учредитель альманаха «Голос Кавказа»
ОАО «СЕВКАВГИПРОВОДХОЗ»

Ещё одна победа!

Успешно прошли испытания Фристайл-центра на чемпионате России и Кубке Европы по сноуборду. Коллектив института ОАО «Севкавгипроводхоз», как всегда чётко и в срок, выполнил свою задачу по изысканиям и проектированию маршрута – самой ответственной для зимней Олимпиады-2014 трассы. Более того, по его проекту (авторы А.М. Падня, А.А. Бутенко) сооружена совместно с отечественными и зарубежными спортивными технологами крупнейшая в мире трасса Хафпайп, зафиксированная фотокамерой.

Трасса Хафпайп в действии.

Фото Андрея Баталова. (очерк см. на стр. 125-135)

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Коллектив Ставропольской государственной универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1852-2012) со славным 160-летием служения отечественной культуре!

Коллектив проектного института ОАО «Севкавгипроводхоз» со славным 85-летием! Здесь выпестованы два лауреата Государственной премии СССР, 16 заслуженных мелиораторов России, 30 орденосцев и 150 обладателей медалей различного достоинства. И сегодня, по заключению Международного Центра инвестиционного консалтинга, институт обладает высоким качеством финансового и производственного менеджмента, высокой рентабельностью, платежеспособностью, отлаженностью всех процессов технологического цикла! Проекты института уже успешно реализованы в 15-ти зарубежных странах.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

